

ЧЕЛОВЕК И ПРАВО – XXI ВЕК

Выпуск 1
2021

ЧЕЛОВЕК И ПРАВО — XXI ВЕК

**AN INDIVIDUAL AND THE LAW —
XXI CENTURY**

Альманах
*Института прокуратуры
Саратовской государственной
юридической академии*

*Saratov State Law Academy
Institute of Prosecution*
Almanac

2021

*Выпуск 1
Issue 1*

Издательство
Саратовской государственной юридической академии
“Saratov State Law Academy” Publishers

УДК 34(082)
ББК 67я43
Ч-39

Человек и право – XXI век : альманах Института прокуратуры Саратовской
Ч-39 государственной юридической академии / Саратовская государственная юриди-
ческая академия. – Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2021. – Вып. 1.
– 128 с.

ISBN 978-5-7924-1708-3

УДК 34(082)
ББК 67я43

Редакторы-корректоры:
Н. С. Добротворская, Л. П. Насонова
Компьютерная верстка *О.А. Фальян*
Обложка *И.В. Ласкис*

Тем. план 2021 г.

Подписано в печать 10.06.2021. Формат 70х100¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Liberation». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,4. Уч.-изд. л. 6,3. Тираж 100 экз. Заказ № 205.

Издательство Саратовской государственной юридической академии.
410028, г. Саратов, ул. Чернышевского, 135.

Отпечатано в типографии издательства
Саратовской государственной юридической академии.
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

ISBN 978-5-7924-1708-3

© Саратовская государственная
юридическая академия, 2021

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Спесивов Н.В. директор Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Боярская Ю.Н. заместитель директора Института прокуратуры по научной работе Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ильгова Е.В. ректор Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;

Белоусов С.А. проректор по научной работе, заведующий кафедрой теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н.;

Гулягин А.Ю. прокурор Тамбовской области, д.ю.н.;

Акимова М.А. судья Двенадцатого арбитражного апелляционного суда, доцент кафедры международного права Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н.;

Кондрашин В.В. директор Саратовского межрегионального центра профессионального обучения прокурорских работников и федеральных государственных гражданских служащих Саратовской государственной юридической академии;

Соколов А.Ю. директор Саратовского филиала ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук», заведующий кафедрой административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Абанина Е.Н. профессор кафедры земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;

Ананьева А.А. заведующий кафедрой гражданского права Российского государственного университета правосудия, д.ю.н.;

Афанасьев С.Ф. директор Института законотворчества, заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор, судья в отставке;

Балашова Е.Ю. профессор кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии, д.ф.н.;

Блинов А.Г. заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

Богачева Е.А. заместитель директора Института прокуратуры по социальной работе Саратовской государственной юридической академии, к.п.н., доцент;

Варыгин А.Н. заведующий кафедрой прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н, профессор;

Воротников А.А. профессор кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;

- Ворошилова С.В.** профессор кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Залужный А.Г.** профессор кафедры национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Р.Ф, д.ю.н., профессор, старший советник юстиции;
- Заметина Т.В.** заведующий кафедрой конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Исаенкова О.В.** заведующий кафедрой гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Ковалева Н.Н.** заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н, профессор;
- Комбарова Е.В.** доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н.;
- Коновалов И.Н.** профессор кафедры истории, политологии и социологии Саратовской государственной юридической академии, д.и.н., профессор;
- Лопашенко Н.А.** профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Манова Н.С.** заведующий кафедрой уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Титов А.А.** доцент кафедры организационно-аналитического обеспечения деятельности и управления в органах прокуратуры Университета прокуратуры РФ, к.ю.н., юрист 1 класса;
- Покачалова Е.В.** заведующий кафедрой финансового, банковского и таможенного права имени профессора Н.И. Химичевой Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Пырков И.В.** профессор кафедры русского языка и культуры речи Саратовской государственной юридической академии, д.ф.н.;
- Радченко В.И.** профессор кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н., профессор;
- Соколов А.Ф.** профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии, к.ю.н., доцент;
- Соловых С.Ж.** заведующий кафедрой гражданского права Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н.;
- Шапиро Л.Г.** заведующий кафедрой криминалистики Саратовской государственной юридической академии, д.ю.н.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

- 8 Бурашникова Н.А.
О некоторых вопросах процессуального взаимодействия судов общей юрисдикции и третейских судов
- 18 Васильев А.А., Младенова Е.В.
К вопросу об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд
- 22 Сенякин И.Н., Торчилин К.Е.
О некоторых проблемах установления запрета на обход закона
- 31 Титов А.А.
Перспективы и мировые тренды правового регулирования противодействия коррупции

К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

- 38 Ахмедов А.Я.
Отдельные основания прекращения гражданско-правовых обязательств
- 47 Богатова Е.В.
Некоторые проблемы проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов органами прокуратуры

- 51 Грачева О.А.
К вопросу о проведении прокурором проверок исполнения закона в свете законодательных новелл
- 57 Киримова Е.А.
Медиация как средство разрешения правовых конфликтов
- 62 Кушнир И.В.
Избыточность запретов в праве как предпосылка формирования и форма проявления дисбаланса юридической ответственности
- 70 Ткачева Н.Н.
Участие прокурора в гражданском судопроизводстве в качестве субъекта, оказывающего бесплатную юридическую помощь, – гарантия получения судебной защиты
- 75 Фадеева В.А.
К вопросу о конституционно-правовом статусе института уполномоченного по защите прав предпринимателей в России

ИСТОРИЯ ПРАВА И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

- 80 Колесников А.В.
Сравнительная характеристика территориальной организации муниципального управления России и Канады

**СОВРЕМЕННЫЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

- 89** **Балашова Е.Ю.**
Корпусные технологии
в юридическом переводе
(на материале электронного
корпуса документов ООН)
- 96** **Богачева Е.А., Короткова М.Д.**
Статус фонологических
абстракций при создании
транскрипции английского
языка

**ВЗГЛЯД
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

- 101** **Ситник В.Н.**
К вопросу о необходимости
введения уголовной
ответственности
за использование дипфейков
в Российской Федерации
- 108** **Ягудина А.Ю.**
Понятие правового
конформизма

Уважаемые читатели, коллеги!

Мы рады вам сообщить о возрождении альманаха Института прокуратуры федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» «Человек и право – XXI век». В свое время альманах получил регистрацию в ЮНЕСКО и был одним из ведущих научно-практических журналов Саратовской школы права.

Первый выпуск альманаха приурочен к празднованию 90-летия со дня основания ФГБОУ ВО «СГЮА». Нашей алма-матер за ее 90-летнюю историю пройден славный путь, который был богат на яркие и запоминающиеся события, прежде всего в науке. Гордостью Академии являются 20 научных школ, возглавляемых известными на всю страну учеными-юристами. Неразрывная связь поколений, позволяющая воспитывать начиная со студенческой скамьи молодых ученых и докторов наук, – приоритетное направление научного развития Института и Академии. Огромную благодарность выражаю практикующим работникам органов и организаций прокуратуры, судебной системы, проявивших интерес к нашему Альманаху, ведь связь теории и практики – не только его неотъемлемая составляющая, но и организации учебного процесса и научной работы с обучающимися Института.

Выражаю уверенность, что издание станет дискуссионной площадкой для анализа и освещения последних достижений юридической науки, разъяснения законодательства прокурорскими, следственными работниками и судебским сообществом, а также свободного обмена мнениями с указанными практическими сотрудниками через публикации соответствующих научно-практических материалов. Альманаху будет присвоен международный стандартный серийный номер ISSN. Электронная версия журнала будет размещена в Научной электронной библиотеке (eLibrary.ru), а также включена в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Н.В. Спесивов,

директор Института прокуратуры
Саратовской государственной
юридической академии

Н.А. Бурашникова,

кандидат юридических наук,
заместитель председателя
Тамбовского областного суда

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ И ТРЕТЕЙСКИХ СУДОВ

Вопросы третейского разбирательства, особенностей его развития, соотношения деятельности государственных и третейских судов являются сложными, многоаспектными, требующими осмысления обсуждения на научном, практическом и законодательном уровнях.

Верховный Суд РФ в последние годы ориентирует суды на то, что содействие развитию альтернативных средств разрешения споров, к числу которых относится и третейское судебное разбирательство, – одна из задач судебной власти. Третейский суд, медиация, судебное примирение, досудебный порядок разрешения споров – все эти институты актуальны для современного этапа судопроизводства и направлены на быстрое и эффективное разрешение гражданско-правовых конфликтов и снижение нагрузки государственных судов.

Вопросам третейского разбирательства, его соотношению с функциями государственных судов, взаимодействию третейских судов с судами общей юрисдикции и арбитражными судами посвящено Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функ-

ций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража», которым разъяснено, что «суды осуществляют функции содействия и контроля в отношении как арбитража (третейского разбирательства), который администрируется постоянно действующим арбитражным учреждением, так и арбитража, осуществляемого третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора (ad hoc)»¹.

Анализ процедуры третейского судебного разбирательства показывает, что его преимуществом является автономия воли сторон, которая предполагает возможность добровольной передачи спора на разрешение третейского суда, самостоятельный выбор судей, возможность разрешения споров в одной инстанции, без последующего пересмотра решения, отсутствие досудебного порядка разрешения возникшего спора; конфиденциальность третейской процедуры и возможность определения ее правил самими сторонами.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3.

Однако третейство непросто приживается в российской правовой действительности, несмотря на то, что имеет достаточно глубокие исторические корни. Третейское разбирательство как общественный способ разрешения конфликтов было широко распространено во многих государствах. В России обращение к третейским судьям основывалось на представлениях о том, что такое разрешение споров в наибольшей степени отвечает понятиям о справедливости.

Н.В. Гоголь в письме к графу А.П. Толстому обратил внимание на такое свойство русского характера, как склонность к примирению: «Людям трудно самим умириться между собой, но как только станет между ними третий, он их вдруг примирит. Оттого-то у нас всегда имел такую силу третейский суд, истое произведение земли нашей, успевавший доселе более всех других судов. В природе человека, и особенно русского, есть чудное свойство: как только заметит он, что другой к нему сколько-нибудь наклоняется или показывает снисхождение, он сам уже готов чуть не просить прощенья. Уступить никто не хочет первый, но как только один решился на великодушное дело, другой уже как бы рвется перещеголять его великодушьем»².

² Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 7 т. М., 1978. Т. 6. С. 2.

Несмотря то, что третейское разбирательство как первая общественно приемлемая форма разрешения конфликтов имеет древнейшие корни, отечественная история показывает, что оно не получило широкого распространения ни в период самодержавия, ни тем более в советский период российской истории. В качестве причин исследователями указываются традиционно тоталитарная власть, не допускающая автономизации судебных органов, отсутствие экономической основы для частной инициативы, в том числе и в сфере разбирательства споров, традиционная слабость торгового сословия и т.д.¹

Вместе с тем в постсоветский период с развитием рыночной экономики вновь возник обоснованный интерес к третейскому судопроизводству как способу урегулирования частноправовых и экономических споров, что привело к созданию во многих регионах постоянно действующих третейских судов, как правило, при торгово-промышленных палатах. Так, например, 26 июля 2001 г. при Тамбовской областной торгово-промышленной палате был создан Третейский суд, который занимался разрешением подведомственных экономических споров

¹ Скворцов О.Ю. Третейское разбирательство предпринимательских споров в России: проблемы, тенденции, перспективы. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 3.

и частноправовых споров между гражданами². Аналогичные суды учреждались и в других субъектах Российской Федерации.

Интересна практика создания специализированных третейских судов, к примеру по медицинским спорам в Смоленске, Санкт-Петербурге³. Представляется, что с учетом специфики медицинских споров и споров о медицинском страховании, необходимости углубленных специальных познаний при их разрешении это очень интересный опыт, который мог бы быть воспринят и расширен. На целесообразность работы таких судов обращают внимание не только юристы, но и представители медицины. Так, Р.З. Симонян и И.В. Зеленова отмечают, что «огромный плюс третейского суда в том, что урегулированием споров могут заниматься люди, обладающие специальными знаниями в медицине»⁴.

² Тамбовская областная торгово-промышленная палата. Официальный сайт. URL: <https://tambov.tpprf.ru/ru/services/tretyeskiy-sud>

³ Третейский суд Врачебной палаты Смоленской области [Электронный ресурс]: Национальная медицинская палата: сайт. URL: <http://www.nacmedpalata.ru/?action=show&id=12726>; Тимофеев И.В., Грицак О.В., Ахрем Н.В. О работе третейского суда медицинского страхования и здравоохранения при Санкт-Петербургской торгово-промышленной палате // Менеджер здравоохранения. 2010. № 5. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-rabote-tretyeskogo-suda-meditsinskogo-strahovaniya-i-zdravooxraneniya-pri-sankt-peterburgskoy-torgovo-promyshlennoy-palate>.

⁴ Симонян Р.З., Зеленова И.В. Правовое регулирование в медицине: страхование профессиональных ошибок врачей-стоматологов // Между-

Однако судебная практика свидетельствует о том, что третейские суды не всегда были представлены квалифицированными судьями, действующими в соответствии с нормами закона. По делам, поступающим в суды и касающимся третейского разбирательства, в некоторых случаях прослеживались либо злоупотребления, либо непрофессиональный подход к разрешению споров.

Так, определением Октябрьского районного суда г. Тамбова от 21 марта 2013 г., оставленным судебной коллегией по гражданским делам Тамбовского областного суда без изменения, было отменено решение третейского суда г. Тамбова, созданного при коммерческой организации, которым с гражданина взыскана неустойка, а также принято решение о регистрации перехода права его собственности на нежилое помещение, расположенное в г. Москве. Отменяя указанное решение, районный суд установил наличие обстоятельств, которые в соответствии со ст. 421 Гражданского процессуального кодекса РФ¹ являлись безусловным основанием для отмены решения третейского суда: отсутствие надлежащим образом заключенного арбитражного соглашения (было представлено

соглашение, содержащее признаки фальсификации), соответственно, отсутствие компетенции третейского суда на разрешение спора, уведомление одной из сторон о месте и времени судебного разбирательства, несоблюдение процедуры третейского разбирательства, а также нарушение оспариваемым решением основополагающих принципов российского права, в частности, были нарушены предусмотренные ст. 18 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации»² принципы независимости и беспристрастности третейских судей, диспозитивности, состязательности и равноправия сторон³.

В другом случае третейским судом по спору между двумя гражданами было вынесено решение о признании за гражданкой права собственности на металлический гараж с погребом, расположенный в районе жилого многоквартирного дома, где она проживала. С заявлением об отмене данного решения обратилась администрация г. Тамбова, действующая от имени муниципального образования, в чьей собственности находился земельный участок под гаражом, указывая

народный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 2-1. С. 187–188.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532.

² Федеральный закон от 24.07.2002 № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3019.

³ Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Тамбовского областного суда от 2 июля 2013 г. № 33-1627/2013 // Архив Тамбовского областного суда.

на незаконность решения, поскольку срок договора аренды на земельный участок под гаражом на момент вынесения решения истек, а в адрес гражданина было направлено уведомление о прекращении действия договора аренды. Отменяя решение третейского суда, районный суд установил, что администрация г. Тамбова, являющаяся заинтересованным лицом, осуществлявшая права собственника от имени муниципального образования, не была привлечена к участию в третейском разбирательстве, что повлекло нарушение ее прав, а также вынесение неправильного решения без установления правового статуса земельного участка под гаражом¹.

Приведенные примеры, к сожалению, не единичны. Случаи, когда третейские суды действовали не в соответствии с нормами права, а вопреки им, привели к некоторой дискредитации этого института как в глазах граждан, так и в глазах судей.

Законодатель отреагировал на злоупотребления с использованием третейских судов принятием Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»², которым

детально регламентирован порядок образования и деятельности третейских судов, а также сама процедура третейского разбирательства, установлены четкие требования к третейским судьям (арбитрам), определен порядок вынесения, приведения в исполнение и отмены решения третейского суда, урегулирована процедура создания постоянно действующих арбитражных учреждений и осуществления ими деятельности. То, что целью принятия данного закона явилось устранение несовершенства правового регулирования института арбитража (третейского разбирательства) в Российской Федерации, которое «не позволяет обеспечить высокий уровень третейского разбирательства, а также реальную востребованность данного института со стороны участников гражданского оборота», «на практике приводит к многочисленным злоупотреблениям с использованием третейских судов, что, в свою очередь, ведет к дискредитации данного института», следует из Пояснительной записки к проекту данного закона, разработанному Правительством РФ на основании п. 11 Перечня поручений по реализации Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 27 декабря 2013 г. № Пр-3086³.

¹ Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Тамбовского областного суда от 28 марта 2012 г. № 33-858/2012 // Архив Тамбовского областного суда.

² Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1, ч. 1, ст. 2.

³ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 788111-6 «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» // Доступ. из справ.-правовой системы «Гарант».

Однако, на наш взгляд, принятие этого закона имеет и оборотную сторону. Законодатель ужесточил требования к постоянно действующим арбитражным учреждениям, указав возможность образования их только при некоммерческих организациях и только при наличии соответствующего разрешения Министерства юстиции РФ на основании рекомендации Совета по совершенствованию третейского разбирательства. При этом не менее одной трети арбитров постоянно действующего учреждения должны иметь ученую степень, присужденную на территории Российской Федерации по специальности, входящей в перечень, который утверждается уполномоченным федеральным органом исполнительной власти на основании рекомендации Совета по совершенствованию третейского разбирательства, а не менее половины арбитров должны обладать опытом разрешения гражданско-правовых споров в качестве третейских судей и (или) арбитров в третейских судах (арбитраже) и (или) в качестве судей федерального суда, конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации, мировых судей в течение не менее десяти лет, предшествующих дате включения в рекомендованный список арбитров¹.

¹ Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (ст. 44, 47).

Такие жесткие требования к составу арбитров привели к прекращению деятельности постоянно действующего третейского суда как в Тамбовской области, так и в других регионах.

Представляется, что высокие квалификационные требования, безусловно, необходимы для формирования профессионального корпуса постоянно действующих арбитражных учреждений. Однако в действующем регулировании они, на наш взгляд, являются несколько завышенными в части положений об обязательном наличии у трети арбитров ученой степени, поскольку таких условий законодателем не установлено даже в отношении судей государственных судов. Полагаем, что требования к негосударственным судьям не могут быть выше предъявляемых к представителям правосудия, осуществляющим судопроизводство от имени Российской Федерации.

О фактическом прекращении деятельности постоянно действующих третейских судов (арбитражных учреждений) в регионах свидетельствует и судебная практика. Так, в 2018 г. судами Тамбовской области рассмотрено всего два заявления о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов, что составляет 0,05 % от общего количества материалов, рассмотренных

в порядке исполнения решений судов, в 2019 г. – восемь таких заявлений (0,2 %)¹. Приблизительно такие же цифры отмечаются и в судебной статистике по России в целом (0,07 % в 2019 г., 0,08 % в 2018 г.)².

Следует отметить, что материалы, связанные с оказанием содействия третейским судам, судами Тамбовской области в 2018–2019 гг. вообще не рассматривались. Создается парадоксальная ситуация: есть процессуальные нормы, предусматривающие функции содействия общим судам третейскому разбирательству, есть разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, а соответствующей судебной практики фактически нет.

Таким образом, статистические данные и судебная практика свидетельствуют о том, что третейское разбирательство как способ урегулирования споров между гражданами в настоящее время является не востребованным. Решения выносятся в основном судами, созданными *ad hoc*, и количество таких решений невелико.

¹ Сводные статистические отчеты районных (городских судов Тамбовской области за 12 месяцев 2018 года. URL: <http://usd.tmb.sudrf.ru/modules.php?name=stat&rid=14>

² Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891>; Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258>.

В качестве причин, которые способствуют этому, следует указать не только жесткие требования закона к составу судей постоянно действующих третейских судов, но и иные факторы.

На наш взгляд, чтобы третейское разбирательство стало востребованным, оно должно быть быстрее, проще и дешевле, чем государственное правосудие. Тогда у участников гражданского оборота будет возникать заинтересованность в этом способе разрешения споров. Представляется, что именно эти позиции (скорость рассмотрения, простота процедуры и ее выгодность с экономической точки зрения) являются критериями эффективности работы третейских судов. Однако практика показывает, что государственное правосудие часто оказывается для сторон спора дешевле, нежели третейское разбирательство.

Так, Сампурским районным судом Тамбовской области было рассмотрено заявление ПАО «Сбербанк» о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда о взыскании с гражданина задолженности по кредитному договору. Исходя из размера иска, государственная пошлина по заявленным требованиям в случае предъявления их в суд общей юрисдикции составила бы 1 340 руб., тогда как тре-

тейский сбор, взысканный по делу, более чем в 10 раз превысил размер государственной пошлины и составил 15 000 руб.¹ И это не единичный пример.

Полагаем, что «дешевое» правосудие, с минимальными ставками государственной пошлины по имущественным спорам, также является сдерживающим фактором в развитии института третейского разбирательства. Идея о необходимости повышения государственных пошлин при обращении в суд неоднократно высказывалась председателем Совета судей РФ В.В. Момотовым, согласно позиции которого «существующие размеры государственной пошлины не только не соответствуют реальным издержкам государства по отправлению правосудия, но и увеличивают «спрос на судебную систему», который «может раскручиваться до бесконечности, поскольку он не имеет сдерживающего фактора в виде рыночной цены услуг по отправлению правосудия». При этом постепенное повышение государственной пошлины «позволит уменьшить количество “безнадежных” и сомнительных исков, предъявляемых в суды недобросовестными участниками гражданского оборота, а также будет способствовать досудебному урегу-

лированию споров»². Полагаем, что такая мера, как увеличение государственной пошлины по имущественным частнопроводным спорам, будет способствовать и расширению сферы деятельности третейских судов, поскольку третейская процедура в этом случае окажется более эффективной с точки зрения экономического критерия.

Вторым ограничительным моментом в расширении практики третейского разбирательства, как уже говорилось, является жесткий профессиональный ценз третейских судей. Представляется, что если бы квалификационные требования к ним были снижены в части обязательности наличия ученой степени, то это позволило бы сформировать постоянно действующие третейские суды в регионах и нарабатывать практику третейского разбирательства.

При этом третейские суды могли бы разрешать споры не только в традиционной сфере частнопроводных торговых и предпринимательских отношений, но и в сферах, в которых необходимо наличие определенной специализации (например в медицинских, спортивных спорах и т.д.).

Третий фактор, который, по нашему мнению, мог бы способство-

¹ Кассационное определение судьи Тамбовского областного суда № 4Г-34/2019 от 30.01.2019 // Архив Тамбовского областного суда. 2019 год.

² Момотов В.В. Экономика правосудия: о благе государства и пользе частного лица // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3 (64). С. 12-13.

вать увеличению популярности третейского разбирательства, – это привлечение к работе в третейских судах судей в отставке. Как правило, уходящие в отставку судьи с длительным стажем работы, богатым опытом судебного разбирательства и знанием психологии, пользуются авторитетом, к ним охотно обращаются за помощью, доверяя их профессиональному опыту. Не случайно Верховным Судом РФ была инициирована процедура по внедрению в процессуальное законодательство такого института, как судебное примирение, ориентированная на привлечение судей в отставке к участию в мирном урегулировании споров¹.

Однако не все судьи в отставке в субъектах Российской Федерации, желающие работать в данном направлении, были включены в списки судебных примирителей, утвержденные Пленумом Верховного Суда РФ². Соответственно, лица, не вошедшие в число примирителей, могли бы быть задействованы в третейском разбирательстве, которое в силу п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской

Федерации» не относится к предпринимательской деятельности.

Вместе с тем активное участие судей в отставке в данной деятельности в настоящее время вряд ли возможно, поскольку, с одной стороны, согласно п. 4 ст. 3 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» на судью, пребывающего в отставке, независимо от возраста и судейского стажа не распространяются требования, установленные подп. 1 п. 3 названной статьи, то есть не действует общий запрет для судей быть третейским судьей, арбитром. С другой – абз. 3 п. 4 ст. 3 данного закона закрепляет правило о том, что в период осуществления деятельности, которой судья, пребывающий в отставке, вправе заниматься в соответствии с данным пунктом, на него не распространяются гарантии неприкосновенности, установленные ст. 16 данного закона; членство указанного судьи в судейском сообществе на этот период приостанавливается. Представляется, что указанные положения, с учетом которых судья в отставке в период исполнения обязанностей арбитра лишается неприкосновенности, гарантированной ему законом, минимизируют участие судей в отставке в третейском разбирательстве, несмотря на то, что их опыт мог бы быть чрезвычайно полезен для развития данного института разрешения споров.

¹ Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» / СЗ РФ. 2019. № 30, ст. 4099.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2020 № 1 «Об утверждении списка судебных примирителей» // СПС «Консультант-Плюс».

Как писал Н.В. Гоголь в письме к тому же графу А.П. Толстому, «вот почему у нас скорей, чем где-либо, могут быть прекращены самые застарелые ссоры и тяжбы, если только станет среди тяжущихся человек истинно благородный, уважаемый всеми и притом еще знаток человеческого сердца»¹. Опираясь на эти слова классика, следует отметить, что личность третейского судьи, его авторитет и, соответственно, уважение к нему также играют немаловажную роль в развитии института третейского разбирательства. В связи с этим очень важно подбирать в состав постоянно действующих учреждений арбитров, которые бы пользовались авторитетом в обществе и вызывали доверие спорящих сторон. И не всегда «знатока человеческого сердца» характеризует такой формальный критерий, как наличие ученой степени по той или иной специальности.

В завершение резюмируем: несмотря на то, что в настоящее время наиболее распространенным и надежным способом защиты нарушенных гражданских прав является судебная защита, которая осуществляется государственными судами, параллельно должна функционировать альтернативная система негосударственного разрешения споров. Участникам гражданско-правового

оборота необходимо предоставлять возможность выбора судебной процедуры, наиболее эффективной применительно к конкретной ситуации и конкретному виду спора. Полагая, что, несмотря на определенную тенденцию «неприживаемости» негосударственных форм правосудия в России, третейское производство, отвечающее требованиям эффективности, а также установленным законодателем принципам конфиденциальности, независимости и беспристрастности третейских судей, диспозитивности, состязательности сторон и равного отношения к сторонам, займет достойное место в комплексе процедур разрешения гражданско-правовых споров, а третейский суд как «институт гражданского общества», который осуществляет «разрешение споров посредством общественного самоуправления»², будет востребованным и необходимым в современном российском обществе.

¹ Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Собр. соч. в 7 т. М., 1978. Т. 6. С. 2.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2011 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 23, ст. 3356.

А.А. Васильев,

кандидат юридических наук,
заместитель Саратовского межрайонного
природоохранного прокурора

Е.В. Младенова,

помощник Саратовского межрайонного
природоохранного прокурора

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЗАКУПОК ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Ежегодно в Российской Федерации в рамках требований, предусмотренных Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ, Закон о контрактной системе), а также Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» заключается большое количество контрактов и договоров по поставке товаров, выполнению работ и оказанию услуг, необходимых для обеспечения нужд государственных и муниципальных органов¹.

Сами по себе государственные закупки являются важным инструментом развития гражданского и правового общества, инфраструктуры и экономики страны, ее институтов².

¹ Багмет А.М., Перов В.А. К вопросу совершенствования законодательства в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Гражданское право. 2019. № 5. С. 38-41.

² Шумик Е.Г., Курпиров Б.Е. Проблемы становления и перспективы развития общественного контроля в государственных закупках // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26. Вып. 3. С. 59.

Контрактная система предусматривает поставку товаров, выполнение работ либо оказание услуг для государственных (муниципальных) нужд.

Самостоятельного понятия государственных (муниципальных) нужд Закон о контрактной системе не содержит. Однако, как это следует из научной литературы, это потребность государственных (муниципальных) заказчиков в товарах, работах, услугах, которые им необходимы для реализации муниципальных программ и выполнения функций муниципальных органов¹.

В условиях финансовой нестабильности выиграть конкурс, аукцион на заключение государственного, муниципального контракта представляется крайне выгодным для хозяйствующих субъектов, в связи с чем возникают намерения любым способом, в том числе и незаконным, стать поставщиком (подрядчиком, исполнителем) контрактных обязательств.

В этой связи исполнению законодательства о закупках товаров, работ, услуг для государственных нужд уделяется особое внимание со стороны контролирующих (надзорных) органов, в том числе органов прокуратуры.

Как самостоятельное направление надзор за исполнением законодательства в сфере закупок товаров (работ, услуг) для государственных, муниципальных нужд правовыми актами не выделен. Вместе с тем исполнение этого законодательства проверяется в рамках прокурорского надзора за исполнением бюджетного, антимонопольного законодательства, законодательства о защите прав субъектов предпринимательской деятельности и других направлений прокурорского надзора².

Однако стоит отметить, что в рамках указанного направления приказ Генерального прокурора России от 29 августа 2014 г. № 454 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции» предписывает прокурорам осуществлять проверки соблюдения антикоррупционного законодательства, в том числе регламентирующего вопросы предотвращения и урегулирования конфликта интересов, уведомления о склонении к совершению коррупционных правонарушений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также принимать исчерпывающие меры превентивного харак-

¹ Когда заказчиком проводить закупки по Закону № 44-ФЗ, а когда по Закону № 223-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс. 2021».

² Оленышев О., Игонина Н. Организация надзора за исполнением законодательства о закупках товаров (работ, услуг) для государственных (муниципальных) нужд // Законность. 2010. № 1. С. 12–16.

тера, направленные на обеспечение прозрачности, эффективности и результативности закупочной деятельности; в случае причинения ущерба в результате коррупционного правонарушения добиваться его возмещения¹.

Одним из основных источников информации при проведении прокурорской проверки в рассматриваемой сфере являются сведения, подлежащие размещению в единой информационной системе <http://www.zakupki.gov.ru/>² (далее – ЕИС)³. Кроме того, источниками такой информации являются данные органов государственной власти, органов местного самоуправления, контролирующих и правоохранительных органов, сведения, размещаемые на официальных сайтах, а также данные средств массовой информации, обращения граждан, юридических лиц, материалы уголовных, арбитражных и административных дел⁴.

Органами прокуратуры накоплен и продолжает аккумулироваться большой опыт надзорной

деятельности в процессе использования контрактной системы.

В ходе проводимых прокурорских проверок выявляются различные нарушения на разных стадиях закупок. Это могут быть факты заключения контрактов без проведения торгов с единственным поставщиком в обход конкурентных процедур, факты отсутствия расчета и обоснования начальной (максимальной) цены контракта, ее неверного определения, завышения цен, факты искусственного дробления закупок и др.

На практике распространены случаи незаконного изменения условий контрактов, выявляются нарушения при исполнении государственных, муниципальных контрактов, связанные с пропуском срока со стороны поставщика (подрядчика, исполнителя) по поставке товаров, выполнению работ, оказанию услуг.

Особое внимание уделяется прокурорами нарушениям при исполнении государственных, муниципальных контрактов со стороны заказчика, связанные с нарушением срока и порядка оплаты товаров (работ, услуг) при осуществлении закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Зачастую заказчики не применяют штрафные санкции и меры к расторжению контрактов при их ненадлежащем исполнении, что сви-

¹ Законность. 2014. № 12.

² Енишевский М.С. Выявление нарушений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Законность. 2018. № 10. С. 30–31.

³ Енишевский М.С. Выявление нарушений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Законность. 2018. № 10. С. 30–31.

⁴ Паламарчук А.В. Задачи прокурорского надзора за исполнением законов в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд // Законность. 2019. № 1. С. 3–10.

детельствует о неэффективном расходовании бюджетных средств (ст. 34 Бюджетного кодекса Российской Федерации¹).

Необходимо отметить значимую роль прокурорского надзора в указанной сфере. Прокуроры выявляют нарушения на всех стадиях действия государственного, муниципального контракта: от определения поставщика (подрядчика, исполнителя) до исполнения, и, применяя комплексный подход к выбору средств прокурорского

реагирования, успешно реализуют поставленные перед прокуратурой цели по обеспечению верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Изложенные вопросы прокурорского надзора за исполнением законодательства о закупках товаров (работ, услуг) для государственных и муниципальных нужд являются далеко не исчерпывающими.

¹ СЗ РФ. 1998. № 31, ст. 3823.

И.Н. Сенякин,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории государства
и права (Саратовская государственная
юридическая академия)

К.Е. Торчилин,

Кандидат юридических наук,
помощник судьи
(Тамбовский областной суд)

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ УСТАНОВЛЕНИЯ ЗАПРЕТА НА ОБХОД ЗАКОНА

Актуальность темы исследования. В относительно недавней ретроспективе инициатива реформирования гражданского законодательства в части, касающейся введения норм, устанавливающих основы противодействия обходу закона, стала причиной многочисленных обсуждений, перешедших в достаточно острую полемику. Как учеными, так и юристами-практиками высказывались аргументы в обоснование позиций по вопросам, носящим ключевой характер для оценки не только рациональности, но и общей состоятельности готовящегося законопроекта.

Ведущиеся диспуты, в числе прочего, постепенно сформировали поляризованные, диаметрально противоположные точки зрения условных сторонников и противников предлагаемых законодательных изменений. При этом осязательная острота научной дискуссии и отсутствие компромисса по многим вопросам, касающимся феномена обхода закона, сохранились и четко просматриваются даже после того, как эта неоднозначно воспринятая юридическая новелла все-таки была реализована и с 1 марта 2013 года введена в положения ч. 1 Гражданского кодекса РФ в результате принятия Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ¹.

¹ О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон Рос. Федерации от 30 дек. 2012 г. № 302-ФЗ

Можно констатировать, что ведущиеся в обозначенной области споры имеют достаточно весомые причины, так как по итогам указанной реформы в основах гражданского законодательства возник новый критерий, на основании которого осуществляется официальная оценка правомерности самых разнообразных действий участников всего значительного массива существующих гражданских правоотношений, что выступает фактором, оказывающим очевидное влияние на фундаментальное начало гражданского права – свободу договора, изменяя границы возможного правомерного поведения. При этом очень важно учитывать, что смысловое содержание данного критерия не очевидно даже для представителей юридического сообщества, этот критерий до его законодательного введения не был свойственен ни правоприменительной практике, ни научному обороту. Его юридическая природа (вплоть до настоящего момента) остается дискуссионной и недостаточно изучена правоведами, а диспозиция соответствующей нормы-запрета сформулирована законодателем в тексте нормативного акта предельно абстрактно. Впол-

(в ред. от 04.03.2013): принят Государственной Думой Федерального Собр. Рос. Федерации 18 дек. 2012 г.; одобрен Советом Федерации Федерального Собр. Рос. Федерации 26 дек. 2012 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53, ч. 1, ст. 7627; 2013. № 9, ст. 873.

не закономерно, что непрерывно растущие потребности в научном объяснении и правильном практическом применении ст. 10 ГК РФ¹ актуализируют исследования феномена обхода закона в самых разнообразных направлениях. В плане научного поиска особого внимания заслуживает анализ основных проблем законодательной регламентации и практики применения норм, устанавливающих запрет на обход закона, так как исследование такой направленности позволяет не только оценить текущее состояние данного правозащитного механизма и наметить некоторые направления его совершенствования и развития, но и выступит фактором, потенциально содействующим решению целого комплекса других задач науки и практики в данной области.

Степень изученности и проработанности проблемы. Проблемы законодательного закрепления запрета на обход закона в тех или иных аспектах поднималась и рассматривалась в работах многих правоведов, в том числе в трудах А.В. Волкова², В.Л. Вольфсона³,

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации: часть четвертая от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (с изм. от 24 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52, ч. 1, ст. 5496.

² Volkov, A.V. The concept of «bypassing the law» in the doctrine and practice of civil law / A.V. Volkov // «The laws of Russia: experience, analysis, practice». 2013. No. 1. P. 67–81.

³ Wolfson V.L. About circumvention of laws / V.L. Wolfson // Legal thought. 2012. No. 3 (71).

О.Е. Захаровой¹, В.П. Камышанского², А.И. Муранова³, Е.Б. Овдиенко⁴, О.А. Ряполовой⁵, Е.Д. Суворова⁶ и И.В. Сазановой⁷. Вместе с тем задачи последовательной локализации наиболее острых проблем, выявления их детерминантов и характера, описания последствий существования этих проблем и поиска оптимальных путей их устранения остаются актуальными и требуют внимания.

Р. 97–110;

¹ Zakharova O.E. «Bypassing the Law», Imaginary and Sham Transactions: Interconnection and Distinctive Features / O.E. Zakharova // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2017. No. 4. P. 163–166.

² Kamyshansky V.P. Bypassing the law in civil law: how to understand it? / V.P. Kamyshansky // Scientific support of the agro-industrial complex. Collection of articles based on the materials of the 71st scientific-practical conference of teachers on the results of research work for 2015. Responsible for the release of A.G. Koschaev. Publisher: FGBOU VPO «Kuban State Agrarian University». 2016. S. 384–386.

³ Muranov A.I. An Attempt to Introduce the Concept of «Bypassing the Law» in the Civil Code of the Russian Federation and International Commercial Arbitration in Russia / A.I. Muranov // Bulletin of International Commercial Arbitration. 2011. No. 1. P. 188–213.

⁴ Ovdienko E.B. General characteristics of the concept of «circumvention of the law» in contract law // Lawyer. 2013. No. 22. P. 21–25.

⁵ Ryapolova O.A. To the question of the content of the legal category «bypassing the law» // Problems of modern Russian legislation. Publisher: All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) (Moscow). 2013. P. 222–226.

⁶ Suvorov E.D. Problems of legal qualification of transactions and other actions committed bypassing the law: dis. ... Cand. jurid. Sciences. M., 2009. 233 p.

⁷ Sazanova I.V. Bypassing the Law in the Light of the Draft Amendments to the Civil Code of the Russian Federation // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2012. No. 8. P. 73–75.

Предлагаемые методы и подходы и их оригинальность (новизна). Особенности подхода к научному поиску, базирующемуся на комплексной методологической основе, являются не только выборочное обращение к предметным доктринальным и нормативно-эмпирическим источникам, но также широкое применение формально-юридического метода при анализе самих правовых норм, устанавливающих запрет на обход закона, практики их реализации и документов, обосновывающих необходимость введения этого запрета в ходе законодательного процесса, в целях выявления концептуальных, содержательных, технико-юридических и иных недостатков этого правозащитного механизма. Оригинальность подхода, позволившего получить важные научные результаты, заключается в выделении в общем массиве общеобязательных предписаний, формирующих национальные и международные стандарты установления юридических запретов в современном правовом государстве, а также в сопоставлении с этими стандартами действующего запрета на обход закона.

Анализ полученных результатов. Приступая к непосредственному анализу проблематики в обозначенной области, следует, прежде всего, выделить фундаментальный, отправной недостаток проведенной

реформы, который выражен в *проблеме фактического отсутствия ее концептуального обоснования*. В ходе подготовки законопроекта имелись лишь отдельные положения, содержащиеся в принятой концепции развития гражданского законодательства¹, а также в нормах указа Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108², объясняющие необходимость установления запрета на обход закона и задавшие некоторую общую направленность аргументов, изложенных в соответствующей пояснительной записке к проекту закона³. Анализ этих источников показывает, что в части имеющей значение для исследования, они, во-первых, крайне лаконичны и фактически представлены в текстах приведенных источников всего несколькими предложениями, во-вторых – никак не развивают легальный понятийно-категориальный аппарат, так как лишены предлагае-

мых к практическому использованию норм-дефиниций, и в-третьих, уже изначально существенно сужают потенциальный логический объем понятия «действия в обход закона», рассматривая его внедрение в Гражданский кодекс способом конкретизации и частной разновидностью другого деяния – злоупотребления правом. В совокупности указанные положения не образуют целостной, системной и достаточно детализированной концепции осуществляемых преобразований. В свою очередь отсутствие идейного обоснования столь масштабного изменения в основных началах гражданского законодательства является одной из вполне логичных предпосылок широко дифференцированных недостатков института противодействия обходу закона в гражданском праве. При этом на этапе государственно-правового строительства как само гражданское законодательство, так и смежное отраслевое, устанавливающее систему уголовных и административно-правовых запретов, образуют взаимосвязанную совокупность правозащитных средств, обеспечивающих охрану и защиту прав, свобод и законных интересов участников соответствующих правоотношений. В таких условиях отсутствовали объективные причины для срочного, не терпящего отлагательств дополнения гражданского законодатель-

¹ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7 октября 2009 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 11.

² Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2008. № 155.

³ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://sozd.duma.gov.ru/download/42BF60BD-EFB2-41C5-B336-D110076D982B>.

ства новым запретом, не имеющим ни четкой и развитой теоретической модели, ни взвешенного, проработанного и оптимального способа интеграции в позитивное право, актуальный опыт использования которого в отечественной правовой системе отсутствовал.

Следующим существенным недостатком является *проблема формальной неопределенности понятия «обход закона с противоправной целью»*. Соглашаясь с В.М. Барановым, обоснованно полагающим, что «... законодательная дефиниция – стержень, каркас, ядро, квинтэссенция нормативно-правового акта..., многомерное, многопространственное и многовекторное юридическое явление»¹, констатируем, что механизм противодействия обходу закона лишен этого важного компонента. Терминологический аппарат ГК РФ не раскрывает понятие «обход закона», не описывает способы его совершения и присущие ему отличительные признаки, за исключением одного – наличия противоправной цели, тем самым лишь ориентируя правоприменителя на телеологический подход. По существу, анализируемый термин сформулирован в законе в каче-

стве оценочного понятия, наличие которого ситуативно определяется полномочным на то субъектом по его усмотрению и внутреннему убеждению. Несомненным достоинством такого подхода является гибкость противодействия обходу закона, позволяющая реагировать даже на самые новые модели поведения участников правоотношений. Вместе с тем анализ современных стандартов установления правовых запретов убедительно показывает противоречивость и несбалансированность данного решения.

В частности, такие свойства нормативного акта, как широта дискреционных полномочий, а также присущая нормам юридико-лингвистическая неопределенность, в соответствии с подп. «а» п. 3 и подп. «в» п. 4 методики проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов² определяются в качестве коррупциогенных факторов.

Недопустимость такого подхода к установлению запретов прямо следует из ряда правовых позиций Конституционного Суда РФ, затрагивающих принцип формальной определенности закона и содержащихся в постановлениях от 15 июля

¹ Baranov V.M. Legislative definition as a general legal phenomenon // Legislative definition: logical-epistemological, political-legal, moral-psychological and practical problems: materials of the International «round table» (Chernivtsi, September 21-23, 2006). N. Novgorod, 2007. S. 26.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // СЗ РФ. 2010. № 10, ст. 1084.

1999 г. № 11-П, от 27 мая 2003 г. № 9-П и от 27 мая 2008 г. № 8-П. Из приведенных актов следует, что «принцип формальной определенности закона, предполагающий точность и ясность законодательных предписаний, будучи неотъемлемым элементом верховенства права, выступает как в законотворческой, так и в правоприменительной деятельности в качестве необходимой гарантии обеспечения эффективной защиты от произвольных преследования, осуждения и наказания»¹. Важность указанного принципа сложно недооценить, а необходимость его строгого соблюдения в процессе правотворческой деятельности очевидна, так как иное создает угрозу юридической незащищенности субъекта права. В соответствии с мотивированной и очень важной в контексте поднятой проблемы позицией Конституционного Суда РФ «неточность, неясность и неопределенность закона порождают возможность неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного применения его норм – в противоречие названным конституционным принципам, из которых... вытекает обращенное к законодателю требование опреде-

ленности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования; в противном случае может иметь место противоречивая правоприменительная практика, что ослабляет гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан»².

Позиции о неприемлемости установления подобных юридических запретов и о необходимости строгого соблюдения принципа формальной (правовой) определенности закона также сформировались в практике Европейского суда по правам человека. В частности, данным международным органом отмечалось, что в соответствии с названным принципом, закрепленным в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод³, к национальному праву адресуется требование формулиро-

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР “О Государственной налоговой службе РСФСР” и Законов Российской Федерации “Об основах налоговой системы в Российской Федерации” и “О федеральных органах налоговой полиции”» // Российская газета. 1999. № 150 ; Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2003 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 199 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Н. Белецкого, Г.А. Никовой, Р.В. Рукавишникова, В.Л. Соколовского и Н.И. Таланова» // Российская газета. 2003. № 105.

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 163.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян» // Российская газета. 2008. № 123.

вать законодательство с достаточной четкостью, которая бы делала предсказуемыми и позволяла в разумной степени прогнозировать правовые последствия, которые могут повлечь для лица совершение тех или иных юридически значимых действий¹. Из практики ЕСПЧ следует, что «норма не может считаться “законом”», пока не будет сформулирована с достаточной четкостью, чтобы лицо могло регулировать свое поведение: оно должно иметь возможность предвидеть – при необходимости, получив соответствующую консультацию – в степени, разумной в конкретных обстоятельствах, последствия, которые может повлечь определенное действие» (п. 35 постановления от 27 сентября 2007 г. по делу Джавадов против Российской Федерации). При этом правовой акт, наделяющий правоприменителя дискреционными властными полномочиями, может отвечать требованиям данного принципа «...при условии, что рамки этих дискреционных полномочий и способ их осуществления прописаны с достаточной ясностью, чтобы предоставить надлежащую защиту от произвола» (п. 36 постановления от 27 сентября 2007 г. по делу Джавадов против

¹ Постановление ЕСПЧ от 24.05.2007 «Дело “Игнатов (Ignatov) против Российской Федерации”» (жалоба № 27193/02) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 10. СПС «КонсультантПлюс».

Российской Федерации). Важно обратить внимание на то, что «...понятие предсказуемости применяется не только к поведению, последствия которого заявитель должен иметь возможность разумно предвидеть, но также к «формальностям, условиям, ограничениям или наказаниям», которые могут быть связаны с таким поведением, если оно будет признано противоречащим национальному законодательству» (п. 23 постановления от 18 декабря 2008 г. по делу Казаков против Российской Федерации)². Вопреки всем обозначенным положениям, задающим стандарты правового регулирования, запрет на обход закона не обладает признаком формальной определенности, что означает возможность оспорить по этому основанию правомерность любого договора, в особенности – непоименованного, предусмотренного п. 2 ст. 421 ГК РФ.

Необходимо также обратить внимание на то, что *границы использования данного правозащитного механизма в праве не локализованы*. При формальном распространении запрета, предусмотренного ст. 10 ГК РФ только на отношения, урегулированные гражданским законодательством (в том числе на семейные), следует отметить, что

² *Zimnenko B.L.* Legal positions of interstate bodies for the protection of human rights and freedoms: A reference guide. M.: RGUP, 2017. S. 371–372.

поведение, направленное на преодоление действия норм, содержащих ограничения и запреты, возможно также и в публичных правоотношениях. В частности, недобросовестные действия подобного характера могут иметь место в области контрактной системы поставки товаров, выполнения работ и оказания услуг для государственных и муниципальных нужд. Здесь же уместно привести установленный в ст. 79 ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ запрет на преодоление решения Конституционного Суда РФ о признании нормативного акта не соответствующим конституции путем повторного издания такого же акта¹.

Продолжая анализ, отметим, что установление запрета на обход закона в текущей редакции Гражданского кодекса *не решило проблему абстрактности понятия «злоупотребление правом»*, которое все также формально не определено.

Одновременно характер использованного законодателем подхода привел к тому, что проведенная реформа *не стала причиной возникновения новой самостоятельной формы неправомерного поведения* наряду с правонарушением и преступлением, которая расширила бы сложившиеся познания общей тео-

рии государства и права о том, что правовую норму можно не только соблюсти, исполнить, применить или нарушить, но и обойти ее действие на конкретные правоотношения. После законодательного преобразования возникла и до настоящего момента устойчиво существует *проблема разграничения действий в обход закона с противоправной целью с мнимыми сделками, а также с притворными сделками* (ст. 170 ГК РФ).

Надлежит выделить дисбаланс, существующий между характером и последствиями действий в обход закона и соответствующей санкцией, предусматривающей правовые последствия за совершение таких действий.

В целом рассматриваемые положения ст. 10 ГК РФ с момента проведенной реформы *приобрели признаки декларативности*, выраженные в фактической невозможности юридической квалификации действий как совершенных в обход закона с соблюдением требований законности и обоснованности акта применения права, вследствие выделенных, а также иных недостатков закона.

Основные выводы. Поднятая проблематика указывает на острую необходимость системного реформирования механизма противодействия обходу закона, так как в текущей редакции ГК РФ его

¹ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в ред. от 9 ноября 2020 г.) // Российская газета. 1994. № 138-139; 2020. № 253.

функционирование несет риск нарушения законности, угрозу дестабилизации гражданского оборота, размывания границ свободы договора и широкой дифференциации правоприменительной практики, сопряженной с невозможностью разумного прогнозирования последствий и правомерности действий участником имущественного оборота, хоть и отвечающих общим началам гражданского законодательства, но прямо не урегулированным в законе. Помимо этого, данная проблематика наглядно демонстрирует последствия правотворческого процесса, лишенного опоры на четкую научную концепцию. Изложенное актуализирует тщательное общетеоретическое исследование феномена обхода закона и его юридической

природы, анализа его признаков, способов совершения, а также разновидностей обхода закона, их соотношения с категорией «злоупотребление правом». На указанном базисе представляется возможным оценка последствий установления такого запрета и поиск оптимальных путей его интеграции в правовую материю, в том числе в систему иных правоохранительных механизмов гражданского законодательства. При этом возможна и постановка вопроса о том, нужен ли этот запрет и уместен ли он в российском праве с учетом объективных экономических и правовых реалий, устоявшегося порядка регулирования общественных отношений, а также социальных ожиданий.

А.А. Титов,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры организационно-аналитического
обеспечения деятельности и управления
в органах прокуратуры
Университета прокуратуры РФ,
юрист 1 класса

ПЕРСПЕКТИВЫ И МИРОВЫЕ ТРЕНДЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Законодательство, регламентирующее вопросы противодействия коррупции, активно изменяется и развивается во многих государствах, поскольку антикоррупционные меры, предпринимаемые государствами, в настоящее время несовершенны и вынуждены, зачастую, «бить по хвостам», реагируя на коррупционное поведение субъектов, а не предупреждая его¹. В этой связи необходимо вести постоянный мониторинг правотворческой и правоприменительной практики в различных государствах, чтобы повышать эффективность антикоррупционной деятельности в России.

Фундаментальным международным правовым актом в данной сфере является «Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции» (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (далее – Конвенция), цели которой заключаются в следующем:

1) содействие принятию и укреплению мер, направленных на более эффективное и действенное предупреждение коррупции и борьбу с ней;

2) поощрение, облегчение и поддержка международного сотрудничества и технической помощи в предупреждении коррупции и борьбе с ней, в том числе принятии мер по возвращению активов;

¹ Титов А.А. Актуальные тенденции развития законодательства в сфере противодействия коррупции // Законность. 2020. № 10 (1032). С. 42.

3) поощрение честности и неподкупности, ответственности, а также надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом¹.

Согласно ст. 5 Конвенции каждое государство-участник, в соответствии с основополагающими принципами своей правовой системы, разрабатывает и осуществляет или проводит эффективную и скоординированную политику противодействия коррупции, способствующую участию общества и отражающую принципы правопорядка, надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом, честности и неподкупности, прозрачности и ответственности. Каждое государство-участник стремится устанавливать и поощрять эффективные виды практики, направленные на предупреждение коррупции².

Согласно ст. 33 Конвенции каждое Государство-участник рассматривает возможность включения в свою внутреннюю правовую систему надлежащих мер для обеспечения защиты любых лиц, добросовестно и на разумных основаниях сообщающих компетентным органам о любых фактах, связанных с преступлениями, признанными таковыми в соответствии с на-

¹ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 12.04.2020).

² Там же.

стоящей Конвенцией, от любого несправедливого обращения. Вместе с тем различные юрисдикции по-разному подошли к исполнению взятых на себя обязательств.

Следует отметить, что в 2020-2021 годах в различных государствах активизировалась нормотворческая работа по реализации вышеназванных положений и приняты схожие по своей природе антикоррупционные меры о защите осведомителей в различных юрисдикциях, которые следуют из положений ст. 33 Конвенции, а также иные меры.

Так, в Европейском союзе вступила в силу и начала применяться Директива о защите осведомителей от 26.11.2019 (далее – Директива), которая направлена на создание в национальных законодательствах системы юридической защиты лиц, сообщающих о фактах в том числе коррупционных нарушений, о которых им стало известно при служебной деятельности. Директива предусматривает весьма широкий круг лиц, попадающих под ее защиту, в том числе самозанятые, волонтеры и стажеры, акционеры и высший менеджмент корпоративных структур, работники по найму, работники организаций-контрагентов (подрядчиков, субподрядчиков и поставщиков) и др., а также членов семей, деловые партнеры таких лиц, поскольку их права могут быть

нарушены из-за раскрытия осведомителем информации¹.

При этом в Директиве отмечается, что ее действие распространяется на случаи сообщения о коррупционных нарушениях в сфере государственных закупок, легализации денежных средств и финансирования терроризма и других важнейших для интересов Европейского союза стратегических сферах.

Пунктом 33 Директивы предусмотрены основные способы донесения информатором соответствующих сведений: по внутренним каналам организации, по внешним каналам (сообщение в правоохранительные органы) и раскрытие информации публичными каналами через средства массовой информации.

Директивой также определяются основные направления, требующие в ближайшее время закрепления в национальных законодательствах государств-членов Европейского союза, среди которых такие как создание в крупных организациях внутренних каналов сообщения о нарушениях, а также специальное обучение их сотрудников, обеспечение в необходимых случаях информаторов бесплатной правовой помощью.

Схожие нормы права внесены в профильный закон Украины

«О предотвращении коррупции». Обращает на себя внимание определенное сходство некоторых положений с вышеназванной Директивой Европейского союза от 26.11.2019. В частности, украинским законодателем предусмотрены три схожих способа (канала) подачи информации коррупционных проявлениях: внутренние каналы, внешние каналы и регулярные каналы. Допускается подача анонимных сообщений и вводится обязательность проверки об указанных в них фактах коррупции².

Согласно п. 1 ч. 1 данного закона заявителем о коррупции является физическое лицо, сообщающее о фактах возможных коррупционных правонарушений, которые стали ему известны в ходе трудовой, профессиональной, хозяйственной, общественной или научной деятельности, при прохождении службы или обучения либо в ходе участия в процедурах, предшествующих началу такой деятельности, и полагающее, что раскрываемая им информация является достоверной³.

Законом также возлагаются дополнительные обязательства на государственные органы, органы местного самоуправления и организации, участвующие в государственных закупках. К таким обяза-

¹ URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/1937/oj> (дата обращения: 19.05.2021).

² URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/main/198-IX?lang=ru> (дата обращения: 19.05.2021).

³ Там же.

тельствам, в частности, относится принятие мер к формированию культуры поощрения действий по раскрытию информации о коррупции, предоставление работникам методической поддержки по вопросам, связанным с раскрытием такой информации и защите осведомителей, обеспечение функционирования трех вышеназванных каналов сбора и обработки информации о фактах коррупции.

Статьей 53.7 данного закона введен механизм денежного вознаграждения за сообщение о фактах коррупции для заявителей, информирующих о коррупционном преступлении, если получаемый в результате такого преступления незаконный доход или нанесенный государству ущерб в пять тысяч и более раз превышает минимальный размер оплаты труда в Украине.

Аналогичные во много положения о защите осведомителей в исследуемом периоде времени также вступили в силу в Бразилии¹.

Интересные с правоприменительной точки зрения новации в сфере поддержки лиц, сообщающих о фактах коррупции, приняты в последнее время в США.

Комиссия по ценным бумагам и биржам США (Securities and Exchange Commission – SEC) объя-

вила о выплате \$10 млн в качестве вознаграждения лицу, совершившему служебное разоблачение.

Согласно соответствующему документу SEC, награда была выплачена в связи с тем, что заявитель, выявив серьезные финансовые нарушения, «представил Комиссии оригинальную [ранее не известную SEC] информацию, которая привела к успешному правоприменительному действию». Кроме того, заявитель «оказывал существенную и постоянную помощь следствию, включая определение свидетелей и содействие в понимании сложных фактов и проблем, связанных с расследованием» и «прилагал постоянные усилия для принятия мер реагирования на нарушение, несмотря на (сопутствующие) негативные последствия (для него)».

Политика вознаграждения заявителей Комиссии регулируется статьей 922 Закона Додда-Франка (Dodd-Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act). В соответствии с указанной статьей лицо, добровольно и своевременно предоставившее SEC оригинальную и достоверную информацию о нарушении законодательства о ценных бумагах, которая привела к успешному правоприменительному действию и взысканию более \$1 млн в виде санкций, может рассчитывать на вознаграждение в размере от 10 % до 30 % суммы санкций.

¹ URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/v_brazilii_vneseny_izmeneniya_v_ugolovnoe_i_administrativnoe_zakonodatelstvo_ (дата обращения: 17.05.2021).

Кроме того, при выплате вознаграждения SEC руководствуется Правилами реализации программы вознаграждения заявителей, установленными в статье 21F Закона о ценных бумагах (Section 21F of the Exchange Act) и содержащими, в том числе критерии повышения или понижения суммы вознаграждения¹.

Кроме того, в США в 2021 году начинает действовать трехлетняя пилотная программа вознаграждения лиц, сообщающих о фактах зарубежной коррупции, которую будет курировать Министерство финансов. В соответствии с Законом о выплате вознаграждения за содействие возврату активов, полученных в результате деятельности клептократических режимов, на вознаграждение смогут рассчитывать лица, раскрывающие информацию, которая в дальнейшем приводит к замораживанию, аресту, конфискации или репатриации доходов и активов, полученных в результате коррупционной деятельности в иностранных правительствах и хранящихся в финансовых учреждениях США либо находящихся на территории США или во владении граждан США. При этом на вознаграждение не смогут претендовать лица, замещающие должности в федеральных,

региональных или муниципальных органах власти в США или за рубежом и раскрывающие соответствующую информацию в ходе исполнения своих должностных (служебных) обязанностей. Кроме того, отказать в выплате награды или снизить ее размер могут лицам, в отношении которых есть разумные основания полагать, что они заведомо спланировали, инициировали, непосредственно участвовали или способствовали совершению коррупционных действий. Средства на финансирование программы в первый год ее функционирования будут выделены из федерального бюджета, в дальнейшем для выплаты вознаграждений будут использоваться средства, полученные в результате конфискации незаконных активов².

Кроме того, согласно опубликованному проектом по подотчетности правительства совместно с Международной ассоциацией юристов в 2021 году докладу по результатам двухлетнего исследования законодательства о защите заявителей, сама по себе разработка нормативной основы, регулирующей вопросы служебных разоблачений и защиты заявителей, не является гарантией того, что их права

¹ URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/skolko_stoit_korrupsioner_sec_i_ee_programma_voznagrazhdeniya_zayaviteley, официальный портал Антикоррупционного центра НИУ ВШЭ (дата обращения: 18.05.2021).

² URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/v_ssha_poyavitsya_novaya_programma_voznagrazhdeniya_zayaviteley, официальный портал Антикоррупционного центра НИУ ВШЭ (дата обращения: 18.05.2021).

и интересы действительно будут защищены: не менее важным является надлежащим образом функционирующая судебная и правоприменительная «инфраструктура», в которую интегрированы соответствующие нормы законодательства. Однако в настоящее время, несмотря на то, что законы о защите заявителей уже действуют в 48 странах (а с принятием соответствующего законодательства во исполнение Директивы о защите заявителей всеми государствами-членами ЕС к концу 2021 года их число возрастет до 62), они все еще не имеют широкого практического применения¹.

Говоря о российском нормативно-регулировании государственной защиты лиц, сообщивших о фактах коррупции, следует отметить, что федеральным законом от 08.03.2006 № 40-ФЗ ратифицирована Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Согласно данному федеральному закону Россия обязуется принять Конвенцию за договорно-правовую основу для обеспечения защиты лиц, сообщающих о фактах коррупции².

В рамках осуществления государственной антикоррупционной политики издан Указ Пре-

зидента Российской Федерации от 02.04.2013 № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона “О противодействии коррупции”», согласно которому государственный служащий, сообщивший в правоохранительные или иные государственные органы или средства массовой информации о ставших ему известными фактах коррупции, может быть привлечен к дисциплинарной ответственности (в случае совершения этим лицом в течение года после указанного сообщения дисциплинарного проступка) только по итогам рассмотрения соответствующего вопроса на заседании комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов (аттестационной комиссии). В таком заседании комиссии может принимать участие прокурор³.

Вместе с тем до настоящего времени более существенных мер для защиты прав лиц, сообщивших о коррупционных преступлениях либо правонарушениях, в России не принято, несмотря на подготовленные законопроекты, в том числе «О защите лиц, сообщивших о коррупционных правонарушениях, от преследования и ущемления их прав и законных интересов со сторон должностных лиц, действия (бездействие) которых обжа-

¹ URL: https://anticor.hse.ru/main/news_page/opublikovan_doklad_ob_effektivnosti_primeneniya_zakonov_o_zaschite_zayaviteley. официальный портал Антикоррупционного центра НИУ ВШЭ (дата обращения: 18.05.2021).

² URL: <https://base.garant.ru/12145648/> (дата обращения: 19.05.2021).

³ СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1670.

луются», подготовленный Минтрудом России на основе рекомендаций, выработанных по итогам заседания в Общественной палате Российской Федерации по вопросу о защите лиц, сообщивших о фактах коррупции, в декабре 2014 года, с участием членов Экспертного совета при Управлении Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции, депутатов

Государственной Думы, а также представителей научного и экспертного сообщества¹. Этот и другие законопроекты отклонены².

В этой связи имеется существенный потенциал для дальнейшего совершенствования отечественного законодательства в рассматриваемой сфере, особенно с учетом зарубежного опыта последних лет.

¹ URL: <https://rosmintrud.ru/labour/public-service/102?wb48617274=A0C926D5> (дата обращения: 19.05.2021).

² URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/286313-7> (дата обращения: 19.05.2021).

К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

А.Я. Ахмедов,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права
Саратовской государственной
юридической академии

ОТДЕЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ ГРАЖДАНСКО- ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

На протяжении длительного периода времени в отечественном праве отсутствовали обстоятельные разъяснения высших судебных инстанций по вопросам прекращения обязательств. Данный пробел восполняли Информационные письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ¹. Верховный суд РФ обходил стороной в своих интерпретационных актах основания прекращения обязательств. Это неудивительно, так как суды общей юрисдикции не часто сталкиваются с зачетом встречных требований, предоставлением отступного и новацией. С учетом того, как стремительно развивается отечественное гражданское право, безусловно, назрела потребность в актуализации положений о прекращении обязательств.

¹ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21.12.2005 № 102 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 409 Гражданского кодекса РФ», Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21.12.2005 № 103 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 414 Гражданского кодекса РФ», Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21.12.2005 № 104 «Обзор практики применения арбитражными судами норм Гражданского кодекса РФ о некоторых основаниях прекращения обязательств» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2006. № 4. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 29.12.2001 № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2002. № 3.

Решена данная задача была постановлением Пленума ВС РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» (далее – постановление № 6)¹. В рамках данной статьи будет обращено внимание на принципиально важные правовые позиции, которые были закреплены или поддержаны данным постановлением. Несмотря на то, что во многом текст постановления совпадает с указанными выше информационными письмами Президиума ВАС РФ, оно не лишено новых подходов к толкованию законодательства. Кроме того, часть разъяснений Пленума ВС РФ вызывает вопросы и обоснованные сомнения.

Работа не содержит общих положений о прекращении гражданско-правовых обязательств. Автор сосредоточился на некоторых проблемах, возникающих в правоприменительной практике по отдельным основаниям прекращения обязательств.

Прекращение обязательства предоставлением отступного

В соответствии со ст. 409 ГК РФ² по соглашению сторон обязатель-

ство может быть прекращено предоставлением отступного – уплатой денежных средств или передачей иного имущества. На сегодняшний день наибольшее распространение получили два подхода к пониманию механизма прекращения обязательств предоставлением отступного.

Согласно первому из них соглашение об отступном представляет собой реальную сделку. Так, согласно пояснительной записке к проекту № 47538-6 федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ отступное квалифицируется в качестве реальной сделки. Данная позиция не попала в окончательную редакцию Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ⁴. При этом из ст. 409 ГК РФ исключили правило, согласно которому в соглашении об отступном необходимо определить размер, сроки и порядок его предоставления. А.М. Эрделевский в этом видит приобретение соглашением об отступном призна-

¹ Российская газета. 2020. № 136.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2020. № 50, ч. 3, ст. 8072.

³ Законопроект № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса РФ, а также отдельные законодательные акты РФ» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.03.2021).

⁴ Федеральный закон от 08.03.2015 № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 10, ст. 1412.

ков реального договора¹. В п. 1 постановления № 6 предоставление и принятие отступного указываются в качестве основания прекращения обязательств соглашением сторон. Предоставление и принятие отступного можно квалифицировать как стадии заключения соглашения об отступном, а последнее в таком случае как реальную сделку.

Однако признание принятия отступного элементом юридического состава сделки исключает какие-либо обязанности до момента его передачи, а в том числе и обязанность кредитора принять отступное, что является явным недостатком данного подхода, так как исключительно от воли кредитора будет зависеть прекращение первоначального обязательства.

В соответствии со вторым подходом соглашение об отступном порождает факультативное обязательство. В п. 3–5 постановления № 6 отмечается, что в силу заключения соглашения об отступном возникает факультативное обязательство, по которому должник вправе как исполнить первоначальное обязательство, так и предоставить отступное, которое кредитор обязан принять.

Таким образом, постановление № 6 содержит противоречие, которое должно быть исключено.

Юридический состав, прекращающий гражданско-правовое обязательство в связи с достижением соглашения об отступном, должен помимо соглашения включать предоставление надлежащего отступного, а не предоставление и принятие отступного.

В п. 2 постановления № 6 отмечается, что правила об отступном не исключают, что в качестве отступного будут выполнены работы, оказаны услуги или осуществлено иное предоставление. В ходе реформирования общих положений обязательственного права в 2015 году из ст. 409 ГК РФ исключили указание на возможность предоставления отступного другого, чем денежные средства и иное имущество. Действительно, в силу действия принципа свободы договора подобные соглашения допустимы и должны быть квалифицированы как соглашения об отступном. Между тем использование выполнения работ и оказания услуг в качестве отступного связано с большим количеством рисков для подрядчика или исполнителя. В связи с тем, что лишь предоставление отступного прекращает обязательство, продолжительный период времени, в течение которого должна быть осуществлена его передача, порождает дополнительную неопределенность, противную правопорядку.

¹ Эрделевский А.М. Новое в нормах о прекращении обязательств // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 25.02.2021).

В п. 7 постановления № 6 разрешен вопрос о применении преимущественного права покупки к отступному. Лицо, обладающее преимущественным правом, может воспользоваться средствами защиты, предусмотренными на случай его нарушения, если взамен обязательства по уплате денег в качестве отступного предоставляется имущество, в отношении которого действует данное преимущественное право. Такая возможность допускалась п. 7 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 21.12.2005 № 102. Позднее в Определении СКГД ВС РФ от 11 ноября 2014 г. № 9-КГ14-7¹ был поддержан иной подход.

В постановлении № 6 впервые обращается внимание на последствия предоставления отступного с недостатками. Так, в абз. 2 п. 6 постановления № 6 отмечается, что кредитор, обнаруживший скрытые недостатки в принятом им отступном, вправе воспользоваться средствами защиты, предусмотренными правилами о соответствующем этому предоставлению договоре, если иное не вытекает из существа обязательства или предмета предоставления. Данная позиция представляется весьма обоснованной, так как регулирование отношений по предоставлению отступного, соответ-

ствующим одному виду обязательства, на основании норм об ином виде обязательства представляется неэффективным.

Прекращение обязательств новацией

Согласно п. 1 ст. 414 ГК РФ обязательство прекращается соглашением сторон о замене первоначального обязательства, существовавшего между ними, другим обязательством между теми же лицами.

Новация предполагает возникновение нового обязательства, в том числе очищенного от всех акцессорных обязательств. При этом в п. 23 постановления № 6 отмечается, что за должником по новому обязательству сохраняется право на возмещения и иные способы защиты, предусмотренные ст. 328 ГК РФ, например, на приостановление своего исполнения. Выходит, что синаллагма переживает новацию одного из возникших из договора обязательств, то есть специфика договора сказывается на регулировании обязательства в узком смысле слова. Представляется, что существу вновь возникшего договора в ряде случаев может не соответствовать встречный характер исполнения обязательств из договора, признаки которого были утрачены в результате новации (пожалуй, самым ярким примером такой ситуации будет яв-

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11.11.2014 № 9-КГ14-7 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 25.02.2021).

ляться новация обязательства в заемное).

В этой связи примечательно, что в п. 28 постановления № 6 отмечается, что в результате новации соглашение сторон может утратить признаки первоначального договора. В таком случае с момента новации к отношениям сторон применяются правила о договоре, возникшем в результате новации. Таким образом, в результате новации может возникнуть новый договор. Вывод о необходимости в отдельных случаях применять нормы о новом договоре очень важен для правоприменительной практики, так как отражает потенциальное противоречие части условий договора существу, возникшего в результате новации обязательства.

Следует отметить, что, несмотря на существенные отличия в последствиях достижения соглашения о новации и соглашения об отступном, квалифицирующие признаки данных соглашений во многом совпадают. Отличие между новацией и отступным заключается лишь в модели прекращения обязательств. В связи с этим важной является позиция, отраженная в абз. 3 п. 22 постановления № 6, в которой отмечается, что при наличии сомнений, была воля сторон направлена на заключение соглашения о новации или об отступном, соглашение

сторон толкуется в пользу применения правил об отступном. Приведенный подход заслуживает поддержки, так как отступное влечет меньшие правовые последствия для сторон обязательства.

Прекращение обязательств зачетом встречных требований

В силу ст. 410 ГК РФ обязательство прекращается полностью или частично такой односторонней сделкой, как зачет встречного однородного требования, срок которого наступил либо срок которого не указан или определен моментом востребования. По мнению Т.Р. Фахретдинова, зачет представляет собой допускаемую законом и осуществляемую в одностороннем порядке замену должником исполнения собственного обязательства прекращением своего однородного требования к кредитору¹. По этой причине зачет именуют суррогатом исполнения.

Общепризнанной является позиция о допустимости зачета при наличии следующих условий:

- 1) встречность требований;
- 2) однородность требований (объектом обязательств является одно и то же имущество, определенное родовыми признаками);

¹ Фахретдинов Т.Р. Проблемы применения зачета в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2006.

3) осуществимость требования заявителя зачета (возможность его принудительного исполнения). В п. 10 и 11 постановления № 6 подтверждается закрепленный в законодательстве и принятый практикой подход, согласно которому для зачета необходимы осуществимость активного требования (требования заявителя зачета / компенсанта) и исполнимость пассивного требования (требования адресата зачета / компенсанта). Таким образом, по требованию адресата зачета может не наступить срок исполнения либо истечь срок исковой давности. Если же истек срок исковой давности по активному требованию, то зачет недопустим и должник по нему, получивший заявление о зачете, не обязан в ответ на него сообщать о пропуске срока исковой давности кредитору.

В п. 15 постановления № 6 получает развитие идея ретроактивного действия зачета. Ретроактивность зачета выражается в том, что обязательства считаются прекращенными зачетом не с момента получения заявления о зачете соответствующей стороной, а с момента, в который обязательства стали способными к зачету. В связи с этим абз. 3 п. 15 постановления № 6 предусматривает необходимость возврата процентов за пользование чужими денежными средствами и неустойки, уплаченных за период с момента, когда зачет считается состоявшимся, до момен-

та волеизъявления о зачете. В отношении требований, которые стали встречными лишь в результате перемены лица в обязательстве, в абз. 3 п. 15 постановления № 6 предусмотрено новое специальное правило, согласно которому момент их прекращения не может быть ранее даты такой перемены.

Кроме того, в п. 16 проекта постановления предлагалось предусмотреть правило, согласно которому заявление о зачете в отношении требования о неустойке, к которой применимы положения ст. 333 ГК РФ, прекращает обязательство только в той части неустойки, которая подлежала бы взысканию с учетом применения ст. 333 ГК РФ. Данная правовая позиция не нашла отражения в итоговой редакции постановления. Безусловно, это не препятствует заявлению требования об уменьшении неустойки после осуществления зачета. Возможность использования иска о снижении неустойки в качестве самостоятельного способа защиты гражданских прав указывалась в п. 17 Обзора судебной практики по делам, связанным с защитой прав потребителей финансовых услуг, утв. Президиумом ВС РФ 27.09.2017¹ и в более поздних актах ВС РФ.

¹ Обзор судебной практики по делам, связанным с защитой прав потребителей финансовых услуг (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.09.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 10.

В таком случае зачет встречных однородных требований признается частично недействительной сделкой (возможность признания зачета недействительным судом предусмотрена п. 17 постановления № 6), так как объем требования не соответствует указанному в заявлении о зачете. В соответствующей части обязательство считается сохранившимся.

При этом п. 16 проекта постановления было отмечено, что в той части, в которой требование о неустойке с учетом применения ст. 333 ГК РФ не покрывает встречное требование, кредитор по встречному требованию сохраняет право получения причитающегося ему в соответствии с условиями обязательства, из которого возникло его требование, и сумм соответствующих санкций за просрочку исполнения. Представляется, что предлагавшийся договорный характер требования (в противовес кондикционному) заслуживает поддержки, так как компенсат должен был осознавать вероятность обращения компенсата в суд с требованием о снижении неустойки и риск негативных последствий, связанных с осуществлением зачета. Соответственно, для исключения данного риска до заявления о зачете необходимо было бы взыскать неустойку в судебном порядке. Убеждены, что кредитор должен своевременно

(в разумный срок) обратиться в суд с требованием об уменьшении неустойки, так как подобным образом могут быть увеличены размер уплачиваемых ему штрафных санкций или возмещаемых убытков. Иначе его поведение будет квалифицировано как отказ от права на уменьшение неустойки, а заявление требования после истечения разумного срока – как злоупотребление правом.

В разъяснениях по прекращению обязательств зачетом Пленум ВС РФ деликатно промолчал о допустимости / недопустимости зачета в банкротстве, а также о соотношении зачета и сальдо встречных обязательств, получающем развитие в практике высшей судебной инстанции. Представляется, что сальдо встречных обязательств выделяется искусственно, без догматического обоснования с единственной целью допустить зачет в банкротстве.

Некоторые правовые позиции, закрепленные в постановлении, идут вразрез с практикой, основы которой заложены еще ВАС РФ. В отличие от п. 18 Информационного письма Президиума ВАС РФ № 65 в абз. 3 п. 13 постановления № 6 Пленума ВС РФ отмечается, что сделанное до наступления срока исполнения пассивного (при отсутствии условий для его досрочного исполнения) или активного требо-

ваний заявление о зачете прекращает обязательства после наступления соответствующих сроков. Таким образом, ВС РФ изменен подход, и досрочно направленное заявление о зачете «сработает», как только сформируются все необходимые для зачета условия. Ранее действующий подход обеспечивал больше стабильности и определенности, и судам еще предстоит столкнуться с проблемными моментами новой модели.

Принципиально важно и то, что в абз. 2 п. 19 постановления № 6 допускается зачет после предъявления иска по одному из встречных требований. В п. 1 Информационного письма Президиума ВАС РФ № 65 было предусмотрено обратное правило, запрещающее зачет (за исключением оформленного встречным иском) в подобной ситуации. Теперь же зачет допускается не только посредством подачи встречного иска, но и посредством заявления о зачете с последующим возражением в процессе.

Прекращение обязательств прощением долга

В отношении прощения долга на протяжении длительного периода времени не утихает дискуссия о правовой природе института. Президиум ВАС РФ напрямую не высказывался по данному вопросу в Информационных письмах, по-

священных основаниям прекращения обязательств, хотя в п. 3 Информационного письма Президиума ВАС РФ № 104 и исследовал вопрос о том, всегда ли прощение долга представляет собой дарение (то есть допускал подобную квалификацию). ВС РФ в п. 34 постановления № 6 указал, что прощение долга представляет собой двустороннюю сделку с подразумеваемым, по общему правилу, согласием должника на ее совершение. Таким образом, обязательство по общему правилу считается прекращенным с момента получения должником уведомления кредитора о прощении долга, если должник в разумный срок с момента получения такого уведомления не направит кредитору в любой форме возражения против прощения долга. Представляется, что для утверждения договорной природы прощения долга высший суд фиктивно наделил уведомление о прощении долга подразумеваемым согласием должника. А.М. Эрделевский рассматривает уведомление о прощении долга как оферту, акцептом на которую служит молчание должника [2].

Заключение

В заключении отметим, что в большинстве своем разъяснения, предусмотренные постановлением, соответствуют уровню развития догматики гражданского права и правоприменительной практики,

а также степени развития свободы договора. Часть правовых позиций отличается от применяемых на протяжении последних двадцати лет информационных писем Президиума ВАС РФ. Невозможно не отметить

существенное совершенствование практики применения общих положений обязательственного права на основании переписанных в 2015 года норм раздела III первой части Гражданского кодекса РФ.

Е.В. Богатова,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры прокурорского надзора
и криминологии Саратовской государственной
юридической академии

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ ОРГАНАМИ ПРОКУРАТУРЫ

В 2009 г. был принят Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»¹ (в ред. от 11.10.2018), статья 3 которого закрепила новый вид деятельности прокурора. В целях реализации указанного закона в Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре РФ»² (в ред. от 30.12.2020) была введена ст. 9.1, а также приняты Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»³ (в ред. от 10.07.2017), утвердившее правила и методику проведения указанной экспертизы, а также Приказ Генпрокуратуры России от 28.12.2009 № 400 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов»⁴ (в ред. от 13.03.2018).

Указанная функция была введена для обеспечения предупреждения коррупционных правонарушений и активно применяется уже более 10 лет. По данным Генеральной прокуратуры РФ, за неполный 2020 год прокурорами изучено более 1,3 млн нормативных правовых актов и их проектов, в которых выявлено свыше 70 тысяч коррупциогенных факторов⁵.

¹ СЗ РФ. 2009. № 29, ст. 3609.

² Российская газета. 1992. № 39.

³ СПС «КонсультантПлюс».

⁴ СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова «Российской газете». Генеральная прокуратура Российской Федерации. 8 декабря 2020 г. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1894644/> (дата обращения: 15.01.2021).

Например, органами прокуратуры Саратовской области в 2018 году проверено 17 343 нормативных правовых акта органов государственной власти и местного самоуправления Саратовской области и 17 198 их проектов на предмет наличия коррупциогенных факторов. По результатам изучения коррупциогенные факторы выявлены в 52 нормативных правовых актах органов государственной власти Саратовской области и их проектах и в 738 нормативных правовых актах и их проектах органов местного самоуправления (668)¹. При этом свыше 80% нормативных правовых актов одновременно противоречили действующему законодательству. Наибольшее количество коррупциогенных факторов выявлено в нормативных правовых актах и их проектах, регулирующих правоотношения в социальной сфере (401), бюджетные правоотношения (12), порядок прохождения государственной и муниципальной службы (25), вопросы использования государственного и муниципального имущества (29).

Для устранения выявленных нарушений прокурорами направлено 141 требование об изменении правового акта, 349 информации,

¹ Информационное письмо прокурора области Филипенко С.В. от 27.01.2018 № 09-01-2019 «О результатах работы органов прокуратуры за 2019 г.» // Информационный бюллетень прокуратуры Саратовской области. 2019. №1. С. 85.

принесено 356 протестов, внесено 2 представления².

Тем не менее, до настоящего времени существуют проблемы в применении имеющихся у прокуроров полномочий в исследуемой сфере.

В соответствии с ч. 2 ст. 9.1 ФЗ «О прокуратуре РФ» при выявлении в нормативном правовом акте коррупционных факторов прокурор вносит требование об устранении нарушений закона в орган, организацию или должностному лицу, издавший этот акт. В нем он указывает коррупционные факторы и предлагает способ устранения выявленных нарушений. Данный акт реагирования должен быть рассмотрен на ближайшем заседании законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ или в представительный орган местного самоуправления. При этом прокурор не наделен полномочиями требовать созыва внеочередного заседания законодательного (представительного) органа, что может повлечь затягивание процесса принятия решения.

В то же время не всегда прокурорские работники активно применяют свои полномочия на практике.

² Итоги работы органов прокуратуры Саратовской области по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов за 2018 год URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_64/activity/combating-corruption/expertise/result?item=2743638 (дата обращения: 20.01.2021).

По итогам антикоррупционной экспертизы отдельными прокурорами коррупциогенные факторы не выявлялись. Так, безрезультатным оказалось изучение актов и их проектов прокурорами 11 районов Саратовской области. По одному правовому акту, содержащему коррупциогенный фактор, выявлено тремя районными прокуратурами.

Однако, как следует из результатов изучения в аппарате прокуратуры Саратовской области нормативных правовых актов органов местного самоуправления, наличие в них коррупциогенных факторов носит распространенный характер. Профильным отделом выявлены акты, содержащие коррупциогенные факторы, принятые органами местного самоуправления ряда муниципальных районов, которые оставлены без внимания надзирающими прокурорами¹.

Еще на одну проблему справедливо обратили внимание А.Н. Акчина, К.Н. Евдокимов, Е.С. Земцова, сделав вывод, что реализация полномочий прокурора по вынесению актов реагирования не является в достаточной степени эффективным способом сокращения объёма нарушений в данной сфере. На практике

не редки случаи, когда один и тот же орган местного самоуправления зачастую допускает повторные нарушения при принятии какого-либо акта. Поэтому, по мнению ученых, было бы целесообразнее включить в КоАП административную ответственность за повторные нарушения антикоррупционного законодательства при утверждении муниципальных актов².

В подтверждение этих доводов можно привести пример: прокурором района в ходе анализа практики правоприменения проведена повторная антикоррупционная экспертиза Положения о порядке передачи в безвозмездное пользование и аренду имущества, являющегося муниципальной собственностью Росташовского муниципального образования, утвержденного решением Совета Росташовского муниципального образования. Установлено, что нормативный акт содержит положения, неправомерно предусматривающие возможность заключения договоров аренды и договоров безвозмездного пользования объектами муниципального имущества на бесконкурсной основе³.

² Акчина А.Н., Евдокимов К.Н., Земцова Е.С. Актуальные вопросы проведения органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 4. С. 155-158.

³ Информационное письмо прокурора области Филипенко С.В. от 17.05.2018 № 86-05-2018 «О практике проведения органами прокуратуры области антикоррупционной экспертизы норма-

¹ Информационное письмо прокурора области Филипенко С.В. от 17.05.2018 № 86-05-2018 «О практике проведения органами прокуратуры области антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» // Информационный бюллетень прокуратуры Саратовской области. 2019. №1. С. 87–89.

Большая часть коррупциогенных факторов обнаружена в нормативных правовых актах и их проектах, которые регулируют порядок прохождения государственной и муниципальной службы, правоотношения в социальной и бюджетной сфере, вопросы использования государственного и муниципального имущества.

В науке и практике отмечается, что большая часть нарушений, выявленных в ходе антикоррупционной экспертизы муниципальных актов, совершается не умышленно, а в связи с недостаточной юридической грамотностью должностных лиц, которые их разрабатывают¹.

Поэтому в 2018 г. в приказ Генерального прокурора РФ от 28.12.2009 № 400 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов» внесены изменения, согласно которым прокурорам предписано проводить межведомственные совещания с руководителями органов местного самоуправления по вопросам реализации полномочий по проведению антикоррупционной экспертизы нормативных право-

вых актов. На подобных совещаниях прокуроры имеют возможность разъяснять должностным лицам действующее антикоррупционное законодательство и консультировать по возникающим вопросам.

Таким образом, антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов выступает самостоятельной функцией органов прокуратуры, реализация которой имеет свою положительную динамику. Участие прокуроров в нормотворческой деятельности позволяет предотвратить нарушения прав и законных интересов граждан, исключить наличие коррупциогенных факторов еще на стадии проектов нормативных правовых актов. Однако для достижения более высоких результатов требуются устранения недостатков как в организации работы, так и в действующем законодательстве.

тивных правовых актов» // Информационный бюллетень прокуратуры Саратовской области. 2019. №1. С. 87-89.

¹ Березина Е.В., Евдокимов К.Н. Актуальные вопросы проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов органами прокуратуры // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2016. № 1 (30). С. 23-24.

О.А. Грачёва,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры прокурорского надзора
и криминологии Саратовской государственной
юридической академии

К ВОПРОСУ О ПРОВЕДЕНИИ ПРОКУРОРОМ ПРОВЕРКИ ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКОНА В СВЕТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОВЕЛЛ

Деятельность прокурора сложна и многоэтапна. Цели ее осуществления определены законом. Прокуратура Российской Федерации осуществляет свою деятельность в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Именно с таких позиций следует определять цели, задачи и сущность проводимых прокурором проверок исполнения законов в тех или иных направлениях деятельности.

В настоящее время нет единого мнения на определение понятия «прокурорская проверка».

В специальной литературе не раз обращалось внимание на необходимость закрепления понятия, поводов и сроков проведения прокурорской проверки¹. И с этим нельзя не согласиться, так как на уровне законодательства этот вопрос до конца не решен и, более того, нет единого законодательного акта, который бы четко регламентировал процедуру проведения такой проверки во всех сферах надзорной деятельности прокуратуры.

¹ Ломовский В.Д. Прокурорская проверка и вопросы повышения ее эффективности // Вопросы повышения эффективности правосудия по уголовным делам: межвузов. сборник. Калининград, 1981. Вып. 9. С. 63-75; Ломовский В.Д. Прокурорская проверка исполнения законов: учебное пособие. Тверь, 1993. С. 55; Субанова Н.В. Теоретические и прикладные основы прокурорского надзора за исполнением законов о разрешительной системе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 366.

В настоящее время правовой основой организации и деятельности органов прокуратуры в целом является Конституция РФ, Закон о прокуратуре, другие федеральные законы, международные акты (ст. 3 Закона о Прокуратуре), а также подзаконные акты – указы Президента РФ, правовые акты Генеральной прокуратуры РФ. Стоит сказать, что организация и проведение надзорных проверок долгое время регламентировались только лишь на уровне подзаконных актов, что приводило к проблемам в организации самой проверки, снижало ее эффективность и соответственно ухудшало результативность проверок.

В связи с последними изменениями, внесенными в Конституцию РФ и одобренными нами 1 июля 2020 года, стоит остановиться на новой редакции ст. 129 Конституции РФ. В ней конкретизировано определение прокуратуры РФ как системы органов прокуратуры с особым назначением своей деятельности, а именно «это единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, *надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями*, а также выполняющих иные функции. Полномочия

и функции прокуратуры Российской Федерации, ее организация и порядок деятельности определяются федеральным законом»¹.

Как представляется, разработчиками новой редакции основного закона это было сделано преднамеренно, руководствуясь, тем, что Россия подтвердила свою приверженность идеалам и принципам гуманизма и демократии, принятием обязательств по неукоснительному соблюдению прав и свобод человека и гражданина, по созданию необходимых условий для реализации гражданами предоставленных им прав и свобод.

В истинном правовом государстве приоритетным является именно защита и признание прав и свобод граждан. С одной стороны, это говорит об особой актуальности для России, с другой, о повышении роли прокуратуры в правовом государстве, что позволяет отнести прокуратуру к правоохранительным организациям.

Также нововведения, принятые в июле 2020 года, коснулись порядка назначения и освобождения от должности Генерального прокурора РФ, а также нижестоящих прокуроров, что так или иначе всецело

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).

влияет на организацию работы органов прокуратуры.

Таким образом, в Основном законе РФ определяются именно вопросы организационного построения системы органов прокуратуры и далее говорится, что «полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры РФ определяются федеральным законом»¹, и таковым является Закон о прокуратуре РФ. Соответствующим базовым законом определены цели и задачи деятельности органов прокуратуры, принципы организации и работы, функции, система и структура органов прокуратуры, полномочия Генерального прокурора РФ и нижестоящих прокуроров и конкретизирован новый порядок назначения и освобождения их от должности.

Стоит обратить особое внимание на статью 21 Закона о прокуратуре. В связи с принятием Федерального закона от 07.03.2017 № 27-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон № 27-ФЗ) изменились требования по проведению прокурорской проверки исполнения законов. Если же раньше прокурор имел право проведения проверки исполнения

законов на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурорского реагирования, то теперь такая проверка проводится при условии, если указанные сведения нельзя подтвердить или опровергнуть без проведения такой проверки.

Основанием внесения изменений в Закон по прокуратуре стало Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений п. 1 ст. 6, п. 2 ст. 21 и п. 1 ст. 22 Федерального закона “О прокуратуре Российской Федерации” в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений “Агора”, ... и гражданки С.А. Ганнушкиной»². Данные изме-

² Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «Агора», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр «Мемориал», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр», регионального общественного фонда «Международный стандарт» в Республике Башкортостан и гражданки С.А. Ганнушкиной» // Российская газета. 2015. 2 марта.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).

нения стали предметом исследования многих ученых¹ и др.

На необходимость нормативно-правового регулирования понятия проверки исполнения требований закона, осуществляемой прокурором, сроков её проведения, прав лиц, участвующих в проверке, ее итогового документа еще в 2000 году обратил внимание Конституционный Суд РФ, указав, что, так как в настоящее время на законодательном уровне не закреплены ни процедуры, ни сроки проверок, осуществляемых прокурорами в порядке надзора, защита затрагиваемых подобными проверками прав граждан должна реально обеспечиваться правосудием. Иначе нарушаются конституционные права граждан на доступ к информации, на судебную защиту, а также не выполняется обязанность государства следовать установленным Конституцией России требованиям, создавать необходимые механизмы государственной охраны прав и свобод личности от необоснованных вторжений².

¹ Воеводина Т.Г. К вопросу о правовом регулировании проведения прокурорской проверки исполнения законов // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 337–339; Винокуров А.Ю. К вопросу о правовой регламентации прокурорской проверки // Административное и муниципальное право. 2017. № 8. С. 1–13; Стрельников В.В. Организационно-правовые проблемы, связанные с регламентацией срока проведения прокуратурой надзорных проверок // Поволжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). Саратов. 2018. С. 1–2.

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.2000 № 3-П «По делу о про-

Тогда спустя 15 лет последовало новое обращение в Конституционный Суд РФ в связи с правовой неопределенностью процедуры проведения прокурором проверок исполнения законов органами управления и руководителями некоммерческих организаций. По результатам рассмотрения данного обращения Конституционным Судом была сформулирована правовая позиция, согласно которой при проведении прокурором проверок должны быть определены предельные сроки проведения проверочных мероприятий и сроки исполнения проверяемыми организациями требований прокурора о представлении необходимых документов, материалов, сведений³. По итогам данного

верке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26325/ (дата обращения: 07.03.2015).

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 6, пункта 2 статьи 21 и пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобами межрегиональной ассоциации правозащитных общественных объединений «Агора», межрегиональной общественной организации «Правозащитный центр «Мемориал», международной общественной организации «Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», региональной общественной благотворительной организации помощи беженцам и вынужденным переселенцам «Гражданское содействие», автономной некоммерческой организации правовых, информационных и экспертных услуг «Забайкальский правозащитный центр», регионального общественного фонда «Междуна-

решения Конституционного Суда РФ были внесены изменения в Закон прокуратуре, связанные с установлением сроков и порядка проведения общенадзорных проверок¹.

Особое внимание уделяется вопросам о сроках проведения прокурором проверок, поскольку их законодательное закрепление играет важную роль в качественном и эффективном выполнении прокурорами поставленных задач.

Полагаем, началом проведения прокурорской проверки стоит считать момент, когда прокурором выносится решение о её проведении. Законодателем возможно намеренно опущен данный аспект, так как спорным является вопрос о включении в саму проверку времени на подготовку к её проведению, поскольку это зависит от характера прокурорской проверки, объема выясняемых вопросов и вида поднадзорного объекта. Большинство авторов считают, что «началом проверки должно являться поступление в прокуратуру информации о нарушении закона, а ее окончанием – восстановление нарушенных прав и свобод граждан, назначение виновным лицам наказания в соответствии с законом, а также полное

родный стандарт» в Республике Башкортостан и гражданки С.А. Ганнушкиной» // Российская газета. 2015. 2 марта.

¹ См.: Федеральный закон от 07.03.2017 № 27-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 11, ст. 1536.

возмещение ущерба»² и др. Как правильно подчеркивает В.В. Стрельникова, «такой цикл по времени будет занимать значительно больше отведенных Законом о прокуратуре 30 дней»³.

Как видим, законодатель предусмотрел возможность продления общего срока прокурорской проверки не более чем на 30 календарных дней в случаях проведения дополнительных проверочных мероприятий и только по решению вышестоящего прокурора. Более того, в исключительных случаях возможно последующее продление еще на 30 календарных дней и уже только по решению Генерального прокурора РФ.

Между тем, установленный Законом № 27-ФЗ максимальный срок проверки до 30 календарных дней может оказать влияние на качество проведенной прокурором проверки, так как никто не исключал и повседневную оперативную работу. Стоит отметить, что законодателем установлен этот срок намеренно, исходя из общего срока рассмотрения обращений граждан.

Нельзя не согласиться и с мнением А.Ю. Винокурова о том, что «законодателем из виду упущена роль прокуроров регионального звена и их заместителей в принятии

² Воеводина Т.Г. Указ. соч. С. 337–339; Винокуров А.Ю. Указ. соч. С. 1–13; Стрельников В.В. Указ. соч. С. 1–2.

³ Стрельников В.В. Указ. соч. С. 1–2.

решения о продлении срока проведения проверки, которые могли бы стать необходимым промежуточным звеном в рассматриваемых мероприятиях»¹. Как видится, логичнее и целесообразнее наделить их правом на законодательном уровне на продление срока проведения проверки до 90 дней.

Также законодатель не указал, когда именно прокурорская проверка является оконченной. По смыслу закона, сроком окончания стоит считать момент, когда прокурором уже вынесены акты прокурорского реагирования. Однако, это не всегда так, к примеру, если проверка проводилась по жалобе гражданина, то она будет завершённой со дня отправления ему ответа.

Полагаем, если в срок проверки включить время рассмотрения актов прокурорского реагирования, то срок самой проверки соответственно может быть несколько дольше, чем установленный законодателем. Так, к примеру, согласно Закону о прокуратуре «...в течение месяца со дня внесения представления должны быть приняты конкретные меры по устранению допущенных нарушений закона, их причин и условий, а также о результатах принятия мер должно быть донесено прокурору в письменной форме»².

¹ Винокуров А.Ю. Указ. соч. С. 6.

² Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре РФ» (в ред. от 17.01.2020) // СЗ РФ. 1995. № 47, ст. 4472.

Поскольку конкретных разъяснений по этим вопросам не дается, как представляется, в случае возникновения вопросов к прокурору по поводу удовлетворения изложенных в представлении прокуратуры требований об устранении нарушений законности в рамках уже завершённой проверки, то стоит инициировать «контрольную» проверку с целью проверки устранения требований, изложенных в представлении.

Следует отметить, что изменения, внесённые Федеральным законом от 07.03.2017 № 27-ФЗ в Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре РФ», обуславливают потребность в дальнейшем восполнении пробелов и недочётов, связанных с процедурой проведения прокурором проверки исполнения закона. Как представляется, для максимального успешного выполнения прокурором поставленных задач требуется более четкая законодательная регламентация процедуры проведения прокурорской проверки во всех сферах надзорной деятельности прокурора путем унификации ее формы и условий организации в целях совершенствования и повышения эффективности деятельности органов прокуратуры.

Е.А. Киримова,
доцент кафедры теории
государства и права
Саратовской государственной
юридической академии

МЕДИАЦИЯ КАК СРЕДСТВО РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВОВЫХ КОНФЛИКТОВ

Юридический конфликт представляет собой объективное правовое явление социально-организованной жизни общества. Он порождается противоборством интересов людей, социальных групп, входящих в конфронтацию, и представляет собой любой конфликт, влекущий юридические последствия¹. Делая акцент на внешне выраженном столкновении противоборствующих субъектов и понимая юридический конфликт как особую разновидность совместной реальной практической человеческой деятельности, следует отметить, что юридическим конфликт становится только после объективации интересов, мотивации, установок и др. элементов субъективной стороны в их практических юридически значимых действиях. Разрешается юридический конфликт, как правило, правовыми способами путем осуществления конфликтной юридической деятельности² и в рамках юридической процедуры³.

Медиация является одним из способов разрешения юридических конфликтов. Она отражает уровень культуры общества, а именно правовая культура «делает правовую систему устойчивой, эффективной, преемственно-совершенной»⁴. Она является ценностной характеристикой содержания и функционирования права,

¹ Юридический конфликт: сферы и механизмы (Юридическая конфликтология. Часть II). М.: Институт государства и права РАН. 1994. С. 7.

² *Карташов В.Н.* Теория правовой системы общества: учебное пособие: в 2 т. Т. II. Ярославль: ЯрГУ, 2006. 491 с.

³ *Худойкина Т.В.* Юридическая конфликтология: от исходных позиций теории до практики разрешения и предупреждения конфликта. Саранск: Изд-во Мордовского у-та, 2001. С. 29.

⁴ *Синюков В.Н.* Российская правовая система. Введение в общую теорию. М.: Норма, 2010. С. 66.

юридической практики, правосознания, правовой системы в целом¹. Медиация входит в правовую жизнь общества только после достижения им достаточно высокого уровня правовой культуры, когда стороны не только уважают право, но желают добровольно выполнять как правовые предписания, так и взятые на себя обязательства. Медиация как средство разрешения правовых конфликтов позволяет субъектам осуществить конструктивное решение возникших социально-правовых проблем, служит преодолению нравственно-психологической напряженности в обществе, обеспечивает минимизацию негативных последствий юридических конфликтов.

Реформы девяностых годов двадцатого и начала двадцать первого века совершили заимствование многих западных норм и институтов, имеющих чуждые для российского менталитета социальные контексты, осуществили бюрократизацию механизмов правового регулирования общественных отношений. Это усугубило нигилистическое отношение российского общества к праву, породило неведение в регулятивные возможности правовой системы, ее отдельных элементов.

¹ Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: учебное пособие: в 2 т. Т. II. Ярославль: ЯрГУ, 2006. С. 70.

Оздоровление социально-правовой обстановки в обществе недостижимо исключительно с помощью средств, используемых государственно-властными структурами, поскольку субъекты юридических конфликтов по разным причинам не желают обращения в государственные органы. Чаще всего это участники гражданского оборота, чьи проблемы, носящие юридический характер, могут быть разрешены в рамках саморазрешения (саморегулирования). Для эффективного преодоления юридических конфликтов служит медиация.

Процедура медиации как альтернативная процедура урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица – медиатора былаведена в России Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»² с 1 января 2011 г. Ее целью выступает содействие развитию деловых партнерских отношений, формирование этики делового оборота, гармонизация социальных отношений (ст. 1 ФЗ).

К помощи посредника (медиатора) конфликтующие стороны обращаются в случае, когда не могут

² Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2010. № 31, ст. 4162.

разрешить юридический конфликт с помощью переговоров, к примеру, если участники конфликта характеризуются деструктивным (агрессивным) типом личности, препятствующим конструктивному решению юридических споров; если конфликт по степени интенсивности перешел в острую стадию; если затрагиваются интересы нескольких участников конфликта и др. Задача посредника – не разрешить дело по существу, а помочь противоборствующим сторонам найти взаимовыгодное решение. Для сторон важно, что посредник осуществляет объективный анализ конфликтной ситуации и прогнозирование ее последствий, дает советы, предложения и рекомендации по разрешению конфликта, способам его урегулирования, но при этом само решение принимают они сами. Часто для конфликтующих сторон имеет значение и конфиденциальность процедуры разрешения юридического конфликта, отсутствие его огласки, что позволяет им сохранить свою репутацию, продолжить деловые отношения с противоборствующей стороной. Процедура медиации позволяет им не только по-новому взглянуть на аргументы противной стороны, но и получить опыт цивилизованного общения в условиях разрешения правового спора, что в целом способствует их професси-

ональному росту и укрепляет деловую репутацию.

Медиация является альтернативным способом разрешения юридических конфликтов, т.е. разрешения правовых споров без участия государственных органов. Медиативное соглашение – это добровольное соглашение сторон об условиях разрешения правового конфликта на взаимоприемлемых для сторон условиях. Споры, по которым заключаются мировые соглашения, могут возникать не только из гражданско-правовых отношений, но и из иных – трудовых, семейных и других правоотношений.

По мнению некоторых авторов, альтернативное разрешение споров следует рассматривать как их рассмотрение вне судебного процесса. Следует отметить, что медиативное соглашение, принятое договаривающимися сторонами при посредничестве посредника – медиатора, находится в рамках юридических процедур, предусмотренных законом. Однако, как верно отмечает С.Д. Мирхусеева, данные юридические процедуры не относятся к юрисдикционной деятельности уполномоченных на то органов. Юрисдикционная деятельность обладает особыми признаками, к которым, в частности, относятся наличие органа, уполномоченного на разрешение правового конфликта, процессуального порядка разре-

шения данного конфликта, а также принятие правового акта, обязательного для исполнения¹.

Исходя из изложенного, мы не можем отнести медиативную деятельность к юрисдикционной, а медиативное соглашение приравнивать по юридической силе к правоприменительным актам. Правоприменительный акт, принятый компетентным органом, обязательен к исполнению, а акт, принятый в ходе альтернативного разрешения споров, – нет. Его исполнение зависит от добросовестности сторон, его принявших. Зачастую принятие медиативного соглашения не разрешает юридический конфликт и не прекращает спор, а само участие в переговорном процессе в рамках процедуры медиации служит цели выиграть время для неисполнения юридических обязанностей. При таком подходе понятно, что сторона не собирается выполнять условия медиативного соглашения, а силы, способной принудить ее к этому, в государстве нет.

В то же время для добросовестных участников юридического конфликта, обращающихся к медиатору за помощью с целью его разрешения, важна реализация медиативных решений, принятых в ходе

¹ Мирхусева С.Д. К вопросу о терминологии понятия альтернативного разрешения споров // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. Вып. 2. Экономика. Право. С. 224-227.

переговоров с участием третьей стороны. Для этого необходимо создание эффективного механизма обеспечения выполнения решений, принятых в ходе альтернативной процедуры урегулирования споров, придания им юридической силы.

Такой механизм создан в России относительно недавно и представляет из себя нотариальное удостоверение медиативного соглашения, придающее последнему силу исполнительного документа².

Нотариальное удостоверение мирового соглашения обеспечивает его проверку на предмет его соответствия закону по форме и содержанию и может быть принудительно исполнено в случае нарушения его условий. Эти качества по юридической силе роднят нотариально заверенные мировые соглашения с мировыми соглашениями, утвержденными судом³. Нотариально удостоверенное мировое соглашение Федеральным законом «Об исполнительном производстве»⁴ признано исполнительным документом наряду с алиментным соглашением и исполнительной надписью нота-

² Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 30, ст. 4099.

³ Кулькова Н.С. Правовая природа мирового соглашения // Государство и право в XXI веке. 2013. № 2. С. 28-34.

⁴ Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (в ред. от 31 июля 2020 г.) // СЗ РФ. 2007. № 41, ст. 4849.

риуса. Если сторона, подписавшая мировое соглашение, уклоняется от исполнения взятых на себя обязательств, то другая сторона может обратиться в службу судебных приставов. Таким образом, исполнительное производство может быть возбуждено без обращения в суд.

Медиация как альтернативная процедура урегулирования споров предусматривает участие независимого посредника – медиатора. По мнению президента Московской областной нотариальной палаты, вице-президента Федеральной Нотариальной Палаты С.В. Смирнова нотариус не может выступать в качестве медиатора, как не может и исполнять роль риэлтора, поскольку то и другое являются видами посреднической деятельности, несовместимой со статусом нотариуса¹.

Таким образом, нотариус наделяется правом придавать юридическую силу медиативному соглашению, т.е. выступает в качестве негосударственного органа, обладающего юрисдикционными полномочиями. Представляется, что такое расширение его компетенции служит делу построения правового государства, усилению роли институтов гражданского общества и укреплению связи между гражданским обществом и государством. Наличие нотариального удостоверения медиативного соглашения также служит задаче повышения правовой культуры участников юридического конфликта, заставляя их более ответственно относиться как к самой медиативной процедуре, так и к принятым в ходе нее взятым на себя обязательствам.

¹ Президент Московской областной нотариальной палаты ответил на вопросы о нововведениях о нотариате // <https://notariat.ru/ru-ru/news/prezident-moskovskoj-oblastnoj-notarialnoj-palaty-otvetil-na-voprosy-o-novovvedeniyah-v-notariate6.09.2019>

И.В. Кушнир,
старший преподаватель кафедры
теории государства и права
Саратовской государственной
юридической академии

ИЗБЫТОЧНОСТЬ ЗАПРЕТОВ В ПРАВЕ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ И ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ ДИСБАЛАНСА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В механизме правовой регламентации общественных отношений особая роль наряду с дозволениями и обязанностями отводится запретам. Установление в праве запрещающих предписаний носит необходимый и в целом объективно обусловленный характер, поскольку они вкупе с мерами юридической ответственности за их нарушение составляют важнейшую часть охранительной подсистемы права. Без правовых запретов немыслимы такие явления, как законность, правопорядок, защита прав и многие другие. Наличие позитивного значения для механизма правового регулирования запрещающих предписаний в целом неоспоримо. Однако запрет как инструмент правотворческой и правоприменительной практики может быть сопряжен и с рядом негативных, нежелательных последствий его использования. Необоснованное, излишнее и несоразмерное расширение предметного поля действия правовых запретов нередко может повлечь за собой существенное снижение полезной социальной активности, ущемление прав граждан, а также вызвать такой феномен, как дисбаланс юридической ответственности.

В связи с этим считаем справедливым утверждение А.В. Малько о двух противоположных сторонах (аспектах) рассмотрения запретов в качестве социально-правовой ценности в обществе. По его мнению, надлежит выделять и разграничивать «с одной стороны, обоснованное и оправданное увеличение запретов в законодательстве в интересах общества и личности (во многом для

упрочнения порядка и дисциплины), с другой же стороны, их необоснованное и неоправданное увеличение, противоречащее интересам общества и личности, что превращает данные запреты, по сути, в неконституционные и неэффективные средства, в нарушения, ущемления, препятствия»¹.

В современной российской правовой действительности мы становимся свидетелями как положительного, так и отрицательного воздействия запретов на целый ряд общественных отношений. В рамках данной статьи сосредоточимся на негативном аспекте законодательного установления и практического применения запретов как возможном факторе, продуцирующем феномен дисбаланса системы юридической ответственности в целом. Избыточные запреты в праве потенциально способны порождать необоснованные препятствия в реализации прав гражданами, предпринимателями и иными субъектами. В ряде случаев излишний запрет выступает коррупциогенным фактором, служит искусственным бюрократическим барьером в развитии социальных связей, препятствует расширению правомерной активности участников общественных от-

ношений, создает дополнительные конфликтные ситуации.

Проблема избыточности запретов в российском праве напрямую связана с такими явлениями, как излишнее нормативное правовое регулирование и его агрессивность, которые вполне обоснованно определяются Н.А. Власенко в качестве одних из сложившихся тенденций в развитии современного российского законодательства, что, в свою очередь, ставит перед юридической наукой задачу определения достаточности правового регулирования, границ его действия. Автор характеризует сложившуюся в правотворческой практике ситуацию следующим образом: «Активное использование права законодательной инициативы законодательной, исполнительной ветвями государственной власти нередко порождает так называемую законопроектную лихорадку, неоправданную тенденцию увеличения нормативно-правового массива, что приводит к противоположному эффекту – потере связи законодательства с реальной практикой. В законодательном комплексе нарастают признаки несистемности и разобщенности юридических норм; просматривается избыточность нормативного вмешательства государства в общественные отношения; появляются законы невысокой общественной значимо-

¹ Малько А.В. О необходимости теории запретов в праве // Запреты в праве и правовой политике: общетеоретический и отраслевой аспекты : монография / под ред. А.В. Малько. М., 2018. С. 8.

сти и т.д.»¹.

На наш взгляд, поспешное и не продуманное введение в действие значительного числа правовых запретов предстает в качестве наглядного примера так называемого «агрессивного» правового регулирования. При этом одни подобные запреты оказываются дублирующими уже существующие, другие из-за спешки и иных обстоятельств не обеспечиваются должными мерами юридической ответственности за их нарушение, а ряд вновь вводимых запрещающих предписаний и вовсе нарушают основополагающие принципы юридической ответственности в виде соразмерности правонарушения и мер ответственности, презумпции невиновности, начал справедливости в праве.

В правотворческой практике весьма важной задачей выступает прогнозирование возможных последствий введения новых норм права, ограничивающих свободу. Одновременно на законодателя лежит обязанность по сопоставлению позитивных и негативных моментов потенциального воздействия на общественные отношения проектируемых нормативных установлений. В данном отношении прав Н.А. Власенко, ратующий за определение ограничений для самой правотвор-

ческой практики посредством выявления критериев «достаточности права для общества, ограничения правовых инициатив, в первую очередь законодательных»².

Известный правовед особо выделяет тенденцию излишней активности правотворчества, граничащей с его спешностью, что в итоге часто перерастает в некую «правовую агрессивность». На наш взгляд, данная тенденция особенно нежелательна в деле законодательного установления запретов, поскольку напрямую влечет за собой существенное сужение поля свободы и требуемого уровня инициативы для дальнейшего развития отдельной личности и общества в целом.

Для наглядности проблемы избыточности запретов для российской правотворческой практики обратимся вслед за Н.А. Власенко к проекту Федерального закона от 27 июня 2017 г. № П10-34006 «О правовом регулировании деятельности социальных сетей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», внесенного в порядке законодательной инициативы депутатом В.В. Милоновым. Сразу же отметим, что Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ представил

¹ Власенко Н.А. Проблема достаточности и агрессивности правового регулирования // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 42.

² Власенко Н.А. Проблема достаточности и агрессивности правового регулирования // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 43.

в свое время отрицательное заключение на данный законопроект, в том числе по причине излишнего числа, содержащихся в нем правовых запретов. Н.А. Власенко, характеризуя существо анализируемого проекта закона, указывает на его преимущественно ограничительный и запретительный характер и одновременно отмечает, что в его 16 статьях содержится около 30 правовых запретов¹.

Тенденция по увеличению числа запретов наблюдается в конституционном, административном, финансовом, налоговом, экологическом праве в иных отраслях. Однако не все вводимые правовые запреты следует оценивать как избыточные, но поспешность, непродуманность и необеспеченность целого ряда из них мерами юридической ответственности все же не может не настораживать. Запреты и ответственность в праве предстают как диалектически связанные юридические инструменты. Нарушение их связи потенциально чревато проявлением дисбаланса в системе законодательства. Избыточность запретов в праве является одним из значимых факторов, продуцирующих дисбаланс в системе мер юридической ответственности, и наоборот, необеспеченность пра-

вовых запретов средствами охраны права в виде того или иного наказания делает их существование фиктивным, нивелирует их значение для правового регулирования.

На негативное влияние феномена избыточности запрещающих предписаний на институт юридической ответственности в российской юридической практике неоднократно обращал внимание и председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин. Так, в одной из своих публикаций следующую оценку он представил сложившейся ситуации: «В последние годы в законодательной практике наблюдается тенденция к чрезмерному увлечению запретами, которые вводятся таким образом, что фактически приобретают характер “обратной силы” и нарушают принцип соразмерности вины и ответственности (поскольку не позволяют учитывать конкретные обстоятельства жизненной ситуации людей, подпавших под эти запреты, а также степень и тяжесть совершенного ими правонарушения). Конституционный Суд РФ признал частично неконституционными подобные дополнения в трудовом законодательстве (запрет на занятие педагогической деятельностью лицами, когда-либо имевшими судимость или подвергавшимися уголовному преследованию), законе о государственной службе (запрет на несение государствен-

¹ Власенко Н.А. Проблема достаточности и агрессивности правового регулирования // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 46.

ной службы лицами, не прошедшими военную службу), Семейном кодексе РФ (запрет на право быть усыновителем для лиц, имевших судимость, не связанную с тяжкими преступлениями и преступлениями против половой неприкосновенности) и т.д.»¹. Одновременно он подчеркнул недопустимость введения запретов, представляющих по своему содержанию лишение права вне рамок Уголовного кодекса РФ и Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Приведенные обстоятельства, на наш взгляд, лишний раз свидетельствуют о тесной взаимосвязи проблем запретов и ответственности в праве. Непонимание или искажение природы правовых запретов в практике их законодательного установления чревато существенными нарушениями прав граждан, предпринимателей, общественных организаций и иных субъектов. Одновременно с этим избыточность правовых запретов сопряжена с формированием дисбаланса в системе юридической ответственности. Следовательно, представляется назревшей необходимость общетеоретического исследования проблемы избыточности запретов в праве в качестве одной из предпосылок формирования дисбаланса юриди-

ческой ответственности и форм его проявления.

Для целей данной статьи из всего множества трактовок юридической ответственности мы выбираем ее понимание в качестве межотраслевого института российского права, характеризующегося признаками единства и системности нормативных правовых предписаний, предусматривающих запреты и меры наказания за их несоблюдение. При этом дисбаланс юридической ответственности становится возможным рассматривать в теории в качестве подвида межотраслевого законодательного дисбаланса.

Дисбаланс юридической ответственности в общетеоретическом ракурсе можно определить как обусловленное объективными, а отчасти и субъективными факторами состояние рассогласованности нормативных предписаний, их несоответствия системным принципам формирования института ответственности, неравнозначности и несоразмерности законодательно установленных мер ответственности нарушениям правовых запретов, диспропорции между тенденциями интеграции и унификации данного межотраслевого института законодательства, нарушения внутри него генетических, иерархических и координационных связей, вызывающего в итоге существенное снижение эффективности ох-

¹ Зорькин В.Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения качества российского законодательства // Российская газета. 2014. 18 декабря.

ранительного действия права¹. Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает понятие «избыточность запретов в праве», а также его соотношение с категорией «дисбаланс юридической ответственности».

Явление избыточности запрещающих нормативных правовых предписаний во многом выступает следствием нарушения правотворческими субъектами правил и приемов юридической техники, а также неучета общественного мнения и отсутствия выверенного прогноза последствий установления новых правовых запретов².

Излишние запреты в праве устанавливаются в ходе несоблюдения следующих технико-юридических правил субъектами правотворчества:

а) необходимости учета системного строения права и его межотраслевого института в виде юридической ответственности;

б) обеспечения должной предметной дифференциации правовых запретов и недопущения замены запретов одной отрасли права на запрещающие предписания другой;

в) определения четких законо-

дательных границ правоприменительного усмотрения в отношении правовых запретов;

г) обеспечения устанавливаемых запретов соответствующими мерами юридической ответственности на случай различных вариантов их нарушения.

Выдающийся правовед В.Н. Кудрявцев особенно подчеркивал важность соблюдения юридической техники законодательного закрепления запретов в целях обеспечения единства системы уголовной ответственности и ее сбалансированности. Думается, его выводы по данному вопросу имеют общетеоретическое значение и могут быть распространены по отношению к юридической ответственности в целом как к межотраслевому институту права. В.Н. Кудрявцевым был выведен обязательный технико-юридический алгоритм действий правотворческого органа по введению нового запрета в содержание законодательства, включающий в себя последовательное выполнение ряда действий:

1) выяснение насущной потребности в установлении правового запрета в виде установления потенциальной устойчивости и повторяемости на практике запрещаемой модели поведения, определения ее общественной опасности или иного характера вредных последствий, обязательное подтверждение

¹ См.: Кушинир И.В. К вопросу о методологических основаниях исследования феномена дисбаланса юридической ответственности // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 4. С. 147.

² См.: Антонов А.Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 28 с.

невозможности предотвращения запрещаемого деяния иными инструментами охраны или защиты права, помимо мер юридической ответственности;

2) определение соответствия проектируемого запрещающего предписания нормам международного права, началам нравственности в обществе, потребностям экономического и политического развития;

3) комплексное исследование и оценка потенциальной возможности обеспечения соблюдения запрета на практике правоохранительными органами посредством имеющихся у них на момент принятия законодательного решения о его введении материальных, правовых и иных ресурсов;

4) установление допустимости и целесообразности нового правового запрета с учетом возможных негативных побочных эффектов его действия на экономику, политику, правосознание и правовую культуру общества¹.

Нарушение названных правил юридической техники по установлению запретов в праве с определенной долей вероятности рано или поздно детерминирует формирование такого феномена, как дисбаланс юридической ответственности. Конструирование запрещающих

предписаний в праве, безусловно, должно отвечать требованиям системности, непротиворечивости и обоснованности введения новых запретов. Избыточность же правовых запретов определяется в отношении как их содержания, так и законодательной техники их оформления.

В ходе специального исследования В.В. Толмачевым были определены отдельные типичные ошибки законодателя, вызывающие избыточность запретов в праве:

1) введение в содержание законодательства излишнего специального запрещающего нормативного предписания, дублирующего общий запрет, что составляет феномен излишней, неоправданной дифференциации запретов без соответствующей в ней потребности;

2) дублирование запретов и, как следствие, удвоение наказания за одно и то же запрещаемое деяние, которое фиксируется в законодательстве в виде двух и более самостоятельных составов правонарушения;

3) терминологическая коллизия – противоречивость запрещающих норм;

4) злоупотребление оценочными понятиями и признаками при конструировании состава запрещаемого деяния;

5) нарушение системных межотраслевых связей между запретами различных отраслей права, под-

¹ См.: Основания уголовно-правового запрета: криминализация и декриминализация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. М., 1982. 303 с.

мена запрета одной отрасли права другой;

б) излишняя, неоправданная конкуренция специальных запрещающих нормативных предписаний, что особенно характерно для сферы уголовного законодательства¹.

Таким образом, представляется обоснованной и целесообразной трактовка соотношения избыточности запретов в праве и дисбаланса юридической ответственности как причины и следствия. Однако данным аспектом взаимосвязь рассматриваемых явлений не исчерпывается. Наряду с этим вызывает интерес и поддержку вывод С.А. Белоусова о наличии «прямой связи между избыточностью юридической информации в негативном ее понимании и процессом разбалансированности в законодательстве, где одно есть форма и часть проявления другого»².

Фактически излишние запреты в праве в случае накопления их критической массы могут не только порождать явление разбалансированности в системе мер юридической ответственности, но и становиться неотъемлемой частью дисбаланса юридической ответственности как межотраслевого института российского права.

Избыточность запретов в праве можно определить как наличие в его содержании излишних, дублирующих и не соответствующих уровню социально-экономического и политического развития общества запрещающих предписаний, порождающих коллизионность охранительных норм права и состояние дисбаланса в системе юридической ответственности, в том числе выражающееся в нарушении таких ее базовых принципов, как справедливость наказания, соразмерность правонарушения и ответственности за него, виновности и др. Отдельные же технико-юридические дефекты законодательного установления запретов в российском праве, включая их избыточность, характеризуют уровень разбалансированности межотраслевого института юридической ответственности, сигнализируют о необходимости их предотвращения и исправления. В противном случае их накопление с течением времени может привести к системному нарушению предметных и функциональных связей нормативных запрещающих предписаний, что и составляет одну из форм проявления дисбаланса юридической ответственности.

¹ См.: Толмачев В.В. Техничко-юридические средства установления и реализации запретов в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 173 с.

² Белоусов С.А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика): дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. 472 с.

Н.Н. Ткачева,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной
юридической академии

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В КАЧЕСТВЕ СУБЪЕКТА, ОКАЗЫВАЮЩЕГО БЕСПЛАТНУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ, – ГАРАНТИЯ ПОЛУЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ

В соответствии с Конституцией Российской Федерации общепризнанные принципы, нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы (п. 4 ст. 15 Конституции РФ)¹.

В России признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, включая право на судебную защиту, эффективное средство правовой защиты², право на получение квалифицированной юридической помощи.

В Российской Федерации выстроена система оказания юридической помощи, лицами, имеющими высшее юридическое образование, которая оказывается как бесплатно, так и на платной основе. Бесплатная юридическая помощь осуществляется в рам-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.03.2021).

² См.: п. 3 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах // United Nations Official Website: <http://un.org/>; Принцип 1 Основных принципов, касающихся роли юристов (VIII Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями Гавана, Куба, 27 августа – 7 сентября 1990 г.) // United Nations Official Website. URL: <http://un.org/>

ках ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»¹, при этом в число субъектов, оказывающих бесплатную юридическую помощь, входит в том числе и прокурор.

Одним из элементов концепции справедливого судебного разбирательства, предусмотренной ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах и дублирующей ее ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее ЕКПЧ), является принцип равенства сторон, позволяющий сторонам реализовать процессуальные права в равных условиях при осуществлении правосудия.

Традиционно основными участниками, сторонами гражданского судопроизводства являются истец и ответчик, обладающие равными процессуальными правами, включая право на квалифицированную юридическую помощь. Однако в некоторых случаях инициировать возбуждение гражданского судопроизводства может не истец (гражданин или юридическое лицо), а прокурор в защиту прав граждан или неопределенного круга лиц. При этом необходимо отметить, что ни одна из форм участия прокурора в гражданском судопроизводстве не влечет

за собой какого-либо конфликта интересов².

Сильная иерархическая структура российской прокуратуры позволяет отметить положительную ее роль в защите прав граждан, не способных защищать свои нарушенные права самостоятельно, а также неопределенного круга лиц.

Так, прокурор г. Карабаш Челябинской области обратился в суд с исковым заявлением в интересах неопределенного круга лиц. Ответчиком по данному иску выступала управляющая компания, осуществляющая управление многоквартирным жилым домом. Поводом для обращения в суд послужил факт пропуска срока технической диагностики внутридомового газового оборудования и создание угрозы для жизни и здоровья неопределенного числа граждан. Исковые требования прокурора были удовлетворены³.

Следует отметить, что деятельность прокурора в большинстве западных стран традиционно ограничена участием в уголовном процессе. Однако в ряде стран законодательно установлена обязанность прокурора по представительству и защите пу-

¹ Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 324-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс». (дата обращения: 12.03.2021).

² Рекомендация Постоянной комиссии Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 27 мая 2003 г. № 1604 (2003) «О роли прокуратуры в демократическом обществе, основанном на верховенстве закона» // Council of Europe: <http://coe.int/>

³ Решение от 10 июля 2020 г. по гражданскому делу № 2-154/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. <https://sudact.ru/regular/doc/f5U4In5qkWmr/>

бличных интересов в порядке гражданского судопроизводства.

В качестве примера возможно привести Соединенные Штаты Америки – Генеральный атторней США является юридическим поверенным в делах федерального правительства, представляя его интересы в суде¹, а окружные атторнеи уполномочены предъявлять иски (поддерживать требования специальных учреждений или частных лиц), связанные с охраной от загрязнений воздуха, воды, акваторий, контролем за шумом, транспортировкой опасных грузов².

Необходимо отметить, что прокуратура Франции наделена обширными полномочиями в области защиты прав граждан. В гражданском процессе прокурор призван осуществлять функцию по защите прав отдельных категорий граждан – несовершеннолетних, инвалидов, недееспособных. При этом закон подразумевает участие прокурора в гражданском судопроизводстве именно в качестве основной стороны (ст. 421, 422 ГПК Франции)³. По делам об установлении происхождения детей, усыновлении,

установлении и изменении опеки над несовершеннолетними прокурор вступает в процесс для дачи показаний, в качестве «присоединившейся стороны» (ст. 424, 425 ГПК Франции).

В других европейских странах, таких как Германия, Италия, в определенных случаях допускается участие прокурора в исковом производстве с целью защиты прав и законных интересов частных лиц, хотя такая практика постепенно уходит в историю⁴. В настоящее время наметилась тенденция исключения прокурора из гражданского судопроизводства в связи с развитием института адвокатуры.

Представляется, что следовать европейскому опыту об исключении прокурора из числа лиц, имеющих право обращаться в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав граждан, неопределенного круга лиц, является преждевременным и нецелесообразным.

Право на эффективное средство правовой защиты, предусмотренное п. 3 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах и раскрытое в Основных принципах, касающихся роли юристов, признается ООН в качестве основополагающего элемента концепции справедливого судебного

¹ См.: Judiciary Act of 1789 // Library of Congress: <http://loc.gov/>; Code of Laws of the United States of America // Library of Congress: <http://loc.gov/> Титул 28, гл. 35

² Здрок О.Н. Гражданский процесс зарубежных стран. М., 2005. С. 110.

³ Новый Гражданский процессуальный кодекс Франции / пер. с франц. В. Захватаев / предисл.: А. Довгерт, В. Захватаев / отв. ред. А. Довгерт. К., 2004. 544 с.

⁴ Давтян А.Г. Гражданское процессуальное право Германии // М.: Городец-издат, 2000. С. 89.

разбирательства. Для обеспечения надлежащей защиты прав и основных свобод человека пользоваться которыми должны все люди, независимо от того, являются ли эти права экономическими, социальными и культурными или гражданскими и политическими, необходимо, чтобы все люди действительно имели доступ к квалифицированным юридическим услугам, предоставляемым профессиональными юристами¹. Государство должно обеспечивать эффективные процедуры и гибкие механизмы равного доступа к юридической помощи для всех лиц, находящихся на своей территории, без какого-либо различия, такого, как дискриминация по признаку расы, цвета кожи, этнического происхождения, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного, экономического или иного положения, а также предоставление достаточных финансовых и иных средств для оказания юридических услуг бедным и, в случае необходимости, другим лицам, находящимся в неблагоприятном положении².

¹ См.: Преамбула Основных принципов, касающихся роли юристов (VIII Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями Гавана, Куба, 27 августа – 7 сентября 1990 г.) // United Nations Official Website: <http://un.org/>

² См.: Принципы 2, 3 Основных принципов, касающихся роли юристов (VIII Конгресс

Основные выводы

В заключении представляется возможным сделать вывод, что положительный опыт участия прокурора в гражданском судопроизводстве трудно переоценить. Являясь одним из субъектов, оказывающих бесплатную юридическую помощь, прокурор таким образом обеспечивает в гражданском судопроизводстве баланс процессуального равноправия, представляя интересы более слабой стороны, которая не имеет возможности иметь представителя за вознаграждение перед наиболее сильной (например, по делам, о возмещении ущерба, об увольнении и т.д.), у которой имеется юрист в штате, либо есть возможность привлечь профессионального представителя для участия в деле на основании гражданско-правового договора об оказании юридических услуг. Прокурор, реализуя формы участия в гражданском судопроизводстве, эффективно защищает права и интересы граждан, нуждающихся в правовой защите или неопределенного круга лиц. Кроме этого, прокурор выполняет одновременно несколько возложенных на него задач:

- оказывает квалифицированную юридическую помощь лицам, которые не имеют возможности ее

ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями Гавана, Куба, 27 августа – 7 сентября 1990 г.) // United Nations Official Website: <http://un.org/>

получить иным способом в порядке, предусмотренном законом (в виде устных консультаций, проведения проверок по обращениям граждан, обращения в суд с заявлением);

- гарантирует получение судебной защиты гражданам, нуж-

дающимся в квалифицированной юридической помощи, путем реализации в порядке ч. 1 ст. 45 ГПК РФ права на обращение в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц.

В.А. Фадеева,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного
права имени профессора И.Е. Фарбера
Саратовской государственной
юридической академии

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННО- ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РОССИИ

Институт уполномоченного по защите прав предпринимателей в Российской Федерации функционирует в нашем государстве уже более восьми лет. Это достаточный срок для осмысления правового статуса данного специализированного института омбудсмена. Как отмечено в Докладе Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей за 2020 год (далее – доклад за 2020 год)¹, «за эти годы он доказал не только свою нужность, но и эффективность».

По данным Доклада за 2020 год, всего в аппарат института поступило 79 990 обращений², большинство из которых были отработаны на момент подготовки доклада.

И если эффективность и востребованность института бизнес-омбудсмена оправдана временем и положительной оценкой субъектов предпринимательской деятельности, то вопрос о правовом статусе института до сих пор остается исследуемым учеными-правоведами и учеными-политологами.

Институт уполномоченного по защите прав предпринимателей в Российской Федерации осуществляет свою работу вне института уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, но

¹ Сайт Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей. Доклады. URL:<http://doklad.ombudsmanbiz.ru/> (дата обращения: 27.02.2021).

² Сайт Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей. Доклады. URL:<http://doklad.ombudsmanbiz.ru/> (дата обращения: 27.02.2021).

по нашему твердому убеждению обладает конституционно-правовым статусом.

Конституционно-правовой статус института уполномоченного по защите прав предпринимателей в Российской Федерации заключается в возложенных на федерального бизнес-омбудсмана и региональных бизнес-омбудсменов целей, задач и функций, предусмотренных Федеральным законом от 07.05.2013 № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации»¹, осуществление которых особенно актуально для наиболее полной реализации экономических прав и свобод, провозглашенных Конституцией Российской Федерации, а также развития политики государственно-частного партнерства, являющейся приоритетным направлением на пути к устойчивому экономическому развитию нашего государства.

Цель работы федерального и региональных бизнес-омбудсменов заключается в обеспечении гарантий государственной защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности и соблюдения указанных прав органами государственной власти,

органами местного самоуправления и должностными лицами.

Кроме того, обособленное функционирование института бизнес-омбудсмана не отменяет и не пересматривает его исторической правовой природы как внутригосударственного специализированного органа по содействию и защите прав человека, специализированного по отношению к конституционно-правовому институту уполномоченного по правам человека.

Как и деятельность института омбудсмана общей компетенции, правовой статус института уполномоченного по защите прав предпринимателей в Российской Федерации отвечает требованиям, установленным в международном праве.

Существование омбудсменов предусмотрено международной системой защиты прав человека. В системе ООН они относятся к Национальным правозащитным учреждениям по поощрению и защите прав человека².

Начало процессу становления подобных институтов дала Венская Декларация и Программа действий 1993 г., в которой закреплено, что «Всемирная конференция по правам человека поощряет создание и укрепление институтов, прини-

¹ Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации: Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ (в ред. от 28.11.2015) // СЗ РФ. 2013. № 19, ст. 2305; 2013. № 44, ст. 5633.

² Форум национальных правозащитных учреждений, Международная Ассоциация Омбудсменов: URL: <http://www.nhri.net>; <http://www.ombudsassociation.org/> (дата обращения: 27.02.2021).

мая во внимание «принципы, касающиеся статуса специализированных институтов» и признавая, что каждое государство имеет право избирать такие структуры, которые в наибольшей мере соответствуют его конкретным потребностям на национальном уровне»¹.

Принципы, касающиеся статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека, составляют так называемые Парижские принципы². Они закрепляют минимальные требования к статусу и роли специализированных институтов по правам человека.

Следующим документом, конкретизирующим упомянутые принципы, стало «Руководство по созданию и укреплению внутригосударственных институтов, занимающихся содействием и защитой прав человека», составленное в 1995 г. Центром по правам человека ООН. Указанный документ устанавливает, что понятие «национальный институт» включает в себя – комиссии по правам человека, и омбудсмена по правам человека. Последний создается правительством в соответствии с конституцией, законом или

декретом (п. 39). Институт омбудсмена, согласно указанному документу, основное внимание концентрирует на функции непредвзятого расследования индивидуальных жалоб на действие или бездействие административной власти (п. 43)³.

Говоря о международно-правовых основах учреждения омбудсменов, следует отметить, что они не содержат указания на специализацию института омбудсмена как такового. Специализация стала логической ступенью развития омбудсмена общей компетенции ввиду разнообразия прав человека и predetermined спецификой их защиты.

На федеральном уровне в России были учреждены следующие должности специализированных уполномоченных: Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка (с 2009 г.), Уполномоченный по правам студентов в Российской Федерации (с 2012 г.), Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей (с 2013 г.). Должности уполномоченных по правам ребенка и по защите прав предпринимателей были учреждены и на уровне субъектов Российской Федерации. Также были предприняты неудач-

¹ Российский ежегодник международного права. 1993–1994. СПб.: Социально-коммерческая фирма «Россия – Нева». 1995. С. 340–376.

² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 20.12.1993 № 48/134 «Национальные учреждения, занимающиеся поощрением и защитой прав человека». URL: <http://base.garant.ru/2565436/> (дата обращения: 27.02.2021).

³ См.: Национальные правозащитные учреждения: профессиональная подготовка к заседанию в Женеве: центр по правам человека отделения Организации Объединенных Наций в Женеве. 1995. С. 6–7.

ные попытки создать и законодательно урегулировать должности уполномоченных по правам национальных меньшинств в Российской Федерации¹, уполномоченных по правам военнослужащих². Кроме того, на всех уровнях власти активно обсуждалась необходимость учреждения должности уполномоченного по правам инвалидов³. При этом необходимо понимать, что в большинстве указанных случаев сам термин «уполномоченный» используется стереотипно, так как правовой статус не всех омбудсменов соответствует общим требованиям, предусмотренным международным правом для специализированных институтов по защите прав человека.

В этой связи важно понимать, что формально, с позиций международного права в России существует только два специализированных института по правам человека – Уполномоченный по правам человека, и Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей⁴. Потому

¹ Немечкин В.Н. Реализация прав национальных меньшинств в Российской Федерации: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саранск. 2007. 162 с.

² Шабанова З.М. Специализированные уполномоченные по правам человека в России и зарубежных странах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2004. 249 с.

³ В РФ появится омбудсмен по защите прав инвалидов // Российская газета. 2013. 29 марта.

⁴ Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей и о внесении изменений в некоторые

как их учреждение и функционирование отвечают основным критериям, изложенным в Парижских принципах, по отношению к национальным институтам по правам человека: они созданы на основе конституции или закона; обеспечивают представительство гражданского общества; реализуют консультативно-рекомендательную; аналитическую; информационно-просветительскую и коммуникативную функции.

При том, что положительный ответ на вопрос о конституционности правового статуса института уполномоченного по защите прав предпринимателей в Российской Федерации, на наш взгляд, не вызывает никаких нареканий, полагаем, что своего дальнейшего исследования требует тесно связанный с ним вопрос о внешней форме существования, последующей институализации работы специализированного омбудсмена.

Несмотря на то, что в пределах специализации деятельности различных уполномоченных существуют свои объективные различия, считаем, что функционирование института бизнес-омбудсмена, как и других уполномоченных по защите разных видов прав должна быть осуществлена в результате соответ-

акты Президента Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 2014 г. № 837 // СЗ РФ. 2015. № 11, ст. 1585.

ствующей реформы в рамках работы института уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

Реформа институализации специализированных омбудсменов в России под началом омбудсмена общей юрисдикции, существование которого прямо закреплено в Конституции Российской Федерации, во-первых, привела бы к общему знаменателю правовой статус всех специализированных уполномоченных в России. Во-вторых, обеспечила бы общую тенденцию

развития института омбудсмена в нашем государстве, позволив тем самым как появиться новым специализированным омбудсменам, так и совершенствоваться уже существующим, перенимая взаимный опыт. В-третьих, институализация специализированных омбудсменов в России под началом омбудсмена общей юрисдикции, на наш взгляд, позволит государству оптимизировать и в конечном итоге повысить эффективность и общественную значимость единого института уполномоченных.

ИСТОРИЯ ПРАВА И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

А.В. Колесников,

кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного
и муниципального права
Саратовской государственной
юридической академии,
почетный работник высшего
профессионального образования РФ

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ И КАНАДЫ

80

Человек и право – XXI век | 2021. Выпуск 1

Актуальность темы определяется постоянными изменениями в территориальной организации России, появлением новых видов муниципальных образований, модификацией требований к ним, порядка изменения границ и преобразования муниципальных образований. Исследование передового канадского опыта и сравнение его с отечественным правовым регулированием поможет сделать территориальные основы более приемлемыми и окажет благотворное влияние на всю систему местного самоуправления.

Достаточно долгая эволюция территориальной организации местного самоуправления России прошла от административно-территориального принципа до принципа несоответствия административно-территориального деления разделению на муниципальные образования.

В настоящее время существует двухуровневая территориальная организация, сочетаемая с одноуровневой. К муниципальным образованиям первого уровня в рамках двухуровневой системы относятся следующие виды муниципальных образований: 1) сельское поселение; 2) городское поселение; 3) внутригородской район городского округа. В качестве муниципальных образований второго уровня закон определил: 1) муниципальный район; 2) городской округ с внутригородским делением. Одноуровневыми муниципальными образованиями, которые не имеют на своей территории других муниципальных образований и не входят в состав других муниципальных образований, являются: 1) городской округ; 2) муниципальный округ. Особым видом муниципального образования является территория города федерального значения. В совокупности получается 8 видов муниципальных образований, имеющих свои характеристики, отраженные в ст. 2, 10, 11 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹ (в ред. от 29.12.2020) (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ). Статус муниципальных образований второго, более верхнего уровня

в двухуровневой модели и одноуровневых муниципальных образований примерно одинаков. И те и другие муниципальные образования могут наделяться отдельными государственными полномочиями и считаются более интегрированными в систему государственного управления.

Принципы территориальной организации в России сложнее, чем во многих государствах, поскольку не связаны напрямую с административно-территориальным делением. Однако такое многообразие позволяет сформировать многовариантные подходы к организации муниципальной власти. Вместе с тем потенциал возможностей еще не исчерпан, поскольку в системе территориальной организации почему-то не нашел развития принцип плотного взаимодействия органов государственной и муниципальной власти, активно применяющийся в компетенционной сфере.

Россия и Канада – два федеративных государства с огромной территорией и относительно не большой плотностью населения. В ряде регионов у них совпадают климатические условия. У обоих государств есть территории с суровым климатом и очень маленькой плотностью населения. Часто эти территории обладают богатыми природными ресурсами. Такое состояние территории требует особого подхода

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40, ст. 3822.

в управлении. В отличие от России в Канаде территориальная организация определяется провинциями, это вытекает из общего правила регулирования местного самоуправления законодательными актами провинции, установленного в ч. 8 ст. 92 Конституционного Акта Канады 1867 г.¹ В Канаде нет обязательности обеспечения конституционного права граждан на местное самоуправление. Муниципальные образования в этой стране выступают в качестве публичных корпораций, осуществляющих предоставление услуг гражданам. Из этого следует, что территории самоуправляющихся единиц там устанавливаются исходя из принципа целесообразности. Местное самоуправление осуществляется не на всей территории. Те территории, на которых нет муниципального управления, называют неинкорпорированными (неорганизованными). Управление в них берут на себя органы государственной власти Провинции.

В России есть необходимость обеспечения права на местное самоуправление вне зависимости от целесообразности такого самоуправления, желания и реальных способностей населения на решение вопросов местного значения. При этом вопросы местного значе-

ния сельских (в том числе с населением до 100 жителей) муниципальных образований, находящихся в суровых климатических условиях, не отличаются от вопросов местного значения сельских территорий обычной среды проживания. Существует некая компетенционная унификация, не учитывающая условия проживания. Однако само по себе наличие статуса муниципального образования у таких поселений накладывает на них обязанности (вне зависимости от возможностей их реализации) по решению всех вопросов местного значения. Это дает возможность органам государственной власти отстраниться от управления территориями и ограничить свое участие фрагментарной финансовой помощью, которой часто не хватает на реализацию органами местного самоуправления возложенных на них полномочий. Оказываемое финансовое участие, закрепленные в федеральных актах критерии эффективности муниципальных районов и городских округов и нормы Федерального закона № 131-ФЗ об ответственности органов местного самоуправления перед государством позволяют также органам государственной власти возлагать на органы местного самоуправления всю ответственность за отсутствие в муниципальном образовании экономического развития и нормальной среды обитания.

¹ Kennedy W.P.M. Statutes, treaties and documents of the Canadian Constitution, 1713-1929. 2d ed., REV. и enl., in Toronto, New York. By Oxford University Press. 1930. 752 p.

Территориальная организация Канады зависит от многих факторов и отличается разнообразием в зависимости от Провинции. Например, в Провинции Альберта три общих типа муниципалитетов: городские, сельские и специализированные.

Городские муниципалитеты Альберты состоят из районов, где наблюдается концентрация людей и жилых домов. Закон «О муниципальном управлении» описывает характеристики различных типов городских муниципалитетов, городов, поселков, деревень и летних поселков¹.

В Альберте насчитывается 19 муниципалитетов, которым был предоставлен статус города. Чтобы считаться городом, необходимо иметь достаточную численность населения, превышающую 10 000 человек. Города могут создавать системы приходов с одинаковым числом советников в каждом приходе.

Городское поселение может быть образовано, когда население составляет не менее 1 000 человек и может превышать 10 000 человек, если он не требует изменения статуса на город. В Альберте насчитывается в общей сложности 107 городов.

Деревни могут быть образованы по требованию 30 % избирате-

лей в общине с населением не менее 300 человек. Они могут подать заявку на получение статуса города, когда население достигнет 1 000 человек. В Альберте насчитывается 86 деревень. Другими словами, получение статуса сельского поселения (деревни) в отличие от России носит заявительный характер.

Как правило, положения, касающиеся деревни, применяются и к летней деревне, за исключением того, что в последней выборы и ежегодные собрания должны проводиться только летом. Право голоса имеют те, кто владеет недвижимостью в дачном поселке, а также другие лица старше 18 лет, проживающие в поселке в день выборов. Однако выборщики для школьного представительства, если таковые имеются, должны быть определены как резиденты. Дачный поселок – это единственный тип муниципалитета, где человек может голосовать дважды на муниципальных выборах: один раз в дачном поселке и один раз в муниципалитете, где находится его постоянное место жительства. Летние деревни (помимо существующих) больше не могут создаваться в Альберте.

В России дачные поселки не имеют статуса муниципального образования, что означает отсутствие властных полномочий и специально отведенных для такого вида поселений решаемых вопросов у председа-

¹ Municipal Government Act.Chapter M-26.
– URL: <https://www.qp.alberta.ca/documents/acts/m26.pdf> (дата обращения: 26.09.2020).

телей дачных товариществ и кооперативов. Председатели и правление в таких поселках не переизбираются ежегодно и их выборы не относятся к выборам в органы местного самоуправления. Иначе говоря, местное самоуправление там не осуществляется, хотя во многих дачных поселках люди проживают круглогодично.

Специализированные муниципальные образования – это уникальные муниципальные структуры, которые могут быть сформированы без обращения к специальным актам законодательного органа. Зачастую специализированные муниципалитеты позволяют городским и сельским общинам сосуществовать в рамках единого муниципального управления, как в муниципальных округах России. В Альберте есть 6 специализированных муниципалитетов.

Муниципальный округ (MD, также называемый округ) – это форма правления в сельских районах провинции. Она включает в себя сельскохозяйственные угодья, а также неинкорпорированные общины, такие как деревни и сельские жилые районы. В Альберте насчитывается 63 муниципальных района. Неинкорпорированные общины не находятся в ведении органов муниципального округа и подчиняются комиссиям, созданным провинциями, т.е. провинциям напрямую.

Создание на этих территориях муниципалитетов нецелесообразно. Для этого нет экономических предпосылок, которые обеспечили бы возможность предоставления качественных услуг населению. В России таких территорий нет, но об их создании в тех местах, где нет возможности реализовать нормальное местное самоуправление, надо подумать законодателю.

В провинции Остров Принца Эдуарда примерно 30 % имеют статус муниципалитетов, остальная территория находится в ведении органов государственной власти.

В населенной части провинции Онтарио сформирована, в основном, двухуровневая территориальная организация. Почти вся ее северная часть состоит из округов, не имеющих ни региональных, ни поселенческих муниципальных органов.

Совет муниципального района или специализированного муниципального образования может придать статус селения неинкорпорированной общине, находящейся в его границах. Община может стать селением, если она состоит из 5 и более жилищ, имеет общепринятую границу и название, а также содержит землю, которая используется для нежилых целей.

В Альберте насчитывается 8 поселений метисов общей площадью около 1,25 миллиона акров (0,5 мил-

лиона га). В настоящее время в этих поселениях проживает около 5 000 метисов. Метисские поселения не относятся к муниципалитетам, несмотря на наличие в них жителей со своими потребностями. Эти поселения находятся в ведении Провинции и управление в них, а также финансирование их жизни осуществляется из бюджета Провинции.

В Юго-Восточной Альберте есть три специальных района, но для простоты и в соответствии с общепринятым использованием они являются одним подразделением.

Эти районы были созданы в соответствии с Законом «О специальных районах»¹ в 1938 году из-за крайних трудностей засушливых лет 1930-х гг. Совет специальных районов был уполномочен предоставлять муниципальные услуги и оказывать поддержку, наряду с муниципальными органами, чтобы эта территория могла восстановиться и процветать. Самоуправление в них осуществляется не только муниципальными органами, но и органами Совета специальных районов.

«В Канаде с 1995 по 2014 г., также как и в современной России прошел процесс укрупнения муниципальных образований. Соответствующие процессы затрагивали не только

урбанизированные, но и сельские территории. Массовое укрупнение муниципалитетов отмечалось в 1995–1996 гг. в атлантических провинциях (Остров Принца Эдуарда, Новая Шотландия, Нью-Брансуик), в 2001 г. – в Онтарио (сокращение с 839 до 448 муниципалитетов), в 2002 г. – в Квебеке»². «Среди последних примеров – муниципальная реформа 2013–2014 гг. в Манитобе, где 107 муниципалитетов (65 сельских муниципалитетов, 25 таунов и 17 виллиджей) было объединено в 47»³. Вместе с тем опыт укрупнения территорий чаще был отрицательный, нежели положительный. «Опыт объединения муниципалитетов в пределах агломерации г. Торонто в 1998 году свидетельствует не только об отсутствии экономии бюджетных средств на предоставление местных услуг, полученной при слиянии, но и увеличении затрат вследствие необходимости инфраструктурного выравнивания объединяемых муниципалитетов»⁴. «По свидетельству Э. Слак и М. Бирда, последние исследования показывают слабую связь между увеличением территории, количества

² Found A. Economies of Scale in Fire and Police Services in Ontario/Institute on Municipal Finance and Governance. Toronto, 2012. 29 p.

³ Consolidated Regulations of Manitoba, M235 (The Municipal Amalgamations Act, SM 2013, Ch. 10). – URL: https://web2.gov.mb.ca/laws/statutes/index_ccsm.php (дата обращения: 12.10.2020).

⁴ Slack E.A. Preliminary Assessment of the New City of Toronto // Canadian Journal of Regional Science. 2000. Vol. 18. No. 1. P. 27-32.

¹ Soil Conservation Act. URL: <https://open.alberta.ca/publications/s15> (дата обращения: 02.10.2020).

населения и эффектом масштаба предоставления местных услуг. Данные из США и Великобритании указывают на наличие четкого эффекта от увеличения масштаба предоставления услуги только в 8 % случаев, в 39 % случаев он не был выявлен, а в 24 % случаев увеличение территории повлекло за собой отрицательный эффект масштаба»¹. По мнению Канадских исследователей, укрупнение муниципалитетов должно быть поддержано большинством населения.

В России из всех возможных вариантов изменения границ муниципальных образований, мнение непосредственно населения выясняется лишь в трех редко применяемых случаях, а в остальных достаточно мнения (или согласия) населения, выраженного представительным органом. В Канаде эти вопросы ставят на широкое обсуждение, т.к. от этого будет зависеть налогообложение и стоимость услуг для населения. Например, ст. 279 Хартии общин Британской Колумбии Канады² предусматривает, что «объединение муниципалитетов возможно лишь в том случае, если по вопросу объединения было проведено раз-

дельное голосование жителей во всех объединяемых муниципалитетах, в ходе которого более 50 % голосовавших инициативу об объединении поддержали. В 2015 г., например, такое голосование проводилось в восьми муниципалитетах региона Виктория до рассмотрения возможности соответствующего объединения органами государственной власти провинции»³. При этом Правительство тоже не бездействует и очень тщательно изучает экономические последствия такого объединения. Канадские ученые уверены, что «обеспечение большей динамики экономического развития может достигаться не только путем укрупнения, но и посредством развития сотрудничества между соседними муниципалитетами.

Кроме того, возможности развития экономики на местном уровне во многом зависят от состояния экономики региональной и национальной, поэтому влияние местных инициатив, безусловно, важно, но возможности их автономной реализации без региональной и национальной поддержки ограничены»⁴.

¹ Slack E.A., Bird M. Merging Municipalities: Is Bigger Better? // Rethinking Local Government: Essays on Municipal Reform. Helsinki, 2012. P. 86-90.

² Community Charter. SBC 2003. Chapter 26. URL: https://www.bclaws.ca/civix/document/id/complete/statreg/03026_00 (дата обращения: 28.10.2020).

³ *Awaiting B.C. Word from Saanich and Langford on Amalgamation* / Times Colonist. May 8, 2015 – URL: <http://www.timescolonist.com/news/local/b-c-awaiting-word-from-saanich-and-langford-on-amalgamation-1.1928594#sthash.JlxBNUDH.dpuf>. (дата обращения: 04.10.2020).

⁴ Bish R., Clemens E. Local Government in British Columbia. 4th ed. Richmond, 2008. 250 p.

Вышеизложенное позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, в Российской Федерации территориальная организация достаточно гибка, но не учитывает все возможные варианты местного самоуправления и рассчитана только на уже сложившиеся территории стабильного постоянного проживания. Небольшие по численности населенные пункты, как правило, либо входят в состав крупного сельского поселения, которое в свою очередь входит в состав муниципального района, либо входят в состав городского (муниципального) округа, либо являются самостоятельными муниципальными образованиями, входящими в состав района. В любом случае небольшие поселения не могут существовать вне многоуровневого местного самоуправления. Это определяется тем, что местное самоуправление интегрировано в систему единой вертикали власти. Так удобнее управлять сверху. При этом сущность местного самоуправления как публичного субъекта, который призван заниматься не политической властью и управлением, а предоставлением услуг населению для обеспечения его жизнедеятельности и самоуправлением, не проявляется, и остается на втором плане по отношению к политической и управленческой составляющей. Потенциал муниципальных органов как органов хозяйствующе-

го субъекта не раскрыт. Более того, в настоящее время активно формируются агломерации муниципальных образований, формат построения которых основан на принципе централизации.

Во-вторых, в нашей стране есть много неосвоенного пространства с низкой плотностью сельского населения. Там нет хорошо развитых населенных территорий с нормальной инфраструктурой для жизни населения, но на этих территориях есть богатые недра, необходимые государству. Такие территории либо совсем не освоены, либо становятся объектом частного нелегального бизнеса (вырубка леса, добыча золота и других полезных недр). На наш взгляд, нерентабельно завозить туда население и принуждать его осуществлять там самоуправление по решению вопросов жизнедеятельности, помимо работы по добыче полезных ископаемых. На территориях, которые интересны государству для дальнейшего развития, можно создавать (как в Канаде) территории благоустройства (районы благоустройства – это муниципальные органы, первоначально созданные правительством Альберты в малонаселенных районах, где не было ни населения, ни налоговой базы для поддержки и финансирования местного самоуправления), управляемые органами государственной власти до тех

пор, пока там не будет развита инфраструктура, не сформируются органы местного самоуправления и не нормализуется система управления. Как только будет развита инфраструктура, сформирован представительный и иные необходимые органы, будет желание у населения (можно предусмотреть как в Канаде уведомительный порядок), только тогда можно будет на такой территории создавать муниципальное образование со всеми вытекающими из этого статуса последствиями. Необходимо также дополнительно предусмотреть реальный «переходный период», в течение которого органы государственной власти (это могут быть федеральные или региональные органы, но при финансовой поддержке со стороны федеральных органов) будут оказывать финансовую и иную организационную поддержку органам местного самоуправления на таких территориях. Этот переходный период не должен быть маленьким. Муниципальное образование должно действительно развить инфраструктуру для нормальной жизни. Только после этого можно будет снижать финансовую

поддержку со стороны государства. Например, в Провинции Альберта (Канада) государство берет на себя все функции местной администрации, включая налоги и сборы, для района благоустройства, до тех пор, пока не будет избран местный совет. Провинция может вносить изменения в район благоустройства, включая объединение, аннексию, раздел и создание районов промышленного благоустройства. Процесс формирования, критерии и административные вопросы, связанные с районами благоустройства, отличается от положений Закона о муниципальном управлении (Municipal Government Act) по этим вопросам для основных типов муниципальных образований, т.е. осуществляется с помощью иных актов государственных органов, регулирующих статус районов благоустройства. Таким образом, необходимо предусмотреть возможность формирования одноуровневых территориальных образований, в которых местное самоуправление предусмотрено «в будущем», после развития необходимой инфраструктуры.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.Ю. Балашова,

доктор филологических наук,
профессор кафедры иностранных языков
Саратовской государственной
юридической академии

КОРПУСНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЮРИДИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭЛЕКТРОННОГО КОРПУСА ДОКУМЕНТОВ ООН)

Юридический перевод всегда представлял собой один из самых сложных видов перевода в силу специфики переводимых текстов: изобилие сложных синтаксических конструкций, наличие большого количества специальных терминов, официальных клише и характерных морфолого-синтаксических паттернов. С внедрением в научный обиход параллельных электронных корпусов некоторые проблемы перевода были решены, однако вопрос разработки принципов машинной разметки текстов остаётся открыт на современном этапе развития корпусной лингвистики. Машинная разметка до определённой степени упрощает формирование мультязычных электронных корпусов, а также позволяет выявить набор функциональных синтаксических конструкций и высокочастотных ключевых слов, что существенно облегчает подбор адекватных функциональных эквивалентов перевода в разных языках. Разработка корпусных технологий при переводе юридических текстов и документов представляет собой актуальную проблему современной компьютерной лингвистики.

Так, например, тексты таких англоязычных корпусов, как EuroParlCorpus, UNParallelCorpus, JRC-EN, UNTERM, EuroLex требуют комплексной разметки или аннотирования, совмещающего приёмы внешне лингвистической (особенности форматирования текста, сведения об авторе и тексте, язык текста, год и место издания) и лингвистической разметки (частеречная (part-of-speechtagging), синтаксическая (parsing), семантическая, анафорическая, просодическая и, наконец, дискурсная и жанровая разметка).

Корпусы юридических текстов, как и корпус архивных документов ООН (UNParallelCorpus), в основном представляют собой электронные архивы разножанровых документов и деловой корреспонденции. Большая часть отечественных и европейских исследователей делит юридический дискурс на 3 крупные терминологические области: «Законодательство / Legislation», «Прецедентное право / CaseLaw» и «Юридическая документация / LegalDocumentation». В целом, Р. Newmark определял юридический перевод как один из видов институционального перевода, реализующий такие базовые коммуникативные функции языка, как экспрессивную, информативную и вокативную (или апеллятивную)¹.

¹ Newmark P. A Textbook of Translation. New York, 1987. P. 151.

D. Berūkštienė характеризует юридический дискурс в целом, как «комплексный тип дикурса, реализующийся через юридические тексты», главным отличием которых являются интертекстуальные и экстратекстуальные свойства².

Каждая терминологическая область характеризуется прежде всего определённым набором жанровых образцов, а также характерными морфолого-синтаксическими конструкциями и ключевыми словами. Так, к текстам, принадлежащим области «законодательство», относятся постановления, приказы, указы, распоряжения, резолюции, законы, подзаконные акты, конвенции. Область «Прецедентное право» включает такие поджанры, как иски, обвинительные процессуальные акты, решения судей, апелляции, особое мнение судьи, судебные протоколы, показания свидетелей, допросы, заключение суда присяжных. Наконец, в область «Юридическая документация» входят такие поджанры, как контракты, завещания, консультации, лицензии, патенты, частные соглашения. Отдельными терминологическими областями юридического дискурса являются «Научно-исследовательский анализ» (аналитические обзоры, аналитические комментарии к зако-

² Berūkštienė D. Legal Discourse Reconsidered: Genres of Legal Texts // Comparative Ligilinguistics. 2016. Vol. 28. P. 89.

нодательным документам, статьи, диссертации, монографии, учебники) и «Деловая корреспонденция» (дипломатические и правительственные письма).

Жанровое аннотирование корпусных текстов предполагает прежде всего определение одной из терминологических областей, к которой принадлежит текст. В качестве следующего шага крайне перспективным представляется применение к аннотируемому тексту шкалы функциональных измерений (Functional Text Dimensions), предложенной С.А. Шаровым¹. Указанная шкала содержит 20 измерений, однако для юридических текстов функциональными являются измерения A1 (argumentative), A7 (instructive), A9 (legal), A13 (ideopuff), A14 (research), A16 (informative), A17 (evaluative), A20 (appellative). Каждое функциональное измерение включает набор характерных поджанров, а также статистически частотных терминов, терминологических сочетаний и синтаксических конструкций, присущих тому или иному поджанру. Кроме того, жанровое аннотирование корпусного текста осложняется тем, что один и тот же текст может состоять из частей, принадлежащих разным

функциональным измерениям. Части могут быть:

- значительными по объёму с хорошо различимыми границами (наиболее предпочтительным вариант для автоматизированной разметки);
- незначительными по объёму в пределах 1-2 абзацев с чередующимися поджанрами;
- слиты на уровне фраз и предложений с неразличимыми границами, что крайне осложняет процесс машинной разметки текста.

В данной статье мы применим приёмы жанрового аннотирования к выборке текстов корпуса архивных документов ООН (UNParallelCorpus). Выборка состоит из 100 текстов с количеством словоупотреблений 856 519. Аннотируемые тексты размечены с экстралингвистических позиций. В разметке указан год документа, отдел ООН, выпустивший документ, порядковый номер документа и его тип. Подавляющее большинство документов корпуса принадлежат областям «Законодательство» или «Юридическая документация». Так, функциональное измерение A1 репрезентирует аргументативную часть юридических документов. Все типы рекомендательных документов относятся к измерению A1. Тексты типа A1 – это тексты, в которых приводятся аргументы в поддержку какой-либо позиции.

¹ Sharoff S. Functional Text Dimensions for the Annotation of Web Corpora // Corpora. 13(1). P. 65-95.

[./1993/a/res/48/32.xml](#) – год выпуска документа 1993, отдел ООН – General Assembly, тип документа – resolution, порядковый номер 48.

Urges Governments, the relevant United Nations organs, organizations, institutions and individuals to make voluntary contributions to the trust fund for the United Nations Commission on International Trade Law symposia and, where appropriate, to the financing of special projects, and otherwise to assist the secretariat of the Commission in financing and organizing seminars and symposia, in particular in developing countries, and in the award of fellowships to candidates from developing countries to enable them to participate in such seminars and symposia; (c) Appeals to the United Nations Development Programme and other United Nations bodies responsible for development assistance to support the training and technical assistance programme of the Commission and to cooperate and coordinate their activities with those of the Commission; 5. Requests the Secretary-General, in order to ensure full participation by all Member States in the sessions of the Commission and its working groups, to establish a separate trust fund for the Commission to grant travel assistance to developing countries that are members of the Commission, at their request and in consultation with the Secretary-General; 6. Decides, in order to ensure

full participation by all Member States in the sessions of the Commission and its working groups, to continue its consideration in the competent Main Committee during the forty-eighth session of the General Assembly on granting travel assistance, within existing resources, to the least developed countries that are members of the Commission, at their request and in consultation with the Secretary-General; 7. Expresses its appreciation to the Commission for organizing the Fifth Symposium on International Trade Law of the United Nations Commission on International Trade Law at Vienna from 12 to 16 July 1993 during its twenty-sixth session; 8. Stresses the importance of bringing into effect the conventions emanating from the work of the Commission for the global unification and harmonization of international trade law, and to this end invites States that have not yet done so to consider signing, ratifying or acceding to these conventions; 9. Requests the Secretary-General to submit a report on the implementation of paragraphs 5 and 6...

Характерными поджанрами аргументативного функционального измерения являются policy recommendations, public speech, official letters (см. вышеприведённый пример), argumentative part of the report, conclusion, workingpaper, guidance.

Машинная обработка текстов, принадлежащим указанным под-

жанрам, позволила выявить статистически значимые морфолого-синтаксические конструкции для аргументативного функционального измерения A1. К таковым следует относить наличие большого количества местоимений 2 лица, отрицательных конструкций, указательных местоимений *this – these*, *that – those*, причинно-следственных связей в тексте, оценочных определений, глаголов в форме прошедшего времени, наречий времени, суазивных глаголов (*require*, *encourage*, *recommend*, *propose*, *call upon*), наречий частотности (*barely*, *scarcely*) и наречий степени.

Тексты типа A9 представляют собой все типы юридических документов. Архивные документы ООН в основном принадлежат терминологическим областям «Законодательство» и «Юридическая документация». Например:

./1994/a/49/pv_84.xml – год выпуска документа 1994, отдел ООН – General Assembly, порядковый номер документа – 49, *pv* – дословный отчет собрания.

The draft resolution recommended for adoption is reproduced in paragraph 8 of the report. Under the preambular part of the draft resolution, the General Assembly would, inter alia, declare itself convinced of the continuing value of established humanitarian rules relating to armed conflicts and the need to respect and

ensure respect for these rules in all circumstances within the scope of relevant international instruments. It would also stress the need for consolidating and implementing the existing body of international humanitarian law and for the universal acceptance of such law. Under the operative part of the draft resolution, the General Assembly would, inter alia, note that, in comparison with the Geneva Conventions of 1949, the number of States parties to the two additional Protocols is still limited. The General Assembly would, accordingly, appeal to all States parties to the Geneva Conventions of 1949 that have not yet done so to consider becoming parties to the additional Protocols at the earliest possible date. It would further call upon all States that are already parties to Protocol I, or those States not parties, on becoming parties to Protocol I, to make the declaration provided for under article 90 of that Protocol.

Стандартный набор поджанров для функционального измерения A9 состоит из общих и специальных пунктов законодательных статей, протоколов, декретов, официальных обязательств, деклараций, конвенций, постановлений Евросоюза, резолюций, соглашений, контрактов, итоговых документов, решений и постановлений суда, международных соглашений, хартий, информационных документов, содержащих аналитические комментарии.

В текстах, принадлежащих измерению A9 (legal), грамматическая основа, как правило, стоит в 1 л. мн.ч. Например: *wecommitourselves*. Глаголы законодательных документов обычно стоят только в форме настоящего времени. Машинная обработка юридических текстов позволила выявить большое количество прилагательных описательного характера, модальных глаголов со значением необходимости (*ought, should, must*), модальных глаголов со значением предположения (*shall, will, would*), а также наречий времени и конструкций в пассивном залоге.

Документы, принадлежащие информативному функциональному измерению A16, представляют собой самый распространённый тип текстов в исследуемом корпусе.

./1994/e/cn_4/1994/70.xml – год выпуска документа 1994, отдел ООН – Economic and Social Council, структурное подразделение, выпустившее документ – Commission, порядковый номер документа 70.

Introduction 1. In its resolution 1993/28 of 5 March 1993 the Commission on Human Rights, having expressed its appreciation for the positive contribution made by the Sub-Commission in the work of promotion and protection of human rights and having noted with appreciation the intensified dialogue and the spirit of cooperation between the two bodies, inter alia, took

note with appreciation of the steps taken so far by the Sub-Commission and welcomed Sub-Commission resolution 1992/8 and the guidelines annexed thereto. The Commission made recommendations on the following points: (a) Initiatives for a better coordination with the Commission on Human Rights; (b) Further strengthening the independence of its experts; (c) Proposals concerning the rationalization of the agenda, bearing in mind, inter alia, the relationship between the agenda of the Sub-Commission and that of the Commission on Human Rights; (d) Initiatives which would facilitate the widest possible dissemination of the findings of the Sub-Commission, such as the preparation of a short summary of each completed study, the purpose being that the summaries of all studies completed during a session should be published separately in various languages, for example in the Fact Sheet series of the Centre for Human Rights, thus contributing to better publicity for the studies. 2. Lastly, in paragraph 12 of resolution 1993/28, the Commission invited the Chairman to report to the Commission at its fiftieth session on the progress made concerning the issues referred to in that resolution and on significant aspects of the work of the Sub-Commission.

К поджанрам, относящимся к информативному измерению, относятся периодические обзоры, проекты отчетов, записки, повестка

дня, предварительная повестка дня, отчет по введению в действие конвенции или законодательства, итоговый отчет, официальное заявление, запись заседания, приложение, заключительная часть отчета, часто состоящая из комбинации аргументативного и информативного измерений).

Машинная обработка текстов измерения A16 выявила большое количество глаголов в форме прошедшего времени, оценочных прилагательных, модальных глаголов со значением необходимости, отрицательных конструкций, а также местоимений 1 лица. Жанровое аннотирование юридических

документов электронного корпуса представляет собой один из самых сложных видов разметки, осложняющийся наличием пограничных жанров и поджанров, их комбинаций в одном тексте и нечетких границ функциональных измерений.

В заключение можно сделать вывод, что корпусно ориентированный подход к переводу и анализу языковых явлений позволяет не только решить проблемы перевода сложных терминологических сочетаний и синтаксических конструкций, но и получить представление о реальном функционировании языка в современной коммуникации.

Е.А. Богачева,

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Саратовской государственной
юридической академии

М.Д. Короткова,

кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Саратовской государственной
юридической академии

СТАТУС ФОНОЛОГИЧЕСКИХ АБСТРАКЦИЙ ПРИ СОЗДАНИИ ТРАНСКРИПЦИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Современная фонология опирается на различные подходы к решению проблем звуковой стороны языка, применяемые в разные исторические периоды. В течение длительного периода различные фонологические школы пытались четко сформулировать сложную концепцию фонемы и дать определение лингвистического статуса звуковой единицы языка, анализируя и систематизируя все известные фонетические теории. Работа по созданию фонологической теории велась тщательным образом такими великими языковедами, как Л. Блумфильдом, Э. Сапиром, Дж. Р. Ферсом и многими другими. Дениэл Джоунз (1881–1967) является выдающимся ученым Великобритании, первым лингвистом в западном мире, который использовал термин «фонема» в его нынешнем значении¹.

Актуальность нашего исследования заключается в том, что важно проследить процесс становления и развития фонологической единицы языка в английском языке, установить преемствен-

¹ Короткова М.Д. Характеристики фонем в лингвистическом наследии Д. Джоунза (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2002. 215 с.

ность фундаментальных фонетических принципов Д. Джоунза при формировании теоретической базы развития современной английской фонетики. Научная новизна данного исследования заключается в том, что впервые проведен комплексный обзор основных фонологических взглядов Д. Джоунза при создании основных видов транскрипции, которые были дополнены и усовершенствованы британскими авторами многочисленных трудов по фонологии для выявления лингвистического статуса фонемы как основной фонологической абстракции. В результате выделен ряд законов функционирования и развития звуковой материи английского языка, разработанных Д. Джоунзом, которые были трансформированы его последователями в будущих трудах в области фонологии¹.

Методы исследования включают сопоставительный анализ подходов разных ученых к рассмотрению фонематической системы, выяснение их общих лингвистических взглядов, а также множественных модификаций теории Джоунза современными лингвистами.

Как известно, на протяжении длительного периода Д. Джоунз

пытался разработать самые важные принципы создания фонетической транскрипции. В работе “Principles of Phonetics” Дж. Лейвер писал, что Д. Джоунз выделял «фонематическую» и «аллофоническую» типы транскрипций. Используя «фонематическую» транскрипцию, он пытался объяснить произношение через написание символов, которые представляют только определенные фонемы, также эта транскрипция получила название «широкой». А та транскрипция, которая передает значение двух и более членов фонемы, называется «аллофонической» или «узкой»².

Разделяя взгляды Д. Джоунза, Дж. Лейвер писал в работе “Principles of Phonetics” о «важности четкого объяснения фонологических абстракций в произношении при создании фонематической и аллофонической транскрипций. Система фонематических контрастов считается объектом фонематической транскрипции. Когда речь идет об аллофонической транскрипции, то внимание концентрируется на способах, при которых произносимые звуки ассоциируются со структурным и окружающим контекстом. В обоих случаях транскрипция отражает произношение говорящего как того индивида, который, используя определенный

¹ Короткова М.Д., Беляев А.С., Вяселева Р.Р. Истоки и развитие англо-американской лингвистической традиции // Язык-культура-дискурс: теория и методология: коллективная монография / под ред. Е.Ю. Балашовой. Саратов: Изд-во СГЮА, 2019. 168 с.

² Laver J. Principles of Phonetics. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 678 p.

акцент, показывает свою принадлежность к данному языковому обществу»¹.

Фонематический и аллофонический типы транскрипций относятся, по убеждению Дж. Лейвера, к систематическому типу транскрипции. В фонематической транскрипции каждая фонема обозначается отдельным символом, который создается специально для письменного обозначения какой-то характеристики, как например /a/ или в случае с диграфами /tʃ/ и /ð/. «Транскрипция, которая представляет различные случаи употребления определенной фонемы разными символами в случае появления фонемы в разных контекстах, определяется как аллофоническая. С этой точки зрения транскрипции могут быть аллофоническими в разной степени в зависимости от того, сколько фонем в данной фонематической системе рассматриваются аллофонически, но они могут быть либо фонематическими, либо не фонематическими»².

Дж. Лейвер пытался продемонстрировать возможность изменения фонематической транскрипции на аллофоническую путем предоставления специфических особенностей отдельных случа-

ев, предоставляя и другие примеры транскрипций. Прежде всего Д. Лейвером рассматриваются орфографическая версия произношения, затем аллофоническая и фонематическая транскрипция, где демонстрируется, как фонема /p/ транскрибируется аллофонически и фонематически.

Орфографическая: A pink spot of port stained the clean table-top.

Фонематическая: /ə pɪŋk spɒt əv pɒt steɪnd ðə kliːn teɪbl tɒp/

Аллофоническая (for /p/): /ə pɪŋk sp^wɒt əv p^wɒt steɪnd ðə kliːn teɪbl tɒp/

Цель фонематической транскрипции заключается в предоставлении уникальной идентификации для каждой отдельной лингвистической единицы языка, которая фонематически отличается определенным акцентом. Лейвер отмечает, что функция символа, который представляет фонему, заключается в передаче факта определенности, отличия; он должен быть мнемоническим и указывать читателю на определенное фонетическое проявление, ассоциирующееся с фонемой. Совсем необязательно, считает Лейвер, «разрабатывать именно такую транскрипцию, цель символов которой заключается в представлении специфических комментариев о тонкостях произношения. По данным причинам фонематическая транскрипция

¹ Laver J. Principles of Phonetics. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 678 p.

² Laver J. Principles of Phonetics. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 134.

иногда называется широкой транскрипцией»¹.

Как и Д. Джоунз, Дж. Лейвер полагает, что фонологические транскрипции (фонематическая и аллофоническая) состоят из общих, абстрактных утверждений о произношении, символизирующих определенный акцент. Он отмечает, что существует форма транскрипции, которая демонстрирует произношение индивидуальных слов отдельно от контекста. Такое произношение принимает канонические формы. Этот вид транскрипции называется канонической².

Фонологические транскрипции могут также использоваться для объяснения фактов произношения, которые встречаются в определенных случаях и стилях произношения. Данные транскрипции ограничены условиями выбора единиц, являющихся частью определенного фонологического акцента. По мнению Дж. Лейвера применение фонематической и аллофонической транскрипций возможно для обозначения процесса ассимиляции на границе слов. Он поддерживает Д. Джоунза в мысли о том, что фонематической транскрипцией нужно обеспечивать систему письма для языков, не имеющих письменности, либо представлять анализ сег-

ментной фонологии данного языка, на котором основывается дальнейшая лингвистическая работа по суперсегментной фонологии, морфологии, синтаксису и семантике. При формировании такого рода транскрипции важнейшую роль играет типографический критерий четкости. Такие типографические символы выбираются из латинского алфавита, многим знакомого³. Д. Лейвер придерживается принципов обозначения транскрипции, применяемых Д. Джоунзом. Он полагает, что необходимо записывать транскрипцию, обозначающую аллофоны и фонемы, в квадратных скобках. Фонетическая и аллофоническая транскрипции используются более узко, специфически объясняя произношения звуков. В связи с этим такой вид транскрипции иногда называют «узкой». Опираясь на данные факты, можно предположить, что Дж. Лейвер, стараясь классифицировать современные виды транскрипций, разделяет взгляды Д. Джоунза⁴.

Современных фонетистов привлекали не только научные изыскания Д. Джоунза в области работ типов транскрипций, они также поддерживали его принципы, используемые при транскрибировании

¹ Laver J. Principles of Phonetics. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 145.

² Laver J. Principles of Phonetics. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 678 p.

³ Jones D. The History and Meaning of the Term "Phoneme". L.: Oxford University Press, 1957. 20 p.

⁴ Jones D. The Phoneme: its Nature and Use. Cambridge: Cambridge University Press, 1950. 260 p.

нии сложных выражений. В своих работах Дж. С. Веллс утверждал, что «он полностью поддерживает Джоунза в идее о том, что необходимо использовать дефис при написании транскрипции составных существительных¹. Д. Джоунз считал важным применять дефис при транскрибировании подобных выражений для того, чтобы «показать слогоразделение в любых случаях, когда отсутствие специальных символов может привести к неправильному пониманию транскрибированного слова»². В своей работе Дж. С. Веллс приводит мнение другого современного лингвиста, работающего с вопросами транскрипции, А.С. Гимсона, который предоставил полный обзор работы Д. Джоунза “English Pronouncing Dictionary”. А.С. Гимсон считает, что ситуация слогоразделения может оказывать влияние на длительность и качество рассматриваемых звуковых единиц³.

Дж.С. Веллс считает подход А.С. Гимсона ошибочным из-за того, что при данном способе транскрибирования невозможно объяснить точные соответствующие варианты произношения, отличающиеся

именно слогоотделением, а также при транскрибировании слов подобным методом теряется важная информация о специфике произношения слова. Таким образом, Дж. С. Веллс поддерживает точку зрения Д. Джоунза по всем вопросам транскрибирования, представленным в его работах⁴.

Таким образом, проследив отражение принципов фонологической теории Д. Джоунза в работах его последователей-фонетистов, мы можем сделать вывод о том, что выделяемые Д. Джоунзом «аллофоническая» и «фонематическая» транскрипции являются основными в современной классификации типов транскрипций английского языка, при этом важнейшую роль играет фонема как одна из главных фонематических абстракций.

Осуществив комплексное исследование основных фонологических взглядов Д. Джоунза, мы выяснили, что разработанные им законы функционирования и развития звуковой материи языка способствовали выяснению реальных системообразующих связей между фонемами, а также выявлению механизма интеграции отдельных фонем в целостную систему.

¹ Palmer F.R. Prosodic Analysis. L.: Oxford University Press, 1970. 245 p.

² Jones D. The History and Meaning of the Term “Phoneme”. L.: Oxford University Press, 1957. P. 18.

³ Gimson A.C. Preface // Jones. D. English Pronouncing Dictionary. 14th edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. VII-IX.

⁴ Palmer F.R. Prosodic Analysis. L.: Oxford University Press, 1970. 245 p.

В.Н. Ситник,

*обучающийся Института прокуратуры
Саратовской государственной
юридической академии*

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ВВЕДЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИПФЕЙКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

XXI век – век информатизации. В современных реалиях трудно представить мир без информационных ресурсов и технологий: ежедневно практически каждый человек использует для общения социальные сети; обращение в государственные и муниципальные органы теперь не требует даже выхода из дома; служебная и профессиональная деятельность во многом строится на применении инновационных достижений цифровизации.

Постоянно развивающиеся информационные технологии не только повышают эффективность тех или иных процессов, снижают издержки на производство, увеличивают качество выявления и расследования преступлений, но и предоставляют новые возможности для совершения противоправных действий, что приводит к росту количества киберпреступлений, уровень латентности которых достаточно велик. Одним из негативных проявлений инновационной среды выступает использование методики синтеза лица и голоса, манипулируемой искусственным интеллектом, т.е. Deepfake. Фактически указанная методика позволяет генерировать и распространять недостоверную информацию.

Широкую огласку технологии дипфейка приобрели в последние пару лет благодаря крупным скандалам с участием ведущих американских политиков. Так, в 2018 г. медиaprостранство буквально «разорвало» видео,

где Барак Обама якобы нецензурно выразился в отношении Дональда Трампа, что повлекло огромное количество дискуссий по поводу применения данных технологий. Этот скандал, а также огромное количество аналогичных случаев породили в научных кругах дискуссии по поводу уголовно-правовой оценки использования дипфейков.

На сегодняшний день во всем мире реализуется значительное число мер, направленных на недопущение распространения личной информации и ложных сведений. Однако, учитывая особенности применения дипфейков, становится очевидно, что принятых мер недостаточно. Это вызвано прежде всего тем, что законодательная регламентация рассматриваемого явления в нашей стране, как и в большинстве зарубежных стран, отсутствует. Исключением в этом плане являются США и КНР. Например, в США в конце декабря 2018 г. сенатор Ben Sasse представил законопроект, предусматривающий уголовную ответственность за злоумышленное создание и распространение дипфейков, а также наказание за данные деяния в виде штрафа или лишения свободы. Не получив должной поддержки, рассматриваемый законопроект не был принят на федеральном уровне¹.

¹ S. 3805 – Malicious Deep Fake Prohibition Act of 2018 115th Congress (2017-2018) [Электронный ресурс] // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/3805> (дата обращения: 04.02.2021).

Несмотря на это, осознавая общественную опасность данной технологии, годом позже законодатели штата Калифорния приняли два закона: АВ № 602, который запретил использование технологий синтеза изображений человека для изготовления порнографического контента без согласия изображаемых, и АВ № 730 о запрете подделки изображений кандидатов на государственные должности в течение 60 дней перед выборами.

К иным мерам прибегло правительство КНР в целях решения проблемы дипфейков. С 1 января 2020 г. все созданные при помощи данной технологии видеоматериалы должны иметь соответствующую пометку. Иначе ответственность будет возложена как на того, кто опубликовал дипфейк, так и на интернет-платформу, не уследившую за исполнением законодательства Республики².

Ученые, правоведы и заинтересованные группы по всему миру выступают за принятие законов, ограничивающих или вовсе запрещающих использование технологии Deepfake. В современной России данная проблема пока не получила достаточно широкого резонанса, од-

www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/3805 (дата обращения: 04.02.2021).

² В Китае публикацию дипфейков отнесли к уголовным преступлениям [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/news/t/478362/> (дата обращения: 04.02.2021).

нако стоит отметить, что с каждым днем дипфейки становятся дешевле, доступнее и качественнее, что только повышает угрозу их применения в противоправных целях. Именно поэтому необходимо уже сейчас задуматься о перспективах уголовно-правовой оценки данных явлений.

В настоящее время в России возможны две модели уголовной ответственности за использование дипфейков. Первая заключается в том, что распространение дипфейков следует признать уголовно-противоправным деянием, предусмотрев в Особенной части Уголовного кодекса РФ отдельную статью за создание и распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях дипфейка без согласия изображенного лица, создавшее угрозу причинения вреда его жизни или здоровью, порочащее честь и достоинство другого лица или подрывающее его репутацию, либо создавшее угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности. Вторая модель сводится к тому, чтобы предусмотреть использование дипфейка в преступных целях в качестве квалифицирующего признака в ряде составов преступлений, то есть сам дипфейк рассматривать как средство совершения различных преступлений, а его использо-

вание – как способ выполнения преступного деяния.

Сравнивая две представленные модели, следует исходить из того, что от выбора конкретной из них будет зависеть дальнейшее развитие и совершенствование уголовно-правовой оценки дипфейков, а также эффективность ее применения на практике. При решении данного вопроса интересным представляется подход, предложенный в работе З.Д. Рожавского. Статья данного автора, хотя и посвящена исследованию другой уголовно-правовой и криминологической проблемы, содержащееся в ней методологическое решение является верным и уместным в рамках выбора наиболее эффективной из ранее изложенных моделей. Адаптируя идеи З.Д. Рожавского к объекту настоящего исследования, находим приоритетной вторую модель уголовной ответственности за использование дипфейков. Одновременно полагаем, что первая модель имеет существенные недостатки, которые будут служить препятствием при ее реализации на практике.

Во-первых, само по себе создание и распространение дипфейков не обладает какой-либо общественной опасностью. Более того, дипфейк может преследовать и благие цели. Например, зимой 2020 г. в Индии набрали популярность два видеоролика, в которых президент

Индийской народной партии Маной Тивари агитирует голосовать за себя. В одном видео политик говорит на хинди, а в другом, благодаря использованию рассматриваемой технологии, – на языке хариани, которым он не владеет¹. Именно поэтому установление уголовной ответственности за сам факт создания и распространения дипфейка, без учёта обстоятельств совершения указанных действий, не будет отвечать требованиям социальной обусловленности и юридической обоснованности.

Во-вторых, в ряде случаев, которых становится все больше, дипфейки, действительно, могут использоваться для совершения преступных деяний, тем самым повышая степень их общественной опасности. Примером таких вредоносных действий, которые могут выполняться с использованием дипфейков, является оборот материалов порнографического характера. Количество дипфейков, создаваемых для этих целей, удваивается каждые шесть месяцев. По оценкам экспертов, летом 2021 г. их количество достигнет 180 тыс., а в 2022 г. – более 720 тыс.²

¹ Индийский политик сделал дипфейки собственной речи на других языках, чтобы привлечь больше избирателей [Электронный ресурс] // Tjournal. URL: <https://tjournal.ru/internet/144420-indijskiy-politik-sdelal-dipfeyki-sobstvennoy-rechi-na-drugih-yazykah-chtoby-privlech-bolshe-izbirateley> (дата обращения: 04.02.2021).

² Восход дипфейка в 2020: как маргинальная технология стала медианормой [Электронный ресурс] // Теплица социальных технологий.

Повышенная общественная опасность преступления, обусловленная использованием технологии дипфейка, в обязательном порядке должна учитываться законодателем и судом при дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности.

В-третьих, следует определить потенциальные пределы использования технологии дипфейка в преступных целях: клевета (ст. 128¹ УК РФ), вымогательство (ст. 163 УК РФ), мошенничество (ст. 159 и 159¹ УК РФ), незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ), публичное распространение заведомо ложной информации (ст. 207¹ и ст. 207² УК РФ), незаконное изготовление и оборот порнографических материалов (ст. 242 и ст. 242¹ УК РФ) и другие преступления, предусмотренные Особой частью УК РФ³. В данном контексте уместно затронуть следующий вопрос. Как известно, система Особой части УК РФ включает в себя шесть разделов, содержащих девятнадцать глав.

URL: <https://te-st.ru/2020/12/25/2020-deepfake-era/> (дата обращения: 04.02.2021).

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 30.12.2020, № 22-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954; 2020. № 31, ст. 4330.

В основу деления УК РФ на главы положен видовой объект преступления. С учетом очерченных пределов преступного использования дипфейков рассматриваемое посягательство может быть совершенно в отношении разных объектов уголовно-правовой охраны, а значит поиск наиболее подходящего местоположения единой нормы, предусматривающей ответственность за создание и распространение дипфейков, в системе уголовного закона довольно затруднителен. Изложенное дополнительно свидетельствует о том, что целесообразно избрать именно вторую модель: точечное выявление отдельных составов преступлений, которые могут быть совершены с использованием технологии дипфейка, и снабжение их соответствующим квалифицирующим признаком.

Кроме того, в случае введения самостоятельной уголовной ответственности за создание и распространение дипфейков возникнут проблемы квалификации таких преступлений. Очевидно, что почти всегда данное деяние будет необходимо квалифицировать по совокупности с указанными ранее преступлениями (ст. 128¹, ст. 242¹ УК РФ и др.), что обесценит значимость создания и распространения дипфейков как вновь созданного самостоятельного состава преступления, а также приведет к двойно-

му учету одного и того же деяния и, как следствие, к необоснованному усилению уголовной ответственности. В качестве примера можно привести незаконное изготовление с помощью технологии дипфейка материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних. В этом случае виновный будет подлежать ответственности не только за создание и распространение технологии дипфейка, но и, в порядке идеальной совокупности преступлений, за изготовление порнографических материалов по ст. 242¹ УК РФ. Данное явление уже становилось предметом внимания некоторых учёных. В частности, А.Г. Донченко убежден, что действия лица, которое создает и (или) распространяет порнографические дипфейки, следует квалифицировать по ст. 242¹ УК РФ.

В-четвертых, если обратиться к Уголовному кодексу штата Калифорния, то можно увидеть, что он не содержит самостоятельного состава преступления, предусматривающего ответственность за использование технологий и рассматривается исключительно в качестве квалифицированного состава преступления, т.е. в качестве способа совершения преступного деяния, что является очередным подтверждением в конечном выборе второй модели¹. Это

¹ California Penal Code [Электронный ресурс] // Justia. URL: <https://law.justia.com/codes/>

реализуется посредством того, что, например, закон АВ № 730 о запрете подделки изображений кандидатов на государственные должности в течение 60 дней перед выборами, вносит соответствующие изменения лишь в гражданско-процессуальный и избирательный кодексы¹. В уголовном же законодательстве данные деяния не рассматриваются в качестве самостоятельных и являются способом совершения соответствующего преступления против порядка проведения выборов (§ 595 Кодекса США).

Приведённые аргументы не оставляют сомнений относительно конечной модели уголовно-правовой оценки использования технологии дипфейка. Использование дипфейка при совершении преступления должно рассматриваться в качестве квалифицирующего признака состава преступления, а в случае если квалифицированный состав преступления уже содержит признак, указывающий на совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (в т.ч. сети Интернет), то использование дипфейка должно рассматриваться в качестве осо-

бо квалифицирующего признака. В обоих указанных случаях использование при совершении преступления дипфейка будет выступать способом его совершения, который является неотъемлемой частью объективной стороны соответствующего преступления и существенно повышает степень его общественной опасности.

Кроме того, как справедливо отмечает М. А. Желудков, «в России необходимо создание особой системы цифровых и правовых форм защиты от дипфейков. Подобная трансформация потребует не только внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство, но и полноценной ревизии всех нормативных актов, регулирующих использование биометрических данных человека. Изменения должны проходить не после создания объекта защиты, а в процессе его создания, где в защищаемый объект уже закладываются правовые процессы защищенности от дипфейков» [3, с. 270]. И это неудивительно, поскольку в настоящее время нет готовых технологий и механизмов, не находящихся на стадии разработки, которые с наибольшей достоверностью способны изобличить дипфейк, не говоря уже о проблемах предупреждения и снижения уровня латентности данных преступлений. Данные факты позволяют констатировать объективную необходимость зако-

california/2009/pen.html (дата обращения: 04.02.2021).

¹ АВ-730 Elections: deceptive audio or visual media [Электронный ресурс] // California legislative information. URL: https://leginfo.ca.gov/faces/billTextClient.xhtml?bill_id=201920200AB730 (дата обращения: 04.02.2021).

нодательной регламентации данного явления, в том числе с использованием имеющегося зарубежного опыта.

В Уголовном кодексе РФ необходимо уже сейчас предусмотреть квалифицированные составы преступлений, включающие признак их совершения с использованием дипфейков. В связи с этим предлагаем определить потенциальные пределы применения технологии дипфейка в преступных целях и дополнить соответствующие статьи УК РФ необходимыми квалифицирующими признаками. Например, ч. 3 ст. 128¹ УК РФ после слов «с использованием своего служебного положения» следует дополнить словами «а также посредством использования информационных технологий и (или) ресурсов», ст. 242 УК РФ следует дополнить ч. 4 следующего содержания: «Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей ста-

ти, совершенные с использованием информационных технологий и (или) ресурсов».

Таким образом, в результате проведенного исследования выявлено, что динамически развивающееся информационное общество заставляет серьезно озаботиться перспективами уголовно-правовой оценки и регламентации киберпреступлений, к которым, бесспорно, в недалеком будущем будут отнесены преступления, совершенные с использованием технологии дипфейка. С каждым днем дипфейки и иные информационные технологии становятся дешевле, доступнее и качественнее, что напрямую создает потенциальную угрозу для совершения противоправных действий. Законодателю необходимо исходить из того, что, озаботившись проблемой дипфейков сейчас, удастся избежать обусловленных ими неблагоприятных последствий в будущем.

А.Ю. Ягудина,
аспирант кафедры теории
государства и права
Саратовской государственной
юридической академии

ПОНЯТИЕ ПРАВОВОГО КОНФОРМИЗМА

Под философской категорией конформизма понимается приспособленчество, пассивное принятие существующего социального порядка, готовность соглашаться с господствующими мнениями и взглядами, непротивление преобладающим тенденциям, несмотря на их внутреннее неприятие¹. Он предполагает отказ от демонстрации собственной позиции и принципов под давлением группы.

В социологии конформизм понимается как изменение мнений, установок и поведения под влиянием окружающих, не способность противостоять групповому давлению². Конформизм предполагает следование образцу, принятому в группе, в обществе.

Конформизм как морально-психологическое явление характеризуется такими признаками, как: конформистская мотивация поведения, оценка ситуации и собственного поведения с позиции личной выгоды, отсутствие инициативы, собственных принципов и установок, наличие устойчивой интеллектуальной и психологической зависимости от чужих идеалов, мнений, образцов поведения. Конформизм отражает социально-значимые отношения между людьми и складывается в условиях имеющегося конфликта между индивидом и соответствующей группой.

Таким образом, конформизм – это форма поведения, определяемая конфликтной ситуацией, при которой человек под влиянием давления группы демонстрирует согласие с мнениями, установка-

¹ См.: Философия. Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. С. 395.

² См.: Осипов Г. В. Социологический энциклопедический словарь // М.: ИНФРА, 1998. С. 143.

ми, нормами группы с целью удовлетворения личных интересов.

Положительная роль конформизма заключается в том, что он обеспечивает защитный механизм выживаемости социальной группы, позволяет сплотить коллектив, справляться с проблемами в кризисных ситуациях. Его отрицательной стороной является то, что социальная роль человека, не соответствующая его внутренним убеждениям, «трансформируется в феномен «социальной маски» в его негативном смысле»¹.

Ученые по-разному относятся к соотношению конформизма и неконформизма. К примеру, М.Б. Митин считает, что поскольку конформность присуща всем людям, то поэтому логично считать ее проявлением здоровой психики, а неконформизм – патологией, «отклоняющимся поведением»². А. Подгурецкий утверждает, что тот, кто уважает общественные нормы коллективной жизни – конформист, а тот, чье поведение не соответствует этим нормам, – неконформист. Таким образом правонарушения с точки зрения права являются разновидностью неконформистско-

го поведения³. Думается, что здесь понятие конформизма подменяется понятием правового нигилизма. Неуважение к праву – это элемент деформированного правосознания, а конформизм представляет собой поведение, основывающееся на не-критическом отношении к правовым нормам.

Конформизм может быть политическим, социальным, информационным, нравственным, творческим, религиозным, правовым. Политический конформизм отличается приспособленческим отношением к господствующим политическим идеям, а также правителям, политическим лидерам. Политический конформист – это человек, который не высказывает собственного мнения и беспринципно и некритически следует предлагаемому образцу под давлением внешних условий и обстоятельств⁴.

Социальный конформизм опирается на психологическую готовность принять сторону большинства и в своем поведении следовать требованиям существующих в обществе социальных норм. Стандартность мышления и манипулируемость сознания часто используют создатели рекламы.

Информационный конформизм формируется в условиях отсутствия

¹ Холодовская А.В. Некоторые социально-психологические механизмы формирования конформизма // Вестник Брянского государственного технического университета. 2009. № 1. С. 113-118.

² См.: Митин М.Б. Личность в XX столетии. М.: Мысль, 1979. С. 155-156.

³ См.: Подгурецкий А. Очерк социологии права. М.: Прогресс, 1974. С. 263-264.

⁴ Политическая энциклопедия / под ред. Г.Ю. Семигин. Т. 1. М.: Мысль, 1999. С. 571.

информации, в результате чего человек «вынужден идти на поводу» у навязанного ему мнения¹. Нравственный конформизм отличает человека, бездумно следующего общепринятым ценностям. Он присущ людям, живущим в тоталитарных государствах.

Под творческим конформизмом понимают «театрализацию» лояльных отношений с властью, игру по правилам власти, внешнее соблюдение правил².

Религиозный конформизм развивается в обществе, где человек считает невозможным для себя сопротивляться общепризнанным религиозным догматам. Значение личности в таком обществе зависит от признания и одобрения ее религиозными деятелями.

Правовой конформизм отличается тем, что он является поведением лица в правовой сфере; соответствует или противоречит интересам общества, приносит им пользу или вред; характеризуется отсутствием у участников общественных отношений собственных правовых принципов и установок, но при этом у индивида имеется интеллектуальная психологическая зависимость

от общепринятых социально-правовых идеалов, принципов мнений; субъект некритически относится к требованиям юридических норм.

Следовательно, под правовым конформизмом понимается юридически значимое поведение, осуществляемое в форме действия или бездействия, отражающее социально значимые отношения между людьми, оцениваемое с позиции права, при котором субъект некритически относится к требованиям правовых норм, не обладает собственными правовыми принципами и индивидуальными установками, но имеет устойчивую интеллектуальную и психологическую зависимость от общепринятых социально-правовых идеалов, мнений, образцов поведений.

Конформизм, как социально-психологическая характеристика человека, нейтрален. Его позитивное или негативное значение зависит от выбора человеком той группы, чьи ценности он разделяет.

В отличие от привычного поведения, когда человека поступает тем или иным образом без особых раздумий, конформизм предполагает осознанное отношение к каждому поведенческому акту.

Конформистское поведение – это социально-мотивированное поведение, предполагающее следование принципу «как все, так и я». Мотивация влияет прежде всего

¹ См.: Карпова А. Ю. Информационная анония: выбор на грани фола // Власть. 2014. № 1. С. 45.

² См.: Раскатова Е. М. Конформизм как стратегия культуротворчества художественной интеллигенции поздней советской эпохи // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 1. С. 62.

на цель деятельности, как тот идеальный объект, к которому стремится субъект. С одной стороны, она является основой определения мотивов, с другой стороны, конформистский мотив может определять цель. «Мотивы предшествуют возникновению целей, определяют их. Они также выступают «побудителем» и направляющим фактором деятельности.... Мотивация придает смысл целесообразной деятельности, объясняет ее необходимость и значение»¹.

На формирование цели как осознанного процесса мыслительной деятельности влияют интересы человека, его потребности, прошлый личный и общественный опыт, наличие возможных средств ее достижения. Целесообразность той или иной деятельности связана для человека с его индивидуальными целями, опирающимися на конформистскую мотивацию.

Способность целеполагания открывает возможности для человека ориентироваться в окружающей действительности, приспособляться к ней.

Целью человеческой деятельности может быть как изменение окружающей действительности, так и адаптацией, либо приспособление к ней. Под адаптацией понимается

процесс привыкания, подстраивание под окружающую среду через изменение собственных личностных характеристик. Приспособление характеризуется не изменением личностных установок, идей и принципов, а внешней демонстрацией таких изменений. Конформист всегда действует в собственных интересах. Цель, которую ставит перед собой конформист, предполагает удовлетворение его личных потребностей. Именно они влияют на выбор цели его деятельности. Например, в советское время некоторые люди вступали в партию не потому, что разделяли ее идеалы и программу, а для того, чтобы облегчить себе продвижение по карьерной лестнице. Конформистская мотивация так же часто присутствует при выборе средств достижения цели.

Мотив понимается как «потребность, ценностная ориентация и интерес субъекта, побуждающие его к принятию решения действовать определенным образом в данной ситуации»².

По мнению М.И. Еникеева, под мотивацией поведения понимается «обусловленное актуализированной потребностью возбуждение определенных нервных структур (функциональных систем), вызывающих направленную активность организ-

¹ Малько А.В., Шундилов К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2003. С. 12.

² Социальная психология. Краткий очерк / под общ. ред. Г.П. Предвечного и Ю.А. Шерковина. М.: Политиздат, 1975. С. 102.

ма»¹. Данное определение представляется нам неверным, поскольку «возбуждение определенных нервных структур» представляет собой рефлекторную (неосознанную) деятельность.

Ю.В. Чуфаровский под мотивацией понимает систему таких побудительных факторов, как побуждения, взгляды, стремления, интересы, идеалы, соотнесенные с потребностями². По нашему мнению, данное определение содержит не понятие мотивации, а ее механизм.

Т.О. Гордеева понимает под мотивацией «относительно устойчивое системное образование, обеспечивающее побуждение, направленность и регуляцию выполнения деятельности»³. Понятие «системное образование» отражает такой признак мотивации, как системность, и не раскрывает ее содержание.

Дж. Иванцевич и А.А. Лобанов мотивацию понимают как совокупность причин, побуждающих человека действовать тем или иным целесообразным образом⁴. Пола-

гаем, что в данном определении мотивация отождествляется с причинами, побуждающими человека действовать тем или иным образом, т.е. с выбором средств и способов достижения цели. Здесь не проводится разграничение между данными явлениями. Между тем причина – это внешнее воздействие, побуждающее к образованию мотива, т.е. она является чем-то внешним по отношению к личности. Мотив представляет собой психическое явление. Это элемент психики. Одна и та же причина может вызывать у разных людей разные мотивы и соответствующие действия. Например, такая причина, как увольнение с работы, может заставить одного человека обучаться другой специальности, другого – обратиться в органы социальной защиты для получения социального пособия, третьего – вступить в организованную преступную группировку.

По определению А.О. Блинова, мотивация – это «стремление работника удовлетворить потребности (получить определенные блага) посредством трудовой деятельности»⁵. Во-первых, стремление – это настойчивое влечение человека к достижению поставленной цели, то есть инстинктивное желание, побуждающее индивида действовать

¹ Еникеев М.И. Общая и юридическая психология: в двух частях. Часть 1: Общая психология. Учебник. М.: НОРМА-ИНФРА, 1996. С. 161.

² См.: Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Право и Закон, 2015. С. 186.

³ Гордеева Т.О. Мотивация: новые подходы, диагностика, практические рекомендации // Сибирский психологический журнал. 2016. № 62. С. 38.

⁴ См.: Иванцевич Дж.М., Лобанов А.А. Управление человеческими ресурсами. М.: Дело, 1993. С. 30.

⁵ Блинов А.О. Мотивация персонала корпоративных структур // Маркетинг. 2001. № 1. С. 89.

в направлении удовлетворения этой потребности. Мотивация является интеллектуальной, мыслительной деятельностью, и в этом качестве она противостоит инстинктивным желаниям, не может быть к ним сводима. Во-вторых, удовлетворение потребностей возможно не только в результате осуществления трудовой деятельности. Достигнуть поставленных целей можно разными, в том числе и криминальными способами. Поэтому определение, предложенное автором, не является убедительным.

Сходны определения мотивации, данные В.В. Романовым и В.М. Уруковой. В.В. Романов раскрывает понятие мотивации, как «своего рода повторяющегося процесса выбора и принятия решения человеком на основе оценки им различных поведенческих альтернатив, в основе которых лежат разные мотивы, побуждения»¹. В.М. Урукова понимает мотивацию как «процесс выбора между различными возможными действиями, процесс, регулирующий, направляющий действие на достижение специфических для данного мотива целевых состояний и поддерживающий эту направленность»². Мы считаем, что в этих

определениях не закреплён тот факт, что процесс выбора и принятия решений человеком происходит в сфере его интеллектуальной деятельности.

Более убедительно понятие мотивации в работе Э.Н. Разнодежиной, утверждающей, что мотивация – это внутреннее осознание значимости представленных стимулов как жизненно необходимых, что выступает «толчком» для человека в осуществлении его деятельности³. По нашему мнению, мотивация – это интеллектуальная деятельность человека, заключающаяся в осознании его потребностей в постановке целей и выбора средств для их достижения. Мотивация представляет собой мыслительный процесс выбора между различными возможными действиями, обусловленный разными мотивами и побуждениями.

Следует различать мотивацию и мотивировку. Если мотив побуждает человека к принятию решения действовать определенным образом, то мотивировка – это объяснение причин и мотивов предполагаемого или совершившегося действия. Это логическое основание причин действия, она подчинена логическим законам. Мотивировка не определяет действия, она объясняет, почему человек выбирает именно

¹ Романов В.В. Юридическая психология: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005. С. 246.

² Урукова В.М. Мотив и мотивация как гражданско-правовые категории // Вестник Чувашского университета. 2006. № 5. С. 67-69.

³ См.: Московский комсомолец, Российский Региональный Еженедельник. 2018. 5-12 сентября. № 37(1098).

те действия, которые он совершает. На мотивировку часто оказывает влияние конформистское мышление. Оно может принимать вид правового конформизма. Конформизм, так же как и мотив, может быть неосознанным либо скрытым. Неосознанный конформизм, например, оказывает влияние на пенсионеров, участвующих в митингах, проводимых против повышения пенсионного возраста. Эти люди уже получают пенсию, реформы лично их уже не касаются, но они, не осознавая конформность своего поведения, выражают свое отрицательное отношение к реформе. Конформность их поведения объясняется тем, что они демонстрируют свою солидарность с оппозиционно-настроенной по отношению к государству части общества.

Эмоциональное состояние субъекта также оказывает влияние на мотивацию. К примеру, паника, т.е. сильный страх, охватывающий множество людей, вызывает конформистские реакции и часто приводит к тяжелым последствиям. Весь мир знает о трагедии, случившейся в ночь с 27 по 28 сентября 1994 года, когда затонул пассажирский паром «Эстония», шедший из Таллинна в Стокгольм. Судно затонуло в течение часа. Из 989 человек погибло 852. Панике подверглись пассажиры парома. Люди давили друг друга, желая протиснуться к узкому

дверному проему. Мужчины снимали с женщин надетые спасательные жилеты. В результате паники в клубе «Station» (Уэст-Уорик, штат Род-Айленд) в феврале 2003 года погибло 100 человек, 230 получили ранения. Причиной паники стал пожар на сцене клуба, вызванный использованием пиротехнических изделий¹. В основе выбора средств достижения поставленных целей под влиянием конформистских идей также может лежать страх человека, как его эмоциональное состояние.

Мотивация не только объясняет выбор цели деятельности, но и средств ее достижения. К примеру, студенты СГЮА следующим образом обосновывают выбор вуза для обучения: «при выборе юридического вуза главным вопросом стало то, где я смогу работать после обучения и кем стать в дальнейшем, и естественно мною было принято решение поступать в один из лучших и престижных юридических вузов страны – СГЮА».

При мотивировке часто происходит сокрытие истинных мотивов поведения человека и подмена их иными, такими как чувство долга, чувство ложной солидарности и др. Например, создатели организации АУЕ (арестанский уклад един) в качестве своих лозунгов выдвинули: «власть плохая, один за всех

¹ См.: Российская газета. 2013. Июнь. Столичный выпуск № 6105 (129).

и все за одного, горбатится на работе нет смысла, не верь, не бойся, не проси». Данные лозунги выступают средством манипуляции сознанием подростков, использованием их конформизма как подросткового качества. Таким образом, цель вступления в движение АУЕ связана для подростков с конформистской мотивацией: «кто не был – там будет, кто был – не забудет»¹. Таким образом, на этой стадии поведение приобретает конформистскую окраску.

Мотивация противоправного конформистского поведения, исходя из соотношения личных и общественных интересов, может иметь следующие виды:

1) противопоставление личных интересов интересам общества, выраженных в форме закона. Она выглядит как доктринальная концепция отношения к закону, выраженная в форме «понятий». Такая концепция лежит в основе мотивации деятельности преступников. К примеру, такую концепцию отношения к закону создали преступники – «воры в законе»;

2) противопоставление своих интересов интересам общества, при котором личные интересы находятся в согласии с позицией какой-либо группы: профессиональной, семейной и др. Здесь человек мотивирует свое поведение защитой

групповых интересов, например, «защитой чести мундира». В 2013 г. в Тюмени произошел следующий случай. Сотрудники ГИБДД остановили пьяного водителя. Не установив его личность, они составили соответствующий протокол, на основании которого водитель лишился водительских прав. Оказалось, что Николай Храмов, в отношении которого был составлен протокол, в 2009 году подвергся на улице нападению и у него были похищены права. По этому факту было возбуждено уголовное дело. Старые права были аннулированы и выданы новые. В 2013 г. с его старыми водительскими правами был остановлен неизвестный человек. Не разбираясь во всех обстоятельствах дела, Н. Храмова лишили новых водительских прав. Он обратился в ГИБДД, где один из инспекторов – водитель патрульной машины в присутствии своего руководителя сказал, что Н. Храмов – не тот человек, который был задержан в нетрезвом виде. Однако в суде все три инспектора заявили, что за рулем был именно Н. Храмов. Судья поверил инспекторам, несмотря на то, что в протоколе был записан номер старых водительских прав и адрес, не соответствующий адресу в паспорте, и отказался удовлетворить ходатайство Н. Храмова по запросам. Н. Храмов сумел найти одного из понятых и привести его в суд.

¹ Юрист. Студенческий журнал. 2018. № 30. С. 15.

Суд не поверил понятому в том, что он освидетельствовал совсем другого человека. Н. Храмов был лишен водительских прав на два года. Эта история вызвала большой общественный резонанс. Ничем другим, кроме как «защитой чести мундира» действия инспекторов ГИБДД в суде объяснить нельзя;

3) здесь индивид не сопоставляет свои интересы с интересами общества, а в основе мотивации лежит страх перед осуждением не со стороны общества, а со стороны той социальной группы, к которой он принадлежит. Чаще всего это наблюдается в подростковой среде, где личность еще не сформировалась и находится под влиянием какого-либо авторитета. В настоящее время Эстония переживает криминализацию подростковой субкультуры. Только в Таллинне существует около 20 подростковых банд. 13–17-летние хулиганы грабят магазины, прохожих, избивают взрослых и сверстников. Подростки тянутся к лидерам, под их влиянием

начинают совершать преступления. Опыт Таллиннских стражей порядка свидетельствует о том, что если заводит «изолировать», то остальная компания развалится¹. К этому виду мотивации можно также отнести ложно понимаемое «чувство долга» перед преступной организацией.

Таким образом, на мотивационный процесс оказывают влияние интеллектуальные, волевые и эмоциональные моменты. Мотивация и деятельность, составляющие содержание конформного правового поведения, находящееся под влиянием рационального и эмоционального начал, называется в психологии соотношением интеллекта и аффекта.

Формирование правового конформизма завершается принятием решения об осуществлении правовой деятельности и выбора средств ее реализации. На этой стадии конформист выбирает виды деятельности, соответствующих формам поведения, присущим той социальной группе, к которой он принадлежит.

¹ См: *Осипов Г.В.* Социологический энциклопедический словарь. М.: ИНФРА, 1998. С. 143.

Аннотации | Abstracts

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ И ТРЕТЕЙСКИХ СУДОВ

Бурашникова Наталия Анатольевна
*кандидат юридических наук,
заместитель председателя
Тамбовского областного суда*

Аннотация: с учетом практики рассмотрения судами общей юрисдикции вопросов, связанных с третейским разбирательством, автор анализирует актуальные аспекты взаимодействия государственных и третейских судов при разрешении гражданско-правовых споров. Отмечает снижение востребованности процедуры третейского разбирательства в современном обществе. Выявляет факторы, сдерживающие развитие деятельности третейских судов в Российской Федерации, на примере практики регионов. Формулирует предложения, направленные на содействие развитию третейского судебного разбирательства.

Ключевые слова: арбитраж, третейское разбирательство, гражданско-правовые споры, суды общей юрисдикции.

ON SOME ISSUES OF PROCEDURAL INTERACTION BETWEEN COURTS OF GENERAL JURISDICTION AND ARBITRATION COURTS

Burashnikova Natalia Anatolievna
*Candidate of Law, Deputy Chairman
of the Tambov Regional Court
e-mail: buraschnickova.n@yandex.ru*

Abstract: taking into account the practice of consideration by courts of general jurisdiction of issues related to arbitration, the author analyzes the current aspects of interaction between state and arbitration courts in the resolution of civil disputes. Notes the decline in the demand for the arbitration

procedure in modern society. Identifies the factors that hinder the development of the activity of arbitration courts in the Russian Federation, using the example of the practice of the regions. Formulates proposals aimed at promoting the development of arbitration proceedings.

Keywords: arbitration, arbitration proceedings, civil disputes, courts of general jurisdiction.

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЗАКУПОК ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Васильев Алексей Александрович
*кандидат юридических наук,
заместитель Саратовского
межрайонного природоохранного
прокурора*
Младенова Елизавета Вячеславовна
*помощник Саратовского
межрайонного природоохранного
прокурора*

Аннотация: в статье рассматриваются основные вопросы прокурорского надзора в контрактной сфере, указываются ключевые проблемы государственных и муниципальных контрактов. Акцентируется внимание на надзоре в данной сфере как одном из основных направлений антикоррупционной политики и делается вывод о роли прокуратуры в сфере закупок.

Ключевые слова: прокурорский надзор, антикоррупционная политика, закупки для государственных и муниципальных нужд.

**ON THE ISSUE OF ORGANIZING
PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER
THE IMPLEMENTATION OF LEGISLATION
IN THE FIELD OF PROCUREMENT FOR
STATE AND MUNICIPAL NEEDS**

Vasiliev Alexey Alexandrovich

*PhD in Law Deputy Saratov Interdistrict
Environmental Prosecutor*

Mladenova Elizaveta Vyacheslavovna

*Assistant of the Saratov Interdistrict
Environmental Prosecutor*

Abstract: the article examines the main issues of prosecutorial supervision in the contract area, identifies the key problems of state and municipal contracts. Attention is focused on supervision in this area as one of the main directions of anti-corruption policy and a conclusion is made about the role of the prosecutor's office in the field of procurement.

Keywords: prosecutor's supervision, anti-corruption policy, procurement for state and municipal needs.

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ
УСТАНОВЛЕНИЯ ЗАПРЕТА
НА ОБХОД ЗАКОНА**

Сенякин Иван Николаевич

*доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории
государства и права
Саратовской государственной
юридической академии*

Торчилин Константин Евгеньевич

*кандидат юридических наук, помощник
судьи (Тамбовский областной суд)*

Аннотация: дискуссионность реформы гражданского законодательства в части, касающейся установления запрета на обход закона, а также трудности реализации данного запрета, возникающие и устойчиво существующие в правоприменительной практике, актуализируют анализ проблематики в данной сфере.

Ключевые слова: обход закона с противоправной целью, действия в обход закона, злоупотребление правом, противоправное поведение, проблемы правового регулирования.

**ON SOME PROBLEMS
OF ESTABLISHING A BAN
ON CIRCUMVENTION OF THE LAW**

Senyakin Ivan Nikolaevich

*Doctor of law, Professor, Professor,
Theory of state and law Department
(Saratov State Law Academy)
e-mail: vestnik2@ssla.ru*

Torchilin Konstantin Evgenievich

*Candidate of law, assistant of judge
(Tambov regional court)
e-mail: K.E.Torchilin@gmail.com*

Abstract: the controversial nature of the reform of civil legislation in terms of establishing a ban on circumvention of the law, as well as the difficulties of implementing this ban, arising and persistently existing in law enforcement practice, actualize the analysis of problems in this area.

Keywords: Bypassing the law for an unlawful purpose, bypassing the law, abuse of law, illegal behavior, problems of legal regulation

**ПЕРСПЕКТИВЫ И МИРОВЫЕ ТРЕНДЫ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ**

Титов Александр Александрович

*доцент кафедры организационно-
аналитического обеспечения
деятельности и управления в органах
прокуратуры Университета
прокуратуры РФ, юрист 1 класса,
кандидат юридических наук*

Аннотация: в статье анализируются вопросы, касающиеся нормативно-правового регулирования в различных государствах механизма правовой защиты осведомителей о возможных коррупционных преступлениях и правонарушениях, а также о тенденциях развития антикоррупционного законодательства.

Автором анализируется актуальный опыт правового регулирования в Европейском союзе, Украине, Российской Федерации и других странах.

Ключевые слова: противодействие коррупции, защита осведомителя, Европейский союз, Российская Федерация, Украина, антикоррупционная политика.

**PROSPECTS AND GLOBAL TRENDS
IN THE LEGAL REGULATION OF
COMBATING CORRUPTION**

Titov Alexander Alexandrovich

*Associate Professor of the Department of
Organizational and Analytical Support
of Activities and Management in the
Prosecutor's Office of the University of
the Prosecutor's Office of the Russian
Federation 1st class lawyer PhD in Law
e-mail: etotitov@ya.ru*

Abstract: the article analyzes issues related to the legal regulation in various states of the mechanism of legal protection of whistleblowers about possible corruption crimes and offenses, as well as trends in the development of anti-corruption legislation. The author analyzes the current experience of legal regulation in the European Union, Ukraine, the Russian Federation and other countries.

Keywords: anti-corruption, whistleblower protection, European Union, Russian Federation, Ukraine, anti-corruption policy.

**ОТДЕЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ
ПРЕКРАЩЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-
ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ**

Ахмедов Арсен Ярахмедович,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского
права Саратовской государственной
юридической академии*

Аннотация: впервые в истории России на уровне высшего суда принято постановление Пленума об отдельных основаниях прекращения обязательств. Автор отмечает, как данные разъяснения соотносятся с действующим законодательством, а также судебной практикой, в первую очередь с Информационными письмами Высшего Арбитражного Суда РФ.

Ключевые слова: прекращение обязательств, отступное, новация, зачет, ретроактивное действие зачета.

**SEVERAL BASES FOR TERMINATION
OF CIVIL OBLIGATIONS**

Ahmedov Arsen Yarahmedovich,

*Candidate of Law, assistant professor,
lecturer of chair of civil law of Saratov
state law academy
e-mail: ahmedov.arsen@bk.ru*

Abstract: for the first time in the history of Russia, at the level of a higher court, an ordinance of the Plenum on certain grounds for terminating obligations has been adopted. The author notes how these explanations correlate with current legislation, as well as judicial practice, primarily with the Information Letters of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation.

Keywords: termination of obligations, compensation, novation, set-off, retroactive effect of set-off.

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРОВЕДЕНИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ
ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ
ПРАВОВЫХ АКТОВ ОРГАНАМИ
ПРОКУРАТУРЫ**

Богатова Екатерина Владимировна

*кандидат юридических наук, доцент
кафедры прокурорского надзора
и криминологии Саратовской
государственной юридической
академии
e-mail: Bogatovaev@yandex.ru*

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы деятельности прокуратуры при проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов. Исследуется правовая основа новой функции прокуратуры. Анализируются статистические данные, а также практика прокурорского надзора при проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Предлагаются пути решения существующих проблем.

Ключевые слова: прокурорский надзор, антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов, прокуратура, проблемы прокурорского надзора.

SOME PROBLEMS OF CONDUCTING ANTI-CORRUPTION EXAMINATIONS OF REGULATORY LEGAL ACTS BY THE PROSECUTOR'S OFFICE

Bogatova Ekaterina Vladimirovna
*Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Prosecutor's Supervision and
Criminology of the Saratov State Law
Academy*

Abstract: the article deals with the problems of the prosecutor's office during the anti-corruption examination of regulatory legal acts. The legal basis of the new function of the prosecutor's office is being investigated. The article analyzes statistical data, as well as the practice of prosecutorial supervision when conducting anti-corruption expertise of regulatory legal acts and their drafts. The ways of solving the existing problems are suggested.

Keywords: Prosecutor's supervision, anti-corruption expertise of regulatory legal acts, prosecutor's office, problems of prosecutor's supervision.

К ВОПРОСУ О ПРОВЕДЕНИИ ПРОКУРОРОМ ПРОВЕРКИ ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКОНА В СВЕТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОВЕЛЛ

Грачёва Ольга Алексеевна,
*кандидат юридических наук, доцент
кафедры прокурорского надзора
и криминологии Саратовской
государственной юридической
академии*

Аннотация: в данной статье рассматривается актуальный вопрос о правовом регулировании порядка проведения прокурором проверок исполнения закона. На сегодняшний день законодателем были сделаны попытки урегулировать данные законодательные пробелы, однако многие вопросы все еще остаются не разрешенными. Автором

делается вывод о дальнейшем совершенствовании надзорной деятельности прокурора по проведению проверок путем четкой регламентации условий и процедуры ее проведения на законодательном уровне.

Ключевые слова: прокурор, органы прокуратуры, прокурорский надзор, прокурорская проверка, сроки проведения проверок, проверка исполнения закона, законодательная регламентация.

ON THE ISSUE OF THE PROSECUTOR'S CHECKS ON THE IMPLEMENTATION OF THE LAW IN THE LIGHT OF LEGISLATIVE INNOVATIONS

Gracheva Olga Alekseevna,
*Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Prosecutor's
Supervision and Criminology, Saratov
State Law Academy
e-mail: Letsik91@mail.ru*

Abstract: this article deals with the current issue of legal regulation of the procedure for conducting inspections of the implementation of the law by the prosecutor. To date, the legislator has made attempts to resolve these legislative gaps, however, many issues still remain unresolved. The author makes a conclusion about further improvement of the supervisory activity of the prosecutor for conducting inspections by clearly regulating the conditions and procedures for its implementation at the legislative level.

Keywords: prosecutor, prosecutor's office, prosecutor's supervision, prosecutor's inspection, terms of inspections, verification of the implementation of the law, legislative regulation.

МЕДИАЦИЯ КАК СРЕДСТВО РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВОВЫХ КОНФЛИКТОВ

Киримова Елена Андреевна
*доцент кафедры теории государства
и права Саратовской государственной
юридической академии*

Аннотация: статья посвящена исследованию правовой природы юридическо-

го конфликта и альтернативной процедуре урегулирования споров – медиации. В ней рассматриваются причины сравнительно небольшого обращения сторон за разрешением юридических конфликтов в органы, осуществляющие медиативную процедуру, а также значение нотариального удостоверения медиативных соглашений для обеспечения их исполнения.

Ключевые слова: юридический конфликт, медиация, юрисдикционная деятельность, медиативное соглашение, нотариальное удостоверение.

MEDIATION AS A MEANS OF RESOLVING LEGAL CONFLICTS

Kirimova Elena Andreevna

Associate Professor of the Department of Theory of Saratov State Law Academy
e-mail: e-kirimova@bk.ru

Abstract: the article is devoted to the study of the legal nature of a legal conflict and an alternative dispute resolution procedure – mediation. It examines the reasons for the relatively small number of requests from the parties for the resolution of legal conflicts to the bodies that carry out the mediation procedure, as well as the importance of notarizing mediation agreements to ensure their implementation.

Keywords: legal conflict, mediation, jurisdictional activity, mediation agreement, notarial certification.

ИЗБЫТОЧНОСТЬ ЗАПРЕТОВ В ПРАВЕ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ И ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ ДИСБАЛАНСА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Кушнир Ирина Владимировна

старший преподаватель кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы избыточности запретов в праве. Делается акцент на негативном аспекте законодательного установления и практи-

ческого применения запретов как факторе, который может привести к дисбалансу системы юридической ответственности. Автор приходит к выводу о тесной взаимосвязи проблем запретов и ответственности в праве, так как их накопление с течением времени может привести к системному нарушению предметных и функциональных связей нормативных запрещающих предписаний, что составляет одну из форм проявления дисбаланса юридической ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, запреты в праве, дисбаланс юридической ответственности, коллизийность норм права, межотраслевой институт права.

REDUNDANCY OF PROHIBITIONS IN LAW AS A PREREQUISITE FOR THE FORMATION AND FORM OF MANIFESTATION OF AN IMBALANCE OF LEGAL RESPONSIBILITY

Kushnir Irina Vladimirovna

Senior teacher, Department of Theory of State and Law, Saratov State Law Academy
e-mail: irinavkushnir@mail.ru

Abstract: the article discusses the issues of redundancy of prohibitions in law. Emphasis is placed on the negative aspect of the legislative establishment and practical application of prohibitions as a factor that can lead to an imbalance in the system of legal responsibility. The article concludes that there is a close relationship between the problems of prohibitions and liability in law, since their accumulation over time can lead to a systemic violation of the substantive and functional relationships of normative prohibition prescriptions, which is one of the forms of manifestation of an imbalance in legal liability.

Keywords: legal responsibility, prohibitions in law, imbalance of legal responsibility, conflict of law norms, intersectoral institution of law.

**УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА
В ГРАЖДАНСКОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В КАЧЕСТВЕ
СУБЪЕКТА, ОКАЗЫВАЮЩЕГО
БЕСПЛАТНУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ
ПОМОЩЬ, – ГАРАНТИЯ ПОЛУЧЕНИЯ
СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ**

Ткачева Наталья Николаевна
*кандидат юридических наук, доцент
кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной
юридической академии*

Аннотация: в статье рассматривается вопрос об участии прокурора в гражданском судопроизводстве через призму норм российского законодательства, а также международных стандартов в процессе получения судебной защиты нарушенных прав граждан и неопределенного круга лиц. Отмечается положительная роль прокурора в системе оказания бесплатной юридической помощи и необходимости развивать данное направление в целях обеспечения эффективной реализации конституционных прав, принадлежащих российским гражданам.

Ключевые слова: судебная защита, гражданское судопроизводство, прокурор, процессуальное равенство сторон, представитель, бесплатная юридическая помощь.

**THE PARTICIPATION
OF THE PROSECUTOR
IN CIVIL COURT PROCEEDINGS
AS A SUBJECT PROVIDING FREE
LEGAL ASSISTANCE IS A GUARANTEE
OF OBTAINING JUDICIAL PROTECTION**

Tkacheva Natalia Nikolaevna
*Candidate of Law, Associate Professor
of the Department of Civil Procedure,
Saratov State Law Academy
e-mail: nntkachewa@yandex.ru*

Abstract: the article considers the question of the prosecutor's participation in civil proceedings through the prism of the norms of Russian legislation, as well as international standards in the process of obtaining judicial protection of violated rights of citizens and an indefinite circle of persons. The positive role of the prosecutor

in the system of providing free legal aid and the need to develop this area in order to ensure the effective implementation of the constitutional rights belonging to Russian citizens is noted.

Keywords: judicial protection, civil proceedings, prosecutor, procedural equality of the parties, representative, free legal assistance.

**К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННО-
ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ИНСТИТУТА
УПОЛНОМОЧЕННОГО
ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
В РОССИИ**

Фадеева Вероника Алексеевна
*кандидат юридических наук, доцент
кафедры конституционного права
имени профессора И. Е. Фарбера
Саратовской государственной
юридической академии, заместитель
начальника отдела правовой
и кадровой работы ТФОМС
Саратовской области*

Аннотация: институт уполномоченного по защите прав предпринимателей функционирует в Российской Федерации уже более восьми лет. Его работа положительно оценивается со стороны предпринимательского сообщества. В статье обозначены некоторые вопросы правового регулирования статуса Уполномоченного при Президенте Российской Федерации и уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах России. Анализ показателей ежегодных докладов федерального бизнес-омбудсмана позволяет сделать вывод об эффективности и востребованности исследуемого института. Автор приходит к выводам о необходимости дальнейшего совершенствования конституционно-правового положения института уполномоченного по защите прав предпринимателей в Российской Федерации.

Ключевые слова: институт уполномоченного по защите прав предпринимателей, Уполномоченный при Президенте Россий-

ской Федерации по защите прав предпринимателей, Уполномоченный по правам человека, государство, экономические права и свободы.

**ON THE CONSTITUTIONAL
AND LEGAL STATUS
OF THE INSTITUTION
OF THE COMMISSIONER
FOR THE PROTECTION
OF THE RIGHTS OF ENTREPRENEURS
IN RUSSIA**

Fadeeva Veronika Alekseevna

*Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Constitutional Law named after
I.E. Farber of the Saratov State Law
Academy, Deputy Head
of the Department of Legal and
Personnel Work of the Territorial Fund
of Compulsory Medical Insurance of the
Saratov Region*

Abstract: the Institute of the Business Ombudsman in Russia has been functioning in the Russian Federation for more than eight years. His work is positively evaluated by the business community. The article outlines some issues of legal regulation of the status of the Business Ombudsman in Russia and the business ombudsmen in the Russian regions. The analysis of the indicators of the annual reports of the federal business Ombudsman allows us to draw a conclusion about the effectiveness and relevance of the institute under study. The author comes to the conclusion that it is necessary to further improve the constitutional and legal status of the institution of the Institute of the Business Ombudsman in Russia in the Russian Federation.

Keywords: the Institute of the Business Ombudsman in Russia, ombudsman, state, economic rights and freedoms.

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
РОССИИ И КАНАДЫ**

Колесников Андрей Владимирович

*кандидат юридических наук, доцент
кафедры административного
и муниципального права Саратовской
государственной юридической
академии, почетный работник
высшего профессионального
образования РФ*

Аннотация: эффективность муниципального управления, деятельности органов местного самоуправления и форм непосредственного осуществления управления населением во многом зависит от правильной и рациональной территориальной организации. В России происходит перманентный процесс реформирования, как всей системы местного самоуправления, так и его территориальных основ. Результативность реформ во многом зависит от того, какой опыт берется в основу. Таким образом, опыт развитых зарубежных стран может быть очень полезен при изменении законодательства о местном самоуправлении. Поэтому сравнительная характеристика отечественной и Канадской территориальной организации может внести вклад в развитие концепции местного самоуправления Российской Федерации.

Ключевые слова: местное самоуправление; муниципальное управление; муниципальное образование; территориальная организация; административно-территориальное деление.

**COMPARATIVE CHARACTERISTICS
OF THE TERRITORIAL ORGANIZATION
OF THE MUNICIPAL ADMINISTRATION
OF RUSSIA AND CANADA**

Kolesnikov Andrey Vladimirovich

*Ph.D legal sciences, Associate Professor
of the Department of Administrative and
Municipal Law of the Saratov State Law
Academy, Honorary Worker of Higher
Professional Education of the Russian
Federation*

e-mail: kaviras@yandex.ru

Abstract: the effectiveness of municipal governance, the activities of local self-government bodies and forms of direct implementation of population management largely depends on the correct and rational territorial organization. Russia is undergoing a permanent process of reforming both the entire system of local self-government and its territorial foundations. The effectiveness of the reforms largely depends on what experience is taken as a basis. Thus, the experience of developed foreign countries can be very useful when changing legislation on local self-government. Therefore, a comparative characteristic of the domestic and Canadian territorial organization can contribute to the development of the concept of local self-government in the Russian Federation.

Keywords: local government; municipal government; municipality; territorial organization; administrative division.

КОРПУСНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЮРИДИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭЛЕКТРОННОГО КОРПУСА ДОКУМЕНТОВ ООН)

Балашова Елена Юрьевна
*доктор филологических наук,
профессор кафедры иностранных
языков Саратовской государственной
юридической академии*

Аннотация: данная статья посвящена описанию методики применения корпусных технологий в переводе юридических текстов и архивных документов, включенных в электронный мультиязычный корпус ООН. Автор выделяет терминологические области исследуемого корпуса, определяет их функциональные морфолого-синтаксические паттерны, а также проводит жанровый анализ юридических корпусных документов.

Ключевые слова: компьютерная лингвистика, электронный текстовый корпус, жанровое аннотирование, юридический документ, морфолого-синтаксический паттерн.

THE CORPUS TECHNOLOGIES IN LEGAL TRANSLATION (ON THE MATERIAL OF UN CORPUS DOCUMENTS)

Balashova Elena Yurievna
*Doctor of Philology The Professor
of English Language Department Saratov
State Legal Academy
e-mail: balashovaelena@yandex.ru*

Abstract: the given article is dedicated to the description of methodology of corpus technologies' application in translation of legal texts and archive documents belonging to the electronic Multilanguage UN corpus. The author singles out the terminological domains of the above-mentioned corpus, determines their functional morpho-syntactic patterns and conducts genre analysis of legal corpus documents.

Keywords: computer linguistics, electronic text corpus, electronic text corpus, genre annotation, legal document, morpho-syntactic pattern.

СТАТУС ФОНОЛОГИЧЕСКИХ АБСТРАКЦИЙ ПРИ СОЗДАНИИ ТРАНСКРИПЦИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Богачева Екатерина Александровна
*к.п.н., доцент кафедры иностранных
языков Саратовской государственной
юридической академии*

Короткова Мария Дмитриевна
*к.ф.н., доцент кафедры иностранных
языков Саратовской государственной
юридической академии*

Аннотация: в статье представлен анализ основных видов транскрипции, которые были разработаны британскими авторами многочисленных трудов по фонологии для выявления лингвистического статуса фонемы как основной фонологической абстракции. Авторы выделяют и описывают «аллофоническую» и «фонематическую» транскрипции, а также выделен ряд законов функционирования и развития звуковой материи английского языка.

Ключевые слова: «аллофоническая» транскрипция, «фонематическая» транскрипция, «каноническая» транскрипция, фонема, фонологическая абстракция.

**STATUS OF PHONOLOGICAL
ABSTRACTIONS IN THE CREATION
OF ENGLISH TRANSCRIPTION**

Bogacheva Ekaterina Aleksandrovna
*candidate of pedagogical sciences,
Associate Professor of the Department
of Foreign Languages of the Saratov State
Law Academy*

Korotkova Maria Dmitrievna
*candidate of philological sciences,
associate Professor of the Department
of Foreign Languages of the Saratov State
Law Academy
e-mail: marusia454@rambler.ru*

Abstract: the article presents an analysis of the main types of transcription that were developed by the British authors of numerous works on phonology to identify the linguistic status of the phoneme as the main phonological abstraction. The authors distinguish and describe “allophonic” and “phonematic” transcriptions, as well as a number of laws of functioning and development of the sound matter of the English language.

Keywords: «allophonic» transcription, «phonematic» transcription, «canonical» transcription, phoneme, phonological abstraction.

**К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ
ВВЕДЕНИЯ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИПФЕЙКОВ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Ситник Владислав Николаевич
*обучающийся Института
прокуратуры Саратовской
государственной юридической
академии*

Аннотация: статья посвящена проблеме введения уголовной ответственности за использование дипфейков в Российской Фе-

дерации. Автор поставил задачу раскрыть сущность такого явления, как дипфейк, и показать его пагубное влияние на объекты уголовно-правовой охраны. Выявляется зарубежный опыт в области правового противодействия использованию дипфейков, в частности меры, принятые КНР и США. В результате исследования формулируется авторское видение возможной модели уголовной ответственности за использование дипфейков в УК РФ, а также вывод о необходимости создания в Российской Федерации особой системы цифровых и правовых форм защиты от технологии дипфейков.

Ключевые слова: deepfake (дипфейк), информационные технологии, уголовная ответственность, преступление, клевета, мошенничество.

**ON THE QUESTION OF THE NEED
TO INTRODUCE CRIMINAL LIABILITY
FOR THE USE OF DEEPPAKES IN THE
RUSSIAN FEDERATION**

Sitnik Vladislav Nikolaevich
*student, Saratov State Law Academy,
Institute of Prosecutor's office
e-mail: vladdsitvl@mail.ru*

Abstract: the article is devoted to the problem of introducing criminal liability for the use of dipfakes in the Russian Federation. The author set the task to reveal the essence of such a phenomenon as deepfake, and to show its harmful influence on the objects of criminal protection. The article reveals foreign experience in the field of legal counteraction to the use of dipfakes, in particular, the measures taken by the PRC and the United States. As a result of the research, the author's vision of a possible model of criminal liability for the use of deepfakes in the Criminal Code of the Russian Federation is formulated, as well as the conclusion about the need to create in the Russian Federation a special system of digital and legal forms of protection against deepfake technology.

Keywords: deepface, information technology, criminal liability, crime, libel, fraud.

ПОНЯТИЕ ПРАВОВОГО КОНФОРМИЗМА

Ягудина Ания Юсеповна

*аспирант кафедры теории
государства и права Саратовской
государственной юридической
академии*

Аннотация: статья посвящена определению понятия правового конформизма как социально-мотивированного поведения. В ней рассматриваются философский, социологический, юридический подходы к данной категории. Выделяются различные виды конформизма, такие как политический, социальный, информационный, нравственный, творческий, религиозный, правовой. В статье утверждается, что конформность присуща всем людям. Правовой конформизм характеризуется такими признаками, как конформистская мотивация поведения, оценка ситуации и собственного поведения с позиции личной выгоды, отсутствие инициативы, собственных принципов и установок, наличие устойчивой интеллектуальной и психологической зависимости от чужих идеалов, мнений, образцов поведения. Раскрывается феномен конформистской мотивации, ее соотношение с целями и выбором средств их достижения, дается различие мотивации и мотивировки как логического основания причин действия, называются факторы, влияющие на мотивацию. При написании статьи использовалась совокупность методов научного познания, основное место среди которых занимает диалектический метод. В статье сделан вывод, что правовой конформизм является разновидностью социального конформизма и представляет собой юридически значимое поведение, не соответствующее внутренним убеждениям человека, а являющееся следствием внутригруппового давления. Он может порождать как позитивные, так и негативные последствия, зависящие от выбора средств реализации юридически значимой деятельности.

Ключевые слова: правовой конформизм, неконформизм, виды конформизма, цель, мотив, мотивировка, интерес, средства достижения цели, поведение, убеждения, внутригрупповое давление.

THE CONCEPT OF LEGAL CONFORMITY

Yagudina Aniya Yusupovna

*Postgraduate student of the Department
of Theory of State and Law Saratov State
Law Academy
e-mail: aniya.yagudina@mail.ru*

Abstract: the article is devoted to the definition of the concept of legal conformity as a socially motivated behavior. It examines the philosophical, sociological, and legal approaches to this category. There are different types of conformism, such as political, social, informational, moral, creative, religious, and legal. The article claims that conformity is inherent in all people. Legal conformism is characterized by such signs as conformist motivation of behavior, assessment of the situation and one's own behavior from the position of personal gain, lack of initiative, one's own principles and attitudes, and the presence of a stable intellectual and psychological dependence on other people's ideals, opinions, and patterns of behavior. The author reveals the phenomenon of conformist motivation, its relation to goals and the choice of means to achieve them, gives the difference between motivation and motivation as the logical basis for the reasons for action, and names the factors that affect motivation. When writing the article, a set of methods of scientific knowledge was used, the main place among which is occupied by the dialectical method. The article concludes that legal conformism is a kind of social conformism and is a legally significant behavior that does not correspond to the internal beliefs of a person, but is a consequence of intra-group pressure. It can generate both positive and negative consequences, depending on the choice of means of implementing legally significant activities.

Keywords: legal conformism, nonconformism, types of conformism, goal, motive, motivation, interest, means of achieving the goal, behavior, beliefs, intra-group pressure.

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

Альманах Института прокуратуры «Человек и право – XXI век» принимает к публикации на русском языке статьи, обладающие научной новизной, представляющие интерес не только для ученых данной области, но и для исследователей родственных дисциплин, касающиеся ранее неизвестных или неразработанных областей правотворчества и правоприменения, содержащие конструктивные предложения по совершенствованию законодательства, новые концепции, направленные на дальнейшее развитие юридической науки.

Представленная на рассмотрение статья должна иметь следующую структуру: заглавие статьи, Ф.И.О. автора, степень, должность, кафедра (другое место работы), полное официальное название учреждения и его адрес, e-mail (авторов), аннотация, ключевые слова (5–10 слов или словосочетаний без учета предлогов, союзов и т.п.). Все сведения должны быть представлены на русском и английском языках.

Объем рукописи должен составлять от 0,3 до 0,5 авт.л. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт TimesNewRoman; межстрочный интервал 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 2 см; абзацный отступ 1,25 см.

Все цитируемые в тексте правовые акты должны содержать дату принятия с указанием в скобках даты последней редакции (в ред. от ...) или изменений (с изм. от ...), а также ссылку на первоначальный официальный источник опубликования.

Обязательна Справка об оригинальности (Антиплагиат) для каждой статьи – для попадания сборников в РИНЦ – не менее 80 % оригинальности.

Электронный вариант материала и сведений об авторе может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: ip_nr@ssla.ru.

ТРЕБОВАНИЯ К СТРУКТУРЕ, СОДЕРЖАНИЮ И ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Материалы статьи должны содержать существенные, законченные и еще не опубликованные результаты юридических исследований.

2. Текст статьи должен быть структурно разбит на разделы. Стандартно должны присутствовать разделы, отражающие:

- актуальность темы исследования;
- степень изученности и проработанности проблемы;
- предлагаемые методы и подходы и их оригинальность (новизна);
- анализ полученных результатов;
- основные выводы.

ВНИМАНИЕ! В конце статьи обязательно должны быть основные выводы, обобщающие полученные научные и практические результаты, а также обозначающие направления дальнейших исследований по проблеме.

3. Таблицы (рисунки) должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовки размещаются над полем таблицы (для рисунков – под рисунком). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

4. Весь иллюстративный материал (графики, схемы, фотографии) именуется рисунками, имеет сквозную порядковую нумерацию и представляется в черно-белом варианте.

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ СВЕДЕНИЙ ОБ АВТОРЕ (АВТОРАХ) СТАТЕЙ

Дополнительно к сведениям об авторах в рукописи статьи, приводимым в соответствии с перечисленными ранее требованиями, к статье в отдельном файле прилагается расширенный перечень сведений об авторах на русском и английском языках, включающий:

- 1) фамилию, имя, отчество (полностью);
- 2) ученая степень, ученое звание (полностью);
- 3) место работы в соответствии с официальным названием организации;
- 4) занимаемая должность;
- 5) e-mail;
- 6) контактный телефон.

ISBN 978-5-7924-1708-3

9 785792 417083 >